

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2025'1

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (заместитель главного редактора),
Е.И. Матюхова, (ответственный секретарь), М.И. Строкова

Журнальная верстка:

ООО “Верди”

Верстка web-страниц:

Е.А. Ключева, Е.М. Ломтева

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

Мнение авторов публикуемых материалов может не совпадать
с мнением редакции журнала.

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
‘Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)’

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Deputy Editor-in-Chief),
Elizaveta Matyukhova (Executive Secretary), Marina Strokova

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Elena Lomteva

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.

Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748

e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

The opinion of the authors of the published materials does not necessarily coincide with the opinion of the Editorial.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий Лабораторией "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, заведующий научно-издательским отделом ИМЭМО РАН, главный редактор журнала "Мировая экономика и международные отношения"

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Харитоновна Е.М., к.полит.н., руководитель Группы британских исследований Европейского союза Центра европейских исследований

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий сектором социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры прикладного анализа международных проблем факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitolovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Director of IMEMO

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department for European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Head of the Department for Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskii, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Center for Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center for North American Studies, Deputy Director, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the RAS, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center for the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center for Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center for Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the RAS, Head of the Center for Asia Pacific Studies, Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department for Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department for International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Scientific and Publishing Department, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal 'The World Economy and International Relations' of the Russian Academy of Sciences

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of Post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group for the Asia-Pacific Region Problems, Center for Asia Pacific Studies, IMEMO

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the British Research Group, Center for European Studies, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector for Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department for Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Honorable Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department for Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН (Россия)

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Сюэтуン Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the RAS, Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS (Russia)

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Yan Xuetong, Ph.D. (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем номер 10

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

“Клубные” договоренности в ВТО и участие в них стран БРИКС в условиях экономических санкций

Бирюкова О.В., Тихоновский Г.А.13

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Проблемы сохранения и интерпретации советского мемориального наследия в Литве

Павлова М.С.27

Особенности реализации концепции “сообщество единой судьбы” как инструмента дискурсивной силы КНР при Си Цзиньпине

Пятчкова А.С.37

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Роль Марка Рютте во фрагментированной партийно-политической системе Нидерландов

Посаженникова А.А.46

Exploring the Future of Bangladesh in the Context of South Asian Dynamics: Opportunities and Challenges

Hasan M.A.61

FROM THE EDITORS

Presenting the Issue 10

GLOBAL GOVERNANCE

'Club' Arrangements in the WTO and BRICS Members Participating in Them Under Economic Sanctions
Biryukova O.V., Tikhonovskiy G.A.13

GLOBAL AND REGIONAL CHALLENGES

Problems of Preservation and Interpretation of Soviet Memorial Heritage in Lithuania
Pavlova M.S.27

The Concept of 'Community of Common Destiny' as an Instrument of Chinese Discourse Power Under Xi Jinping
Piatachkova A.S.37

DYNAMICS OF SOCIAL AND POLITICAL SPACES

Mark Rutte's Role in the Fragmented Political System of the Netherlands
Posazhennikova A.A.46

Exploring the Future of Bangladesh in the Context of South Asian Dynamics: Opportunities and Challenges
Hasan M.A.61

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию первый в 2025 г. номер нашего журнала, в новом цвете в оттенках модного в этом году *Mocha Mousse*.

В выпуске три рубрики – **“Глобальное управление”**, **“Глобальные и региональные вызовы”**, **“Динамика социальных и политических пространств”**. В фокусе внимания авторов – многоаспектный анализ “клубных” договоренностей в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) и участия стран БРИКС в плюрилатеральных инициативах; политика властей Литвы в отношении советского мемориального наследия в контексте “войн памяти” и “культуры отмены”; количественный и качественный анализ дискурсивной силы КНР на примере концепции “сообщества единой судьбы” для понимания китайского видения процессов глобального управления и приоритетов своей внешней политики; факторы электорального успеха Народной партии за свободу и демократию во фрагментированной партийной системе Нидерландов и ее политического лидера в 2006–2023 гг. Марка Рютте, в октябре 2024 г. ставшего новым генеральным секретарем НАТО; вызовы и возможности для Бангладеш на фоне геополитической динамики в регионе Южной Азии и внешнеполитических амбиций внерегиональных держав.

Рубрику **“Глобальное управление”** ИМЭМО заявил, учреждая наш журнал, но открываем мы ее только сейчас и рады представить авторов статьи «“Клубные” договоренности в ВТО и участие в них стран БРИКС в условиях экономических санкций», наших коллег из Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Это авторитетный специалист в сфере глобального экономического управления, в том числе по вопросам регулирования мировой торговли, региональным торговым соглашениям, международным экономическим организациям, кандидат экономических наук, доцент, академический руководитель образовательной программы “Мировая экономика”, доцент департамента мировой экономики, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, старший научный сотрудник Лаборатории ответственного бизнеса Ольга Владимировна Бирюкова и ее соавтор – начинающий исследователь Глеб Андреевич Тихоновский.

Предметом их исследования стали плюрилатеральные инициативы и соглашения в глобальной торговле в условиях усиления протекционистских мер, замедления многосторонних переговоров в рамках ВТО, а также широкого использования инструментов экономических санкций и ограничений. Авторы детально анализируют главные инициативы “клубного” типа в таких сферах, как электронная торговля, инвестиционная политика и устойчивое развитие. Такие инициативы и соглашения не только оказывают влияние на глобальные торговые потоки и их структуру, но и становятся важными инструментами продвижения странами своих интересов, когда традиционные многосторонние переговоры сталкиваются с блокировками и затруднениями. Особое внимание авторы уделили изучению позиций и выявлению стратегических приоритетов стран БРИКС в этих переговорах, их роли в формировании альтернативной повестки многосторонней торговли, а также их договоренностей сотрудничать на площадке ВТО для усиления их коллективного влияния в организации и мировой торговой системе в целом.

В рубрике **“Глобальные и региональные вызовы”** две статьи.

Первую – “Проблемы сохранения и интерпретации советского мемориального наследия в Литве” – подготовила Мария Сергеевна Павлова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Группы комплексных исследований Балтийского региона

Центра изучения стратегического планирования ИМЭМО РАН по материалам своего доклада “Советское/российское мемориальное наследие в странах Балтии: пределы переосмысления и диалога” на мероприятии международной диалоговой площадки взаимодействия научно-экспертного сообщества “Балтийская платформа” в декабре 2024 г. в Санкт-Петербурге, посвященной вопросам гуманитарного сотрудничества и восстановления социальных и культурных связей в условиях конфронтации. Автор изучила политический лексикон, который сложился в Литве и других странах Балтии после обретения ими независимости в отношении памятников советского прошлого. Задачи государственного и нациестроительства в бывших прибалтийских республиках СССР, формирования новых национальных идентичностей, дискурсов и нарративов поставили в центр общественных дискуссий чрезвычайно политизированный вопрос о сохранении, уничтожении или переформатировании советских памятников, которые стали рассматриваться по меньшей мере как “некомфортное”, а чаще – “нежелательное” наследие в русле новой символической политики и политики памяти. Яркий пример решения этого вопроса в Литве – судьба скульптур советской эпохи на Зеленом мосту, самого старого в столичном Вильнюсе, который неоднократно восстанавливался после войн, пожаров и стихийных бедствий и перестраивался, и проекты новой организации здесь городского пространства. Ключевым, однако, остается вопрос о том, какое значение будет иметь политика идентичности, политика памяти и символическая политика в странах Балтии и других государствах Балтийского региона в плане формирования нового регионального порядка.

Тема второй статьи рубрики – «Особенности реализации концепции “общество единой судьбы” как инструмента дискурсивной силы КНР при Си Цзиньпине». Ее написала наш постоянный автор Анастасия Сергеевна Пятачкова, специалист по Китаю, Юго-Восточной Азии, интеграционным процессам в АТР, заместитель заведующего Азиатско-тихоокеанским сектором Центра комплексных европейских и международных исследований, старший преподаватель департамента международных отношений факультета мировой политики и мировой экономики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Автор изучает внешнеполитические амбиции, усилия и по-настоящему креативный потенциал Китая в указанный период времени в плане укрепления и развития своей дискурсивной силы. По ее мнению, именно перемены в руководстве Коммунистической партии Китая в 2012 г. стимулировали заметное стремление КНР активнее влиять на формирование глобальной повестки и более результативно продвигать свои идеи на международной арене. Исследуя оригинальные китайские концепции, собственные трактовки китайским руководством ключевых понятий мейнстримного дискурса, автор детально изучает одну из ключевых и знаковых концепций рассматриваемой эпохи – “общества единой судьбы” (“общества единой судьбы человечества”), в том числе проводит контент-анализ совместных международных деклараций КНР с ее иностранными партнерами в 2017–2023 гг., делая выводы об оценках и характере восприятия этой концепции другими странами, прежде всего государствами глобального Юга.

Рубрику “Динамика социальных и политических пространств” открывает исследование Анастасии Антоновны Посажениковой, преподавателя кафедры языков стран Северной Европы и Балтии МГИМО МИД России и младшего научного сотрудника сектора политических проблем европейской интеграции отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН на тему “Роль Марка Рютте во фрагментированной партийно-политической системе Нидерландов”. Автор изучает персону и политическую харизму Марка Рютте, лидера праволиберальной Народной партии за свободу и демократию (2006–2023), занимавшего пост премьер-министра страны в 2010–2024 гг., используя элементы историко-генетического метода для анализа динамики партийно-политической системы Нидерландов как “общественной демократии” (термин А. Лейпхарта), а также различные методики электоральных исследований, главным образом – модель “воронки причинности” в логике социальной психологии, а также опираясь на данные нидерландской и международной статистики, социологические опросы и аналитические работы нидерландских экспертов. Автор объясняет стойкие симпатии электората к “непотопляемому” главе национального правительства тем, что он сумел представить себя эффективным антикризисным менеджером в достаточно непростое для страны время, чутко реагировал на внутривнутриполитические перемены и успешно корректировал партийный курс, фактически отказавшись от четкой позиции на оси “правый–левый”,

умело проводил избирательные кампании. Очевидно, политический опыт Марка Рютте, его способность находить компромиссы с представителями национальных элит, завоевывать расположение рядовых граждан страны, его успехи в деятельности на уровне Европейского союза предопределили выбор именно его кандидатуры на пост генерального секретаря Североатлантического альянса осенью 2024 г.

Закрывает рубрику и выпуск статья на английском языке *“Exploring the Future of Bangladesh in the Context of South Asian Dynamics: Opportunities and Challenges”*. Ее автор – Мд Абул Хасан (Народная Республика Бангладеш), аспирант Аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям Национального научно-исследовательского университета “Высшая школа экономики”, научный сотрудник международной научно-исследовательской организации Центр по вопросам политики и социальных исследований (г. Стамбул, Турция). Тема его диссертационной работы – “Бангладеш в Южной Азии: концептуальные подходы и практическая политика”, и в данной статье он изучает геополитическую динамику в регионе Южной Азии, которая рождает как вызовы и риски, так и возможности для Бангладеш, занимающего стратегическое положение в Бенгальском заливе. При этом автор стремится представить читателю панорамный, с элементами междисциплинарности взгляд на изменения в региональном политическом ландшафте и активизацию здесь внерегиональных влиятельных игроков, обращая особое внимание на традиции и возможные новации во внешнеполитической стратегии страны, рассматривая в том числе внутривнутриполитические перемены и экономическую ситуацию в стране, динамику двусторонних торговых связей Бангладеш.

Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала

“КЛУБНЫЕ” ДОГОВОРЕННОСТИ В ВТО И УЧАСТИЕ В НИХ СТРАН БРИКС В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

© БИРЮКОВА О.В., ТИХОНОВСКИЙ Г.А., 2025

БИРЮКОВА Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, академический руководитель образовательной программы “Мировая экономика”, доцент департамента мировой экономики, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, старший научный сотрудник Лаборатории ответственного бизнеса.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, Малая Ордынка, 17 (obiryukova@hse.ru), ORCID: 0000-0002-4845-6897

ТИХОНОВСКИЙ Глеб Андреевич, лаборант Лаборатории ответственного бизнеса.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, Малая Ордынка, 17 (gatikhonovskiy@edu.hse.ru), ORCID: 0009-0000-9129-0477

Бирюкова О.В., Тихоновский Г.А. “Клубные” договоренности в ВТО и участие в них стран БРИКС в условиях экономических санкций. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2025, № 1, сс. 13-26. DOI: 10.20542/afij-2025-1-13-26 EDN: QNYTZK

DOI: 10.20542/afij-2025-1-13-26

EDN: QNYTZK

УДК: 339+ 339.542

Оригинальная статья

Поступила в редакцию 18.01.2025.

После доработки 10.02.2025.

Принята к публикации 13.03.2025.

В статье проводится всесторонний анализ “клубных” договоренностей в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) и исследуется участие стран БРИКС в плюрилатеральных инициативах. В условиях усиления протекционистских мер, замедления многосторонних переговоров и стремительных изменений в глобальной торговле плюрилатеральные соглашения приобретают все большее значение. Такие договоренности, будучи заключенными между ограниченным числом заинтересованных стран, позволяют быстрее достигать компромисса по ключевым вопросам торговой политики, создавая гибкие механизмы сотрудничества. Однако, несмотря на эти преимущества, существует значительная проблема интеграции результатов таких договоренностей в общую правовую систему ВТО, которая традиционно основывается на принципе консенсуса среди всех членов. В статье подробно рассматриваются основные инициативы “клубного” типа, включая соглашения в таких ключевых сферах, как электронная коммерция, инвестиционная политика и устойчивое развитие, а также их влияние на структуру глобальных торговых потоков. Эти инициативы становятся важными инструментами для стран, стремящихся продвигать свои интересы в условиях, когда традиционные многосторонние переговоры сталкиваются с блокировками и затруднениями. Особое внимание уделяется анализу позиций и стратегическим интересам стран БРИКС в этих переговорах, их роли в формировании альтернативной повестки многосторонней торговли. Учитывая разные уровни экономического развития и специфические национальные приоритеты, страны БРИКС часто занимают неоднородные позиции по ключевым вопросам международной торговли. Тем не менее, несмотря на эти различия, они договорились о развитии сотрудничества в рамках ВТО, направленного на совершенствование существующих многосторонних торговых правил и разработку новых инициатив. Эти инициативы

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

ориентированы на содействие инклюзивному росту и экономическому развитию, а также на создание благоприятных условий для восстановления доверия к многосторонности в международной торговле. Участие государств БРИКС в плюрилатеральных соглашениях представляет собой важный шаг в укреплении их коллективного влияния в ВТО и в международной торговой системе в целом.

Ключевые слова: ВТО, клубные договоренности, плюрилатеральные соглашения, страны БРИКС, торговая политика, санкции.

Вклад авторов: Бирюкова О.В. – теоретико-методологическая концепция исследования, написание ряда разделов по совместным инициативам, редактирование текста; Тихоновский Г.А. – участие в написании текста по отдельным плюрилатеральным переговорам, включая “зеленые инициативы”, работа над визуализацией материала.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: статья подготовлена в рамках проекта “Факторы устойчивости и динамики санкционных режимов стран Запада в отношении РФ” Российского научного фонда (Соглашение № 24-78-10204).

‘CLUB’ ARRANGEMENTS IN THE WTO AND BRICS MEMBERS PARTICIPATING IN THEM UNDER ECONOMIC SANCTIONS

Original article

Received 18.01.2025. Revised 10.02.2025. Accepted 13.03.2025.

Olga V. BIRYUKOVA (obiryukova@hse.ru), ORCID: 0000-0002-4845-6897,
National Research University ‘Higher School of Economics’, 17, Malaya Ordynka Str., Moscow
119017, Russian Federation.

Gleb A. TIKHONOVSKIY (gatikhonovskiy@edu.hse.ru), ORCID: 0009-0000-9129-0477,
National Research University ‘Higher School of Economics’, 17, Malaya Ordynka Str., Moscow
119017, Russian Federation.

The article provides a comprehensive analysis of the ‘club’ agreements within the framework of the World Trade Organization (WTO) and examines the participation of the BRICS members in plurilateral initiatives. With increasing protectionist measures, slowing multilateral negotiations and rapid changes in global trade, plurilateral agreements are becoming increasingly important. Such agreements are concluded between a limited number of interested countries, making it possible to reach a compromise on key trade policy issues faster by creating flexible cooperation mechanisms. However, despite these advantages, there is a significant problem integrating the results of such agreements into the WTO’s general legal system, which is traditionally based on the principle of consensus among all members. The article also examines in detail the main club-type initiatives, including agreements in vital areas such as e-commerce, investment policy and sustainable development, as well as their impact on the structure of global trade flows. These initiatives are becoming important tools for countries seeking to advance their interests in an environment where traditional multilateral negotiations face blockages and difficulties. Special attention is paid to analyzing the positions of the BRICS countries in these negotiations, as well as their strategic interests, given their role in shaping an alternative agenda for multilateral trade. Considering different levels of economic development and specific national priorities, the BRICS countries often take heterogeneous positions on main issues of international trade. Nevertheless, despite these differences, the BRICS member countries have agreed to develop cooperation within the WTO aimed at improving existing multilateral trade rules and creating new initiatives. These initiatives are aimed at promoting inclusive growth and economic development, as well as creating an enabling environment for restoring confidence in multilateralism in international trade. The participation of the BRICS member states in

plurilateral agreements represents an important step in strengthening their collective influence in the WTO and in the international trading system as a whole.

Keywords: WTO, club arrangements, plurilateral agreements, BRICS countries, trade policy, sanctions.

About the authors:

Olga V. BIRYUKOVA, Associate Professor, Cand. Sci. (Econ.), Programme Academic Supervisor of 'World Economy', Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Economy, Senior Researcher of Center for Comprehensive European and International Studies, Senior Researcher of Laboratory of Responsible Business.

Gleb A. TIKHONOVSKIY, Laboratory Assistant, Laboratory of Responsible Business.

Contribution of the authors: Biryukova O.V. – theoretical and methodological concept of the research, writing a number of sections on joint initiatives, editing the text; Tikhonovskiy G.A. – participation in writing the text on some plurilateral negotiations, including 'green initiatives', work on visualization of the material.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the authors.

Funding: the article was prepared as a part of the project 'Factors of stability and dynamics of Western sanctions regimes against the Russian Federation' of the Russian Science Foundation (Agreement No. 24-78-10204).

For citation: Biryukova O.V., Tikhonovskiy G.A. 'Club' Arrangements in the WTO and BRICS Members Participating in Them Under Economic Sanctions. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2025, no. 1, pp.13-26. DOI: 10.20542/afj-2025-1-13-26 EDN: QNYTZK

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы во Всемирной торговой организации наблюдается повышение роли "клубных" переговоров в формате совместных инициатив. Это объясняется тем, что традиционные многосторонние переговоры в рамках ВТО сталкиваются с серьезными трудностями, включая необходимость достижения консенсуса среди всех членов [1]. В результате процесс принятия решений замедляется, и обсуждения по важным торговым вопросам затягиваются. Участники вынуждены искать более гибкие форматы, такие как плюрилатеральные соглашения, которые позволяют заключать сделки между меньшими группами стран.

Однако включение результатов "клубных" переговоров (то есть с ограниченным числом сторон) в правовую архитектуру ВТО сопряжено со значительными ограничениями. Согласно действующим правилам, инкорпорирование любых новых соглашений (даже плюрилатеральных) в правовую систему организации все равно требует консенсуса между ее участниками, то есть 166 членами¹. На фоне глобальных экономических изменений и давления санкционных режимов особого внимания требует изучение гибкости ВТО в интеграции таких соглашений и возможности адаптации структуры организации для учета специфики групповых договоренностей, включая страны с развивающимися рынками и санкционными рисками [2].

Государства БРИКС за исключением Ирана и Эфиопии являются членами ВТО (рис.), так как видят в ней возможность защиты своих экономических интересов, влияния на международные торговые правила и облегчение доступа к мировым рынкам. Страны договорились расширять диалог по вопросам, касающимся многосторонней торговой

¹ Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization. World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto_e.htm (accessed 08.10.2024).

системы, задействуя механизм неформальных консультаций в рамках БРИКС по вопросам ВТО². Большинство стран БРИКС принимают активное участие в “клубных” переговорах. Однако Индия и ЮАР выступают основными оппонентами плюрилатерального формата и препятствуют таким образом формализации достигнутых результатов.

Рисунок. Участие стран БРИКС в ВТО
Figure. Participation of BRICS Countries in the WTO

Источник: составлено авторами.

Примечание: годы означают официальные даты присоединения государств к организациям.

Существует несколько значимых исследований, которые рассматривают проблемы, связанные с адаптацией Всемирной торговой организации к современным вызовам. А. Перес из Университета Сассекса, изучая проблематику плюрилатеральных переговоров в ВТО, приходит к выводам о том, что сочетание формальных и неформальных переговорных процессов необходимо для результативного диалога в целом [3]. Ученые Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Е.С. Бирюков и А.Ю. Колпаков анализируют торговые и климатические инициативы в рамках ВТО, что косвенно касается глобальных соглашений и их влияния на торговые отношения между государствами [4]. Важно отметить и исследование экспертов НИУ ВШЭ А.П. Портанского и Е.А. Гальченко, где рассматриваются основные этапы интеграции России в ВТО и ее последствия для экономической политики страны в контексте санкций и международных отношений [5]. В своей статье Й. Паувелен из Института международных исследований и исследований в области развития (Женева, Швейцария) рассматривает Многостороннюю временную апелляционную арбитражную договоренность (*Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement, MPIA*) как ключевой механизм для замены функции апелляционного органа ВТО, парализованного с декабря 2019 г. из-за блокировки назначения новых судей. Его исследование подчеркивает проблему недостаточной гибкости организации, инертности в текущих, быстро меняющихся условиях мирового рынка, заявляет о необходимости ее преобразования [6].

Несмотря на значительный объем исследований в области “клубных” переговоров в ВТО и роли в ней стран БРИКС, отсутствует комплексная работа, которая объединяет эти темы и анализирует влияние экономических санкций на участие членов БРИКС в таких соглашениях. В частности, необходимо изучить, как санкции и геополитическая ситуация влияют на способность этих государств эффективно участвовать в гибких форматах

² Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, XVI Саммит БРИКС, 23.10.2024. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh020L3Hk.pdf> (accessed 15.01.2025).

переговоров в рамках ВТО. Целью данной работы является определение роли стран БРИКС в “клубных” соглашениях ВТО в условиях экономических санкций.

Далее рассматриваются основные плюрилатеральные переговоры в ВТО с учетом специфики их правоприменения в системе организации.

ДОГОВОРЕННОСТЬ ПО ВНУТРЕННЕМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ В УСЛУГАХ

Изначально многосторонние переговоры по внутреннему регулированию в услугах стартовали в ВТО на основе так называемого встроенного мандата согласно ст. VI.4 ГАТС [7]. Однако позже из-за блокировки со стороны группы развивающихся членов, представляемых Индией и ЮАР, стала очевидной нежизнеспособность работы в подобном формате. После многолетних неудач в ВТО в 2017 г. начались плюрилатеральные переговоры по внутреннему регулированию в услугах. Зеленый свет “клубному” формату был дан “джентельменским” соглашением между министрами стран-инициаторов на полях 11-й Министерской конференции. Впоследствии это соглашение подкрепилось вторым заявлением министров на мини-министерской конференции 2019 г. в Париже³. Плюрилатеральное соглашение – Договоренность по внутреннему регулированию в услугах (далее – Договоренность) было достигнуто коспонсорами в 2021 г. К нему присоединился 71 участник, на которые приходится 92.5% международной торговли услугами⁴.

Положения по внутреннему регулированию в услугах не затрагивали вопросов доступа на рынок и национального режима, что чувствительно для торговых переговоров [8]. Разработанные правила повышают прозрачность и снижают административное бремя для поставщиков услуг. Таким образом, положения Договоренности направлены на упрощение торговли услугами в случае их широкого и добросовестного претворения в жизнь членами ВТО.

Поскольку странам – коспонсорам Договоренности не удалось достичь консенсуса для интеграции текста в общий пакет соглашений ВТО, участники инициативы воспользовались “лазейкой” в технических процедурах организации и ввели в силу положения плюрилатерального соглашения путем принятия дополнительных индивидуальных обязательств [9]. При этом новые обязательства стран, вытекающие из Договоренности, применяются в равной степени ко всем членам ВТО, включая неучастников “клуба”, то есть на условиях режима наибольшего благоприятствования (РНБ).

С декабря 2022 г. согласно процедуре сертификации участники плюрилатеральных переговоров начали распространять в ВТО свои проекты новых перечней специфических обязательств с включенными положениями по внутреннему регулированию в услугах.

Однако 3 февраля 2023 г. Индия и ЮАР заблокировали процесс сертификации, подвергнув сомнению тот факт, что новые правила международной торговли могут быть сформированы не отдельным соглашением, а через расширение индивидуальных обязательств группы стран-членов (что фактически позволяет обойти требование консенсуса). В феврале 2024 г. оба государства сняли свои возражения против проектов перечней специфических обязательств по услугам 58 членов ВТО, включавшим новые дисциплины по внутреннему регулированию услуг. Это стало возможно после того, как эти члены изменили формат включения Договоренности в свои перечни, вставив весь текст, а не просто ссылаясь на отдельный документ, имеющий юридический статус.

³ Joint Ministerial Statements on Services Domestic Regulation. 13.12.2017. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN17/61.pdf&Open=True> (accessed 04.03.2025); Joint Statements on Services Domestic Regulation. 23.05.2019. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=254425,254414,254405,254435,254436,254437,254426,254434&CurrentCatalogueIdIndex=7&FullTextHash=371857150&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=False&HasSpanishRecord=False (accessed 04.03.2025).

⁴ Services Domestic Regulation: Good Regulatory Practice for Services Markets Enters WTO Rulebook. World Trade Organization. February 2024. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/serv_e/sdr_factsheet_feb24_e.pdf (accessed 04.03.2025).

Австралия отказалась вставлять текст Договоренности в свой перечень специфических обязательств, оставив перекрестную ссылку на отдельный документ Договоренности, содержащий новые положения по внутреннему регулированию в услугах. Индия подала иск в Орган по разрешению споров ВТО против Австралии в связи с такими изменениями в обязательствах. В числе основных претензий были озвучены риски сужения доступа индийских поставщиков услуг на австралийский рынок. По мнению истца, эти изменения затрагивали двусторонние права и обязательства по соглашениям ВТО⁵.

Таким образом Австралия стала первой страной из 70 членом ВТО – участниц Договоренности по внутреннему регулированию в услугах, которая столкнулась с арбитражным разбирательством из-за своего представления новых плюрилатеральных обязательств по внутреннему регулированию в услугах.

СОГЛАШЕНИЕ ПО ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

Соглашение по электронной коммерции (далее – Соглашение) впервые было предложено к обсуждению в 2017 г. и со временем привлекло внимание более чем 90 членом ВТО, включая США и интеграционное объединение ЕС. Россия участвует в этом переговорном треке с 2017 г. Также из членом БРИКС к нему присоединились Китай, Бразилия, ОАЭ и Индонезия. В настоящий момент плюрилатеральное соглашение, поддержанное 91 страной – членом ВТО, находится в статусе переговоров, в рамках которых удалось достичь “стабилизации” проекта итогового документа.

Предварительный вариант Соглашения по электронной коммерции в настоящее время включает шесть основных тем для обсуждения⁶:

- создание начальных условий для электронной коммерции;
- открытость интернет-торговли;
- доверие к этому инструменту;
- прозрачность, сотрудничество и развитие;
- телекоммуникации;
- прочие темы (безопасность, защита данных, преференции для коренных народов).

Некоторые вопросы, имеющие важное значение для цифровой торговли, не были включены в проект соглашения (например, положения о свободном перемещении данных). Участники узкого формата планируют обсудить включение этих вопросов в будущие расширенные многосторонние переговоры. Кроме того, коспонсоры совместной инициативы оставляют за собой право в ходе любых следующих переговорных раундов предлагать поправки к проекту Соглашения.

Отметим, что Бразилия, Гватемала, Индонезия, Колумбия, Парагвай, Сальвадор, США, Тайвань и Турция пока не подписались под имеющимся проектом ввиду продолжающихся консультаций и обсуждений на национальном уровне⁷. США в день публикации текста (26 июля 2024 г.) выпустили заявление о том, что несмотря на важность Соглашения по электронной коммерции, “нынешний текст не соответствует действительности, и требуется дополнительная работа, в том числе в отношении значительного отступления от существующих правил безопасности”⁸. В целом, несмотря на общую заинтересованность стран БРИКС в развитии цифровой экономики, страны объединения

⁵ India to Initiate WTO Arbitration Against Australia over Services Trade Commitments. *India Business and Trade*, 05.06.2024. Available at: https://www.indiabusinessstrade.in/news_buzz/india-to-initiate-wto-arbitration-against-australia-over-services-trade-commitments/ (accessed 09.02.2025).

⁶ Joint Statement Initiative on Electronic Commerce. World Trade Organization. 26.07.2024. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/INF/ECOM/87.pdf&Open=True> (accessed 29.08.2024).

⁷ Joint Statement Initiative on Electronic Commerce 26 July 2024. World Trade Organization. 2024. Available at: <https://it-rc.org/wp-content/uploads/2024/08/JOINT-STATEMENT-INITIATIVE-ON-ELECTRONIC-COMMERCE.pdf> (accessed 17.09.2024).

⁸ Statement by Ambassador María L. Pagán on the WTO E-Commerce Joint Statement Initiative. Geneva, 26.07.2024. Available at: <https://geneva.usmission.gov/2024/07/26/statement-by-ambassador-maria-l-pagan-on-the-wto-e-commerce-joint-statement-initiative/> (accessed 17.09.2024).

крайне неравномерно участвуют в переговорах по электронной коммерции в ВТО. Если Китай и Россия содействуют обсуждению и поддерживают совместную инициативу, Бразилия и Индонезия участвуют, но занимают выжидательную позицию в политической поддержке Соглашения, то Индия и ЮАР вообще блокируют данные переговоры.

УПРОЩЕНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ

Инициатива по упрощению инвестиций в целях развития (далее – Инициатива), первоначально выдвинутая весной 2017 г. группой развивающихся стран – членов ВТО, направлена на разработку глобального соглашения в области капиталовложений для “улучшения делового и инвестиционного климата во всех секторах экономики, систематизации кредитования, упрощения ведения бизнеса”⁹. Россия входит в число основных ее коспонсоров. Текст Соглашения по упрощению инвестиций в целях развития имеет много схожего с текстом Соглашения по упрощению процедур торговли, но в новом тексте появляются положения об ответственном ведении бизнеса и мерах по борьбе с коррупцией. После более чем шести лет обсуждений и переговоров члены ВТО, участвующие в инициативе, завершили работу над Соглашением по упрощению инвестиций в целях развития.

Его участниками по состоянию на июль 2024 г. являлись 125 стран – членов ВТО, в том числе и Россия. Не присоединились к плюрилатеральному соглашению такие крупные страны мира, как Индия и США.

Соглашение, разработанное к ноябрю 2023 г., основано на режиме наибольшего благоприятствования, ключевом принципе в деятельности Всемирной торговой организации, и открыто для присоединения всех членов ВТО. В декабре 2023 г. его участники подтвердили наличие согласованного и юридически выверенного текста предлагаемых новых инвестиционных правил. Они заявили, что обсуждают с неучаствующими сторонами желание включить положения в итоговое соглашение ВТО на очередной Министерской конференции. В декабре 2023 г. на заседании Генерального совета ВТО Индия выступила против добавления каких-либо плюрилатеральных договоренностей в свод правил организации, в то время как все остальные делегации, включая неучастников соглашения США, поддержали введение мер по упрощению процедур инвестирования.

На Министерской конференции в Абу-Даби 26–29 февраля 2024 г. участники плюрилатерального соглашения и его координаторы в составе Чили и Южной Кореи подтвердили, что продолжат разъяснительную работу, побуждающую других членов ВТО поддержать их инициативу. Однако на этой же конференции Индия объявила, что выступает против Соглашения по упрощению инвестиций в целях развития на основании отсутствия консенсуса¹⁰. Переговоры по инкорпорированию Соглашения в право ВТО продолжаются до сих пор.

СТРУКТУРИРОВАННЫЕ ДИСКУССИИ ПО ТОРГОВЛЕ И УСТОЙЧИВОСТИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В ноябре 2020 г. 50 членов ВТО начали структурированные дискуссии, направленные на активизацию работы в области торговли и экологической устойчивости. Структурированные обсуждения по этим вопросам призваны дополнить работу Комитета по торговле и окружающей среде и поддержать цели Марракешского соглашения о глобальной природоохранной торговой системе в соответствии с принципами устойчивого развития.

⁹ *Investment Facilitation for Development (IFD)*. World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/invfac_public_e/invfac_e.htm (accessed 17.09.2024).

¹⁰ *Ministerial Statement by India*. World Trade Organization. 28.02.2024. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN24/24.pdf&Open=True> (accessed 17.09.2024).

На данный момент уже 77 стран – членов ВТО, в том числе Россия, Бразилия, Китай и ОАЭ стали коспонсорами обсуждений¹¹. Количество стран-участников дискуссии неуклонно растет, что говорит о ее действительной актуальности и необходимости дополнительных соглашений. Страны БРИКС активно поддерживают инициативы, связанные с экологической устойчивостью, созвучной с одним из базовых принципов объединения – устойчивым развитием.

В рамках Структурированных дискуссий по торговле и устойчивости окружающей среды существуют следующие рабочие группы: группа по экологичным товарам и услугам, группа по экологическим субсидиям, группа по декарбонизации зданий и сооружений, группа по экономике замкнутого цикла и группа, изучающая меры по борьбе с изменением климата, связанные с торговлей.

15–16 апреля 2024 г. ЕС предложил ввести субсидии на более экологичное авиационное топливо в размере разницы между ценой возобновляемого ресурса и ископаемого топлива. На проект в период с 2024 по 2030 гг. планируют выделить около 1.6 млрд евро¹². Этот пример иллюстрирует уже начавшийся процесс активизации обсуждений, а также демонстрируют заинтересованность Брюсселя использовать площадку ВТО для продвижения европейских подходов к энергопереходу.

В целом, страны – участники обсуждения активно развивают дискуссию, количество коспонсоров не уменьшается. Тема изменения климата и достижения углеродной нейтральности остается одной из самых актуальных в мире, поэтому можно говорить о дальнейшем возможном переходе инициативы из разряда обсуждения в разряд полноценных плюрилатеральных соглашений.

15 ноября 2024 г. на “полях” ВТО Коста-Рика, Исландия, Новая Зеландия и Швейцария подписали Соглашение об изменении климата, торговле и устойчивом развитии (*Agreement on Climate Change, Trade and Sustainability, ACCTS*), которое содержит юридически обязательные торговые нормы для достижения целей экологической политики. Страны декларируют “содействие либерализации торговли экологическими и связанными с экологией услугами, которые способствуют смягчению последствий изменения климата, адаптации к изменению климата, переходу к экономике замкнутого цикла, предотвращению загрязнения и борьбе с ним, или устойчивому использованию, защите или восстановлению биоразнообразия, экосистем и природных ресурсов, включая водные и морские ресурсы”. В Соглашении экологические и смежные с экологией услуги определяются как услуги, вносящие существенный вклад в достижение экологических целей, охватывающих перечень из 114 услуг. Основываясь на этом перечне, Стороны соглашения приняли на себя конкретные обязательства в отношении доступа на рынки и национального режима, которые должны применяться в соответствии со ст. II РНБ ГАТС¹³. ACCTS открыта для присоединения всех членов Всемирной торговой организации.

НЕФОРМАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ ПО ЗАГРЯЗНЕНИЮ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИ УСТОЙЧИВОЙ ТОРГОВЛЕ ПЛАСТИКОМ

Неформальный диалог по загрязнению окружающей среды и экологически устойчивой торговле пластиком фактически был запущен в 2020 г., но декларация для Министерской конференции ВТО подготовлена лишь в 2021 г. Основная цель обсуждения – изучить возможное влияние ВТО на сокращение загрязнения окружающей среды пластиковыми отходами, содействие переходу к более экологичному обороту полимеров. Основные предлагаемые направления – повышение прозрачности и

¹¹ *Trade and Environmental Sustainability*. World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/tessd_e/tessd_e.htm#fnt-1 (accessed 09.10.2024).

¹² Oney E. *ReFuelEU Aviation: WTO Working Group on Subsidies*. Brussels, European Commission, 15.04.2024. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/tessd_e/15042024_e/05_Subsidies-EuropeanUnion.pdf (accessed 09.10.2024).

¹³ *The Agreement on Climate Change, Trade and Sustainability*. Available at: <https://www.news.admin.ch/newsd/message/attachments/90525.pdf> (accessed 10.10.2024).

мониторинг тенденций в торговле, усиление согласованности экологической политики, оценка потенциала и потребностей в технической помощи, сотрудничество с другими международными процессами и усилиями. На данный момент вопрос о введении новых правил в рамках диалога не обсуждается. Коспонсорами инициативы стали 79 стран мира, в том числе и Россия.

В 2022 г. ООН учредила Межправительственный переговорный комитет по пластиковому загрязнению. Его основная цель – разработка к 2024–2025 гг. международного юридически обязательного соглашения по борьбе с пластиковым загрязнением¹⁴. И Неформальный диалог ВТО по загрязнению окружающей среды и экологически устойчивой торговле пластиком направлен на поддержку именно этого соглашения.

Первый проект текста итогового документа диалога для 13-й Министерской конференции ВТО 2024 г. был распространен и обсужден на заседании 25 мая 2023 г. Он нацеливался на достижение “конкретных, прагматичных и эффективных результатов” в 2024 г. в соответствии с мандатом, согласованным на конференции 2022 г. в ООН.

В рамках диалога государства – участники обсуждают одну из ведущих тем глобальной повестки, что потенциально может оказать существенную помощь названному комитету ООН. Поднятые в рамках дискуссии вопросы могут содействовать разработке норм в ООН, но сами по себе не накладывают обязательств на членов ВТО. При этом в нынешней редакции текста и самого диалога споры по вопросам загрязнения пластиком не будут подлежать урегулированию в рамках ВТО¹⁵, данное обсуждение играет скорее второстепенную роль, основные действия по вопросам обсуждения загрязнения окружающей среды и целей устойчивого развития предпринимаются на полях специального комитета ООН.

СУБСИДИИ НА ИСКОПАЕМЫЕ ВИДЫ ТОПЛИВА

Первые обсуждения и заявления министров по поводу повышения эффективности субсидий на ископаемое топливо начались еще в 2017 г., но с тех пор вплоть до декабря 2021 г. официальных встреч ВТО по этому вопросу не проводилось. Исключением стало выступление Новой Зеландии и 11 других членов ВТО в 2020 г. с призывом к рационализации и поэтапному отказу от неэффективных субсидий, которые поощряют расточительное потребление¹⁶.

Сейчас у инициативы по субсидиям на ископаемые виды топлива есть план¹⁷, согласно которому в 2025 г. будут проведены следующие мероприятия: включение обсуждения субсидий на ископаемое топливо в регулярный раздел повестки организации, публикация отчетности в обзорах торговой политики; контроль и поощрение отмены временных мер поддержки использования ископаемого топлива, принятых для преодоления энергетического кризиса (2022–2023 гг.); планирование поэтапного сокращения наиболее “вредных” видов субсидий.

Коспонсорами инициативы в настоящее время являются 48 стран, большая часть из них – члены Евросоюза. Это связано с тем, что их правительства наиболее остро заинтересованы в скорейшем сокращении субсидий после энергетического кризиса 2022 г. и энергетическом переходе. Россия, так же как, к примеру, США, Канада, Саудовская

¹⁴ *Intergovernmental Negotiating Committee on Plastic Pollution*. United Nations Environmental Programme. Available at: <https://www.unep.org/inc-plastic-pollution> (accessed 10.10.2024).

¹⁵ *Ministerial Statement on Plastic Pollution and Environmentally Sustainable Plastics Trade*. World Trade Organization. 23.02.2024. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:WT/MIN24/14.pdf&Open=True> (accessed 17.09.2024).

¹⁶ *Fossil Fuel Subsidy Reform (FFSR)*. Geneva Trade Platform. Available at: https://wtoplurilaterals.info/plural_initiative/fossil-fuel-subsidy-reform-ffsr/ (accessed 10.10.2024).

¹⁷ *Fossil Fuel Subsidy Reform*. World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/envir_e/fossil_fuel_e.htm (accessed 10.10.2024).

Аравия и другие крупные экспортеры газа, не вошла в число коспонсоров обсуждений, не испытывая стратегического интереса к сокращению поставок ископаемых энергоносителей инициаторов дискуссии.

Ни один из членов БРИКС не присоединился к этим переговорам, поскольку для развивающихся экономик и экспортеров нефти и газа регулирование субсидий на ископаемое топливо чревато значительными экономическими и социальными рисками. С одной стороны, такие меры могут привести к снижению зависимости от углеводородов и стимулировать развитие возобновляемых источников энергии. С другой стороны, быстрый отказ от субсидий без надлежащих альтернативных механизмов поддержки негативно сказывается на экономическом росте, уровне жизни населения и энергетической безопасности. Поэтому страны БРИКС занимают осторожную позицию, не участвуют в этих переговорах, отстаивая право на гибкие условия перехода к "зеленой" экономике.

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО И РАСШИРЕНИЕ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В ТОРГОВЛЕ

Совместная инициатива по расширению участия женщин в торговле была одобрена на Министерской конференции ВТО в Буэнос-Айресе в 2017 г. Рабочая группа была создана только в сентябре 2020 г., в ее состав вошло 130 членов и пять наблюдателей Всемирной торговой организации, в том числе и Россия. Примечательно, что страны – члены БРИКС с традиционно низким уровнем вовлечения женщин в экономику, такие как ОАЭ и Индонезия, поддержали инициативу, что говорит о том, что в рамках ВТО они готовы выстраивать торговую политику с учетом целей устойчивого развития. На данный момент для продвижения этого нового трека разработаны различные мероприятия, многие из которых были инициированы Секретариатом ВТО.

Действия, озвученные в Декларации Министерской конференции в Буэнос-Айресе, призваны стимулировать экономический рост и привлекать женщин к работе на более высокооплачиваемых должностях. Эти меры непосредственно связаны с Целями устойчивого развития ООН, включая цель по достижению гендерного равенства, расширению прав и возможностей девушек и женщин¹⁸.

Неформальная рабочая группа под общим председательством Кабо-Верде, Сальвадора и Великобритании в 2024 г. запланировала провести четыре встречи, хотя изначально в 2020 г. стороны договорились о регулярных собраниях каждые два месяца.

В течение 2024 г. неформальная рабочая группа опубликовала ряд важных документов, в том числе "Совместное заявление о содействии инклюзивному и устойчивому росту торговли посредством обеспечения гендерного равенства и создания ВТО, учитывающей гендерные аспекты". Оно содержит обязательства, способствующие выведению работы в сфере гендерных вопросов на новый уровень¹⁹. Также был выпущен сборник инициатив по расширению доступа к финансовым услугам для женщин-предпринимателей, ставший практическим инструментом для разработки инклюзивной торговой политики.

Россия принимает активное участие в названной инициативе. По запросу представителей РФ неформальная рабочая группа начала разрабатывать сборник образовательных программ для женщин-предпринимателей, нацеленный на создание более инклюзивной и разносторонней деловой среды и учет особенностей ведения бизнеса женщинами.

¹⁸ Buenos Aires Declaration on Women and Trade Outlines Actions to Empower Women. World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news17_e/mc11_12dec17_e.htm (accessed 29.10.2024).

¹⁹ Informal Working Group on Trade and Gender. World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/womenandtrade_e/iwg_trade_gender_e.htm (accessed 30.10.2024).

МИКРО, МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Неформальная рабочая группа по микро, малым и средним предприятиям (ММСП) на данный момент еще не обрела статус переговорной и остается добровольной, решения которой пока не имеют обязательной силы. Инициатива по микро, малым и средним предприятиям охватывает широкий спектр проблем, с которыми сталкиваются многие члены ВТО вне зависимости от уровня экономического развития. С момента своего основания рабочая группа занимается:

- улучшением доступа заинтересованных сторон к информации;
- продвижением создания более предсказуемой нормативной правовой базы;
- снижением торговых издержек, морских перевозок и логистики, улучшением доступа к торговому финансированию;
- выявлением вопросов, представляющих особый интерес для включения в отчетность ВТО по вопросам торговой политики;
- технической помощью и наращиванию потенциала, учитывающего торговые потребности и проблемы ММСП;
- изучением влияния интернета как инструмента доступа ММСП к глобальным рынкам²⁰.

В настоящее время к обсуждению инициативы присоединились уже 103 страны, которые аккумулируют около 90% мирового экспорта. В число участников вошли Россия, США, Китай, при этом к инициативе не присоединилось большинство стран ЕС, Индия, Саудовская Аравия и др.

На данный момент стороны не выдвигают новых правил и обязательств для стран – участниц переговоров. Однако они уже подготовили рекомендации и декларации по сбору информации и доступу к ней (в том числе к базе данных ВТО), что упрощает торговлю для небольших компаний и помогает им участвовать в разработке нормативных актов, а также улучшает доступ к торговым инвестициям.

МНОГОСТОРОННЯЯ ВРЕМЕННАЯ ДОГОВОРЕННОСТЬ ОБ АПЕЛЛЯЦИОННОМ АРБИТРАЖЕ

Институциональная структура, призванная быть опорой для урегулирования споров в рамках Договоренности об урегулировании споров (*Dispute Settlement Understanding*), находится в глубоком кризисе [10].

С 1995 г. в рамках ВТО действовало три главных элемента для урегулирования торговых споров между членами организации: Орган по разрешению споров (ОРС), третейские группы для рассмотрения спора и созданный в том же году Апелляционный орган (АО). Их совокупность обеспечивала приведение в исполнение правил многосторонней торговой системы. АО, состоящий из семи арбитров, имел возможность исправлять ошибки третейских групп.

С 2017 г. США начали блокировать назначение кандидатов в АО, нарушая его работу. Вашингтон предъявлял претензии к несоблюдению арбитрами временного регламента и превышению ими полномочий²¹. Критики отмечали, что АО не является судом и, согласно Марракешскому соглашению, не играет никакой роли в авторитетном толковании соглашений ВТО. К декабрю 2019 г. АО прекратил свою работу, поскольку действующие арбитры ушли в отставку по истечении срока полномочий [11].

Впоследствии администрация американского президента Дж. Байдена несколько сменила риторику, но продолжила практику своих предшественников по блокированию кандидатов в Апелляционный орган ВТО. На этот раз США ссылались на “системные

²⁰ *Micro Small and Medium Enterprises (MSMEs)*. Geneva Trade Platform. Available at: https://wtoplurilaterals.info/plural_initiative/micro-small-and-medium-enterprises-msmes/ (accessed 16.11.2024).

²¹ Lighthizer R.E. *Report on the Appellate Body of the World Trade Organization*. United States Trade Representative. February 2020. Available at: https://www.ustr.gov/sites/default/files/Report_on_the_Appellate_Body_of_the_World_Trade_Organization.pdf (accessed 09.02.2025).

проблемы” ОРС и подтверждали справедливость нападков Д. Трампа на мировой торговый режим [6].

В 2020 г. Европейский союз предпринял попытку создать альтернативу АО, руководствуясь ст. 25 Договоренности ВТО об урегулировании споров, которая допускает арбитраж. Новый механизм получил название Многосторонняя временная договоренность об апелляционном арбитраже (*Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement, MPIA*)²². Согласие на него в качестве замены АО было добровольным, а его действие применимо только к его участникам, то есть фактически это плюрилатеральная договоренность. В настоящее время 53 члена ВТО, среди которых Австралия, Бразилия, Канада, Китай, ЕС и Мексика, присоединились к *MPIA*²³. Участники *MPIA* заранее договорились, что в каждом случае возникновения споров между любыми из них апелляции будут поданы в коллегия из трех человек, отобранных из 10 арбитров, названных заранее.

За пределами этой системы находятся остальные 2/3 членов ВТО, включая США, большинство стран БРИКС. Это означает, что для них по любому торговому спору, стороной в котором они являются, невозможно получить окончательный вывод о том, были ли нарушены обязательства ВТО [6]. Судя по жестким заявлениям США, восстановить работу АО вряд ли удастся в ближайшее время, и на реформу механизма разрешения споров ВТО может уйти несколько лет²⁴. Официально созданный как временный апелляционный арбитраж, *MPIA* может обрести гораздо большее постоянство, чем изначально задумывалось. Хотя *MPIA* является полезным временным решением и устраняет некоторые опасения членов, чтобы стать полноценной заменой АО, требуется принципиальное согласие со стороны США. Торговая система де-факто возвращается к тому, что происходило в рамках ГАТТ-47 30 лет назад, когда любой член мог заблокировать исход любого спора, который его не удовлетворял.

УЧАСТИЕ СТРАН БРИКС В “КЛУБНЫХ” ПЕРЕГОВОРАХ

Совместные инициативы позволяют более крупным экономикам усиливать свое влияние в управлении многосторонней торговлей. Позволяя группам стран продвигать свои позиции на переговорах и достигать соглашений без мандата от всех членов, развитые экономики могут решать интересующие их вопросы через “коалиции желающих” и изменять расчеты других членов в отношении более широкой повестки дня.

Несмотря на этот аспект “клубных” переговоров, все большее число развивающихся стран присоединяются к подобным форматам. Существенная часть примыкает к Совместным инициативам, чтобы не оказаться “за бортом” соглашений, которые могут стать обязательными в будущем. Такое стремление к созданию “эффекта присутствия” часто означает, что развивающиеся страны не имеют значительного влияния на конечные результаты.

Стоит отметить, что, присоединяясь к “клубным” переговорам, они фактически помогают легитимизировать процесс, который в итоге может уменьшить влияние развивающихся стран в многостороннем торговом режиме. Принимая во внимание такую перспективу, Индия и ЮАР, опасаясь последствий усиления плюрилатеральных форматов, заняли принципиальную позицию блокировать инкорпорирование результатов таких переговоров в свод правил ВТО.

С одной стороны, такая категоричная позиция служит защите суверенного равенства, принципов многосторонности, заложенных в основу ВТО при ее создании в 1995 г. Нью-Дели и Претория противятся превращению организации в систему, в которой влиятельные субъекты будут продвигать повестку, невыгодную другим членам. С другой

²² *Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA)*. Geneva Trade Platform. Available at: <https://wtoplurilaterals.info/plural-initiative/the-mpia/> (accessed 09.02.2025).

²³ Ibid.

²⁴ *Draft Ministerial Decision on Dispute Settlement Reform*. World Trade Organization. 01.03.2024. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN24/W22.pdf&Open=True> (accessed 09.02.2025).

стороны, полное отрицания “клубных” переговоров на площадке ВТО не позволяет Индии и ЮАР самим создавать коалиции, в том числе в формате БРИКС. Данные табл., например, демонстрируют, что две названные страны, исключив участие в разработке новых правил организации через плюрилатеральные переговоры, в результате не влияют на формирование правил, которые в любом случае будут разработаны.

Таблица. Участие стран БРИКС в совместных инициативах ВТО
Table. Participation of BRICS Countries in WTO Joint Initiatives

Название инициативы	Статус инициативы	Число членов ВТО, участвующих в “клубных” переговорах	Участие стран БРИКС+
Совместная инициатива по внутреннему регулированию в услугах <i>Joint Initiative on Services Domestic Regulation</i>	переговоры завершены, для большинства коспонсоров договоренность вступила в силу	72	Россия Бразилия Китай ОАЭ
Совместная инициатива по электронной коммерции <i>Joint Initiative on E-Commerce</i>	текст стабилизирован, но не поддержан всеми участниками (США не присоединились к числу коспонсоров)	91	Россия Бразилия Китай ОАЭ Индонезия
Совместная инициатива по упрощению инвестиций в целях развития <i>Investment Facilitation for Development</i>	текст согласован, но консенсус для его включения в пакет соглашений ВТО не достигнут	127	Россия Бразилия Китай ОАЭ Индонезия
Структурированные дискуссии по торговле и устойчивости окружающей среды <i>Trade and Environmental Sustainability Structured Discussions (TESSD)</i>	структурированные дискуссии, постоянное увеличение числа участников	76	Россия Бразилия Китай ОАЭ
Неформальный диалог по вопросам загрязнения пластиком и экологически устойчивой торговле пластиком <i>(Informal) Dialogue on Plastic Pollution and Environmentally Sustainable Plastics Trade</i>	подготовлен текст соглашения	79	Россия Китай
Субсидии на ископаемые виды топлива <i>Fossil Fuel Production Subsidies</i>	имеется план инициативы, включающий будущие мероприятия и обсуждения	48	-
Гендерное равенство и расширение участия женщин в торговле <i>Gender Equality and Women in Trade</i>	создана рабочая группа, проводятся мероприятия, инициированные Секретариатом ВТО	130	Россия Бразилия ОАЭ Индонезия
Микро, малые и средние предприятия <i>Micro, Small and Medium-Sized Enterprises (MSMEs)</i>	действует рабочая группа, переговоры на стадии обсуждений	103	Россия Бразилия Китай ОАЭ
Многосторонняя временная договоренность об апелляционном арбитраже <i>Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA)</i>	работает в качестве временного субститута Апелляционного органа для участвующих сторон	26	Бразилия Китай

Источник: составлено авторами.

Популярность плюрилатеральных переговоров “на полях” ВТО продолжает повышаться. В настоящее время остро встает вопрос о том, какие дополнительные “гибкие” инструменты необходимы для облегчения включения плюрилатеральных соглашений в общий правовой пул организации.

В условиях геополитической напряженности, санкционного давления в отношении России и торговой войны против Китая БРИКС особенно важно использовать возможности роста национальных экономик на основе усиления международного сотрудничества внутри межгосударственного объединения [12]. Преимущества и риски разрабатываемых

на полях ВТО правил международной торговли должны быть приняты во внимание при анализе возможных инициатив в области торговой политики в рамках БРИКС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ограниченный прогресс в многосторонних переговорах ВТО привел к росту плюрилатеральных обсуждений, посредством которых группы государств-членов могут приходиться к новым соглашениям.

Результаты проведенного анализа показывают, что “клубный” формат переговоров является ключевым в продвижении необходимых изменений и поддержании актуальности ВТО. При этом конфигурации коалиций не учитывают санкционный фактор. Совместные инициативы согласуются с подходом “реформы на практике” (*reform by doing*), который подчеркивает процесс, основанный на инициативе членов организации [13, с. 399]. В этом смысле совместные инициативы вносят свой вклад в реформу ВТО, не только пытаясь обновить правила торговли для решения текущих задач, но и предлагая новый способ сделать это в рамках нормативных и институциональных рамок организации. В целом, ни в расширенном составе БРИКС, ни в составе стран – основательниц объединения не наблюдается возможности крепкой коалиции государств в “клубных переговорах”. Из-за принципиальной позиции Индии и ЮАР против плюрилатеральных форматов пока не удалось эффективно финализировать результаты таких переговоров. В то же время для остальных стран наблюдается относительная синхронность участия (или неучастия) в совместных инициативах. Это значит, что страны БРИКС разделяют подходы к решению современных проблем международной торговли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Колесникова Т.В. Государственное управление инструментами протекционизма в условиях ВТО. *Проблемы экономики и юридической практики*, 2022, № 18 (6), сс. 299-308. [Kolesnikova T.V. Governance of Protectionist Measures Within the WTO. *Economic Problems and Legal Practice*, 2022, no. 18(6), pp. 299-308. (In Russ.)] DOI: 10.33693/2541-8025-2022-18-6-299-308
2. Hoekman B., Sabel C. Plurilateral Cooperation as an Alternative to Trade Agreements: Innovating One Domain at a Time. *Global Policy*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 49-60. DOI: 10.1111/1758-5899.12923
3. Peres A. Transience of (In)Formality: The Role of the Joint Initiatives in Reforming the WTO Negotiations. *World Trade Review*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 385-407. DOI: 10.1017/S1474745624000119
4. Бирюков Е.С., Колпаков А.Ю. Реформа субсидий на ископаемые виды топлива как западная торгово-климатическая инициатива. *Мировая экономика и международные отношения*, 2024, № 68(7), сс. 45-56. [Biryukov E.S., Kolpakov A.Yu. Fossil Fuel Subsidy Reform as Western Trade and Climate Initiative. *World Economy and International Relations*, 2024, no. 68(7), pp. 45-56. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-45-56
5. Портанский А.П., Гальченко Е.А. 10 лет назад перед Россией открылись двери ВТО. *Вестник международных организаций*, 2021, т. 16, № 3, сс. 220-237. [Portanskiy A., Galchenko E. Ten Years Ago, the World Trade Organization Opened Its Doors to Russia. *International Organisations Research Journal*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 220-237. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-10
6. Pauwelyn J. The WTO's Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA): What's New? *World Trade Review*, 2023, vol. 22, no. 5, pp. 693-701. DOI: 10.1017/S1474745623000204
7. Marchetti J., Mavroidis P. The Genesis of the GATS (General Agreement on Trade in Services). *The European Journal of International Law*, 2011, vol. 22, no. 3, pp. 689-721. DOI: 10.1093/ejil/chr051
8. Biryukova O. Joint Initiative on Services Domestic Regulation in the WTO: The Case of Russia. *Global Policy*, 2022, no. 13, pp. 594-605. DOI: 10.1111/1758-5899.13097
9. Nottage H., Sebastian T. Giving Legal Effect to the Results of WTO Trade Negotiations: An Analysis of the Methods of Changing WTO Law. *Journal of International Economic Law*, 2006, no. 9(4), pp. 989-1016. DOI: 10.1093/jiel/jgl028
10. Загашвили В.С. Противоречия и конфликты в многосторонней торговой системе. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, № 67(9), сс. 5-14. [Zagashvili V.S. Contradictions and Conflicts in the Multilateral Trading System. *World Economy and International Relations*, 2023, no. 67(9), pp. 5-14. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-5-14
11. Бирюкова О.В. Трансформация парадигмы торговой политики: теоретический и институциональный аспекты. *Вопросы экономики*, 2024, № 10, сс. 142-155. [Biryukova O.V. Transformation of the Trade Policy Paradigm: Theoretical and Institutional Aspects. *Voprosy Ekonomiki*, 2024, no. 10, pp. 142-155. (In Russ.)] DOI: 10.32609/0042-8736-2024-10-142-155
12. Шкваря Л.В. Расширение БРИКС и новые возможности партнерства: макроэкономический анализ. *Международная торговля и торговая политика*, 2024, № 10(4), сс. 146-167. [Shkvarya L.V. BRICS Expansion and New Partnership Opportunities: Macroeconomic Analysis. *International Trade and Trade Policy*, 2024, no. 10(4), pp. 146-167. (In Russ.)] DOI: 10.21686/2410-7395-2024-4-146-167
13. Wolff A. *Revitalizing the World Trading System*. Cambridge, Cambridge University Press, 2023. 588 p. DOI: 10.1017/9781009289290

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВЕТСКОГО МЕМОРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В ЛИТВЕ

© ПАВЛОВА М.С., 2025

ПАВЛОВА Мария Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Группы комплексных исследований Балтийского региона Центра изучения стратегического планирования.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (marija.s.pavlova@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-9114-3431

Павлова М.С. Проблемы сохранения и интерпретации советского мемориального наследия в Литве. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2025, № 1, сс. 27-36. DOI: 10.20542/afij-2025-1-27-36 EDN: VMBMIS

DOI: 10.20542/afij-2025-1-27-36

EDN: VMBMIS

УДК: 323+725.945

Оригинальная статья

Поступила в редакцию 03.03.2025.

После доработки 14.03.2025.

Принята к публикации 18.03.2025.

Статья подготовлена по итогам доклада автора на тему “Советское/российское мемориальное наследие в странах Балтии: пределы переосмысления и диалога” на мероприятии международной диалоговой площадки взаимодействия научно-экспертного сообщества “Балтийская платформа” в декабре 2024 г. в Санкт-Петербурге. Автор изучила процесс борьбы с советским мемориальным наследием в Литве на примере дискуссии вокруг скульптурных композиций в общественном пространстве столичного Вильнюса. Первая волна “войн с памятниками” в 1990-х годах практически не коснулась той части мемориального наследия, которая не ассоциировалась напрямую с советской или коммунистической идеологией. Возникшая в 2010-х годах дискуссия вокруг сохранения или демонтажа памятников искусства и архитектуры времен СССР продемонстрировала, как диссонантное советское наследие подвергается инструментализации и секьюритизации. В результате, памятники становятся символами не только того периода истории, но и вписываются в современный военно-политический контекст. Деконструкция нарратива, транслируемого диссонантным наследием, почти всегда начинает означать уничтожение не только самого памятника, но и прежней коллективной памяти, в том числе с целью конструирования новой идентичности. При этом на фоне политики исторического ревизионизма и нацеленности местных и национальных властей на уничтожение памятников советской эпохи различные инициативные группы граждан на протяжении нескольких лет предлагали иные стратегии сохранения советского наследия, в том числе – их художественного переосмысления. Исследование этих проектов и общественной реакции на них показало, что подобной реинтерпретации оказалось недостаточно для ограничения или снятия диссонантного потенциала памятников эпохи. В то же время их демонтаж не остановил попыток переосмысления их символического пространства и не привел к уничтожению исторической памяти о них.

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Ключевые слова: диссонантное наследие, война с памятниками, декоммунизация, страны Балтии, Литва, “Балтийская платформа”.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

PROBLEMS OF PRESERVATION AND INTERPRETATION OF SOVIET MEMORIAL HERITAGE IN LITHUANIA

Original article

Received 03.03.2025. Revised 14.03.2025. Accepted 18.03.2025.

Maria S. PAVLOVA (marija.s.pavlova@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-9114-3431, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article is based on the author's report 'Soviet/Russian memorial heritage in the Baltic countries: the limits of reinterpretation and dialogue' at the conference of international dialogue platform for interaction of the scientific and expert community 'Baltic Platform' in December 2024 in St. Petersburg. The author examined the processes of struggle against the Soviet memorial heritage in Lithuania using the example of the discussion around sculptural compositions in the public space of Vilnius. The first wave of 'wars with monuments' in the 1990s did not touch that part of the Soviet memorial heritage that was not directly associated with Soviet or communist ideology. The debate, that emerged in early 2010s and focused on the problems of preservation or dismantling of these monuments, demonstrated how the dissonant Soviet heritage is being instrumentalized and securitized. As a result, the monuments are not only the symbols of the Soviet period of history, but they are also placed in the context of today military and political tensions. Deconstruction of the narrative, transmitted by the dissonant Soviet heritage, almost always starts to mean the destruction not only of the monument itself, but also of the former collective memory, for the purpose of constructing a new identity. At the same time, while national authorities pursue the policy of historical revisionism and destruction of the Soviet monuments, various social groups over the course of several years have proposed other strategies for preserving the Soviet heritage, including its artistic reinterpretation. A study of these art projects and the public reaction to them showed that such reinterpretation was not enough to limit or remove the dissonant potential of these monuments. At the same time, the dismantling of these monuments did not stop attempts to reinterpret their symbolic space and did not destroy social memory of them.

Keywords: dissonant heritage, war with monuments, decommunisation, Baltic countries, Lithuania, 'Baltic Platform'.

About the author:

Maria S. PAVLOVA, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Baltic Sea Region Integrated Research Group, Center for Strategic Planning Studies.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Pavlova M.S. Problems of Preservation and Interpretation of Soviet Memorial Heritage in Lithuania. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2025, no. 1, pp. 27-36. DOI: 10.20542/afj-2025-1-27-36 EDN: VMBMI

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья является продолжением доклада “Советское/российское мемориальное наследие в странах Балтии: пределы переосмысления и диалога”, представленном в декабре 2024 г. на очередной сессии международной диалоговой площадки “Балтийская платформа”, посвященной вопросам гуманитарного сотрудничества и восстановления социальных и культурных связей в условиях конфронтации¹. Процессы борьбы с советским мемориальным наследием в странах Балтии, продолжающиеся с начала 1990-х годов, пока не получили комплексного описания как в национальной, так и зарубежной литературе. Тем не менее в последние годы в связи с новой волной сноса памятников в этих странах научное сообщество все больше обращает внимание на необходимость углубленного изучения этого процесса, особенно в ситуации его распространения на все новые категории наследия. Участники очередной конференции “Балтийской платформы”, прошедшей в ноябре 2023 г. в Санкт-Петербурге под названием “Большая Балтия: историко-культурное наследие, этнокультурная и образовательная специфика”, в итоговой резолюции обратили внимание на масштаб “войн памяти”, которые инициируются органами государственной власти стран Прибалтики, носят откровенно антироссийский характер и не имеют никакого отношения к поискам исторической истины².

При изучении проблем уничтожения и реформатирования советских памятников в Литве, Латвии и Эстонии исследователи все чаще используют термин “трудного” или “сложного наследия”. Существует ряд других рабочих определений для типизации подобного наследия – оспариваемое наследие (*contested heritage*), некомфортное наследие (*uncomfortable heritage*), токсичное (*toxic heritage*), нежелательное наследие (*undesirable heritage*) и др. [1, с.108]. Британские исследователи Дж.Е. Танбридж и Гр.Дж. Эшворт, занимавшиеся разработкой проблем обращения с подобным наследием, в работе “Диссонантное наследие: Управление прошлым как ресурс в конфликте” впервые ввели и обосновали новое определение для такого наследия – “диссонантное” [2, с. 27]. “Диссонантное” (или противоречивое) наследие – это наследие, вокруг интерпретации и представления которого в обществе возникает несогласие, диссонанс или конфликт, когда субъекты приписывают объекту наследия различные нарративы и ценности.

Танбридж и Эшворт при этом полагают, что подобный диссонанс является универсальной чертой наследия в целом, и любой его объект способен нести в себе диссонансный потенциал, который может проявиться при использовании памятника в качестве политического, экономического или культурного ресурса [2, с. 21]. Представляется, что этот термин вполне применим к советскому наследию в странах Балтии. Общество в них неизбежно разделяется в оценках, интерпретации и репрезентации подобного наследия, так как оно может быть или оказаться “нежелательным” или “трудным” для одной социальной группы и не являться таковым для другой/других групп в связи с различиями в исторической памяти, травмах и чувствительности. Таким образом, диссонантное наследие бросает своеобразный вызов доминирующему историческому нарративу и принятым в обществе взглядам на прошлое. При этом, как подчеркивают Танбридж и Эшворт, в мнемоническом конфликте – конфликте между различными моделями коллективной памяти – значение имеет не только то, что интерпретируется, но также и тот, кто интерпретирует эти объекты, как и с какой целью [2, с. 21].

¹ Сессия международной диалоговой площадки “Балтийская платформа”. ИМЭМО. 17.12.2024. Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/sessiya-mezhdunarodnoy-dialogovoy-ploshtadki-baltiyskaya-platforma> (accessed 10.02.2025).

² Итоговая резолюция конференции проекта “Балтийская платформа”: “Большая Балтия: историко-культурное наследие, этнокультурная и образовательная специфика”. Санкт-Петербургский государственный университет. 12.11.2023. Available at: https://spbu.ru/sites/default/files/2023-11/itogovaya-rezolyuciya_baltiyskaya_platforma.pdf (accessed 10.02.2025).

ДИССОНАНТНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ДЕКОММУНИЗАЦИИ

В странах Балтии превращение памятников советского периода в “диссонантное наследие” произошло сразу после обретения независимости, когда коллективная память о советском периоде истории вступила в противоречие с новыми историческими нарративами. Как российские, так и зарубежные исследователи согласны с тем, что процессы декоммунизации и десоветизации общественного пространства в странах Балтии следует подразделять на несколько этапов.

Первый пришелся на 1990-е годы – период формирования новых официальных национальных исторических нарративов [3]. По определению американского советолога К. Вердери, после обретения независимости в бывших прибалтийских республиках СССР “началась настоящая оргия исторического ревизионизма” [4, с.112], а свидетельства советского периода истории уничтожались не только в публичном пространстве, но и в коллективной памяти. Тем не менее в этот период процесс декоммунизации еще не охватывал всего комплекса мемориального наследия советского периода. В первую “волну” были уничтожены наиболее “идеологические” памятники, целенаправленно транслировавшие коммунистическую идеологию или напоминавшие о ней – памятники В.И. Ленину, И.В. Сталину, К. Марксу и Ф. Энгельсу, лидерам литовской компартии и международного коммунистического движения, партийным и государственным деятелям Литовской СССР. В то же время первая волна ревизионизма не затронула другие объекты советского наследия, которые исследователи называют “идеологически неоднозначными” [5, с. 18]. К ним относятся советские памятники, находившиеся в местах воинских захоронений, монументы деятелям культуры и искусства советской Литвы, памятники архитектуры и т.п. До середины 2000-х годов они в целом не воспринимались властями и обществом в качестве диссонантного наследия, не считались носителями коммунистической идеологии и не были включены в дискурс войны с советскими памятниками ни физически, ни теоретически. Их значение практически не оспаривалось и не изменялось путем переноса в другое место или добавления дополнительного исторического контекста, позволявшего “перекодировать” памятник из советского в национальный [3].

Стратегия властей в отношении подобных объектов советского мемориального наследия изменилась только после завершения евроинтеграционных процессов. Вступление в Европейский союз Литвы, Латвии и Эстонии, как и других стран Центральной и Восточной Европы, подорвало существовавший до середины 2000-х годов в ЕС исторический консенсус. Формировавшийся в Западной Европе на протяжении 1960–1970-х годов и окончательно ставший официальным в 1990-е годы нарратив о том, что Холокост являлся уникальным “преступлением преступлений”, не предполагал признания каких-либо иных, сопоставимых “жертв” в европейской истории, по крайней мере, в XX в. Странам Балтии и Польше, тем не менее, удалось сделать свой опыт нахождения в составе СССР или в сфере советского влияния частью европейского мета-нарратива, в котором господствовавшее представление о Холокосте стало уступать место “истории двух тоталитаризмов” [6, сс. 88-89].

Параллельно с продвижением тезиса об уравнивании преступлений нацизма и коммунизма в странах Балтии разворачивалась новая “война с памятниками”. Многие российские и литовские исследователи увязывают новую волну “десоветизации” общественного пространства с развитием украинского кризиса 2014 г. [3; 7]. Но актуализация в начале XXI в. вопроса об оставшемся “неоднозначном” советском мемориальном наследии была связана не только с внешними факторами и с ухудшением отношений прибалтийских стран с Россией. Более обоснованным представляется мнение, что отправной точкой для начала второй волны “войны с памятниками” в странах Балтии стали события “Бронзовой ночи”³ в Эстонии в 2007 г., после которой во всех трех прибалтийских республиках действительно отмечается всплеск внимания к сохранившимся объектам советского наследия. Хотя процесс принятия официальных решений о демонтаже или сносе этих памятников растянулся на несколько лет, как правило, начало общественной дискуссии вокруг “диссонантного наследия” относится к периоду до начала украинского кризиса и деградации отношений России со

³ Перенос мемориала и останков 12 воинов из братской могилы, расположенной в центральной части города на холме Тынисмяги, на Воинское кладбище Таллина, вызвавший массовые протесты русскоязычного населения.

странами Балтии. В начавшейся “войне с памятниками” через уничтожение мемориальных воплощений памяти, ее образов, символов, происходила и деконструкция коллективной памяти как таковой [8, с. 379; 9]. При этом главной целью деконструкции являлась не только “война” с памятью и прежними историческими нарративами, но и изменение идентичности – как индивидуальной, так и национальной [8, с. 379].

СОВЕТСКИЕ СКУЛЬПТУРЫ: МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И ИСКУССТВОМ

В Литве именно в это время в центре внимания оказались скульптуры на Зеленом мосту в Вильнюсе. Четыре скульптурных композиции авторства литовских скульпторов – “На страже мира” (два солдата со знаменем), “Сельское хозяйство” (девушка со снопом колосьев и механизатор), “Строительство и промышленность” (шахтер и строитель), “Учащаяся молодежь” (студент и студентка с книгами) – были установлены на гранитных постаментах на мосту в 1952 г. К 2009–2010 гг. скульптуры значительно обветшали, покрылись ржавчиной и требовали срочной реконструкции, однако правительство и городские власти несколько лет не выделяли финансирования на ремонтные работы, ссылаясь на нехватку бюджетных средств. Одновременно администрация города отказалась принять предложение о финансировании и помощи в реставрационных работах со стороны Российской Федерации. Как заявлял занимавший в 2009–2010 гг. пост мэра Вильнюса В. Навицкас (от консервативной партии “Союз отечества – Христианские демократы”), “советские мумии на Зеленом мосту мы отремонтируем сами”⁴.

Затягивание властями Литвы решения вопроса о реставрации скульптурных композиций Зеленого моста спровоцировало начало широкой общественно-политической дискуссии, в которой приняли участие не только политики и историки, но и известные журналисты, писатели, архитекторы, юристы, социологи, студенческие организации и объединения представителей разных родов искусства. Именно эту дискуссию многие исследователи считают, с одной стороны, началом нового этапа войны с сохранившимися советскими памятниками в Литве, а с другой – первым открытым обсуждением проблем взаимодействия властей и общества с объектами “диссонантного наследия” [5, с. 19]. Аргументы сторонников и противников сохранения скульптур Зеленого моста широко обсуждались в публичном и интернет-пространстве, а интерпретация советского прошлого Литвы становилась все более чувствительной темой.

В рамках дискуссии возникло несколько ключевых для контекста диссонантного наследия вопросов, первый из которых – являются ли подобные скульптуры, представляющие различные образы советского человека, источниками коммунистической пропаганды? Защитники скульптурных композиций утверждали, что они представляют “обычных людей”, а не политических деятелей, поэтому с идеологической точки зрения являются нейтральными. Представители искусства и науки подчеркивали, что скульптуры отражают не идеологию, а образы и эстетические представления советского периода, а также обычных людей – крестьян, солдат, рабочих и студентов – и не должны оцениваться с точки зрения идеологии. Арт-критики, скульпторы, искусствоведы были согласны с тем, что необходимо провести границу между памятниками конкретным людям – Ленину, Сталину, лидерам литовской компартии – и “абстрактными образами”⁵.

Сторонники сноса скульптур отмечали, что именно эти “обычные люди” являются главными образами советской идеологии и “символами тоталитаризма”, которые все равно провоцируют воспоминания о “советской травме” и не должны находиться в публичном пространстве. Они подчеркивали, что фигуры советских солдат и рабочих на Зеленом мосту продолжают также служить триггерами травмы для тех, кто пострадал в период существования Литовской ССР. Политики из консервативной партии “Союза Отечества –

⁴ Москве не дали восстановить “советские мумии” в Вильнюсе. *BFM.ru*, 16.02.2010. Available at: <https://www.bfm.ru/news/45712> (accessed 10.02.2025).

⁵ Žaliojo tilto skulptūros. Balvonofobų triumfas. *Niekonaujo.lt*, 20.07.2015. Available at: <https://www.niekonaujo.lt/20150720/zaliojo-tilto-skulpturos> (accessed 10.02.2025).

Христианских демократов Литвы” настаивали, что правительство не должно использовать деньги налогоплательщиков для реставрации скульптур – “символов советской идеологии”, и что это является проявлением неуважения к жертвам советских репрессий [10]. Представители еще более правых и националистических кругов заявляли, что “эти монстры... оскорбляют наши национальные чувства” [10].

Соотношение политического нарратива и культурно-исторической ценности памятника также стало предметом обсуждения. Представители политической элиты в основном отрицали саму возможность культурной ценности советских памятников, утверждая, что эти скульптуры были созданы прежде всего с политическими и идеологическими целями, а не с художественными или эстетическими [10]. Сторонники демонтажа скульптур подчеркивали, что они представляли вовсе не “абстрактных” людей, как утверждали защитники наследия, а конкретные идеологические образы – “рабочего, выполнявшего пятилетний план” и “вооруженных солдат оккупационных сил” [5, с. 62].

Сторонники подобного политического подхода к памятникам были склонны игнорировать и историю “маленького человека” – обычных жителей Вильнюса, которые видели в скульптурах не “символы тоталитаризма”, а своих близких и предков. В начале 2015 г. стало известно, что для скульптуры сельской девушки со снопом колосьев в композиции “Сельское хозяйство” позировала мать известного вильнюсского фотографа А. Сургайлуса, художница-график А. Вайвадиене-Сургалиене. Прототипом для скульптуры рабочего послужил в студенческие годы житель Каунаса, а фигура студентки, созданная известным скульптором Ю. Микенасом, изображала его юношескую любовь, литовскую художницу по керамике Э. Тулевичюте-Венцкевичене⁶.

Оказалось, что скульптуры на Зеленом мосту можно рассматривать в зависимости от идеологических установок “зрителя” и его опыта жизни в Советской Литве: и как символ советской власти и сталинских репрессий, и как символ “коллорабационизма с врагом”, и как материально-историческое свидетельство уже канувшей в прошлое эпохи, и как пример соцреализма и определенного этапа в развитии литовской скульптуры. В ходе этой дискуссии впервые в пространстве исторической памяти четко обозначились два противостоящих нарратива.

Политизированный и идеологический подход предполагал секьюритизацию культурной памяти, акцентирование травматического опыта части населения, для защиты чувств которого декларировался отказ от свободной дискуссии с учетом мнений других групп общества. Подобный вид переживания “культурной травмы” в результате столкновения со скульптурными композициями в ежедневной жизни следует, скорее, отнести к таким, которые П. Штомпка определяет как травмы, не основанные на травматических ситуациях, а вызванные распространением представлений об этих событиях [11, с. 9].

Сторонники сохранения памятника использовали, напротив, такие концепты как культурный плюрализм, открытость, гетерогенность памяти, а действия “борцов с памятниками” назывались “инквизицией” [5, с. 20]. Звучали предостережения, что “уничтожение скульптур Зеленого моста означает повторение советского опыта – мы обнаружим себя в месте, где нет прошлого” [10]. Указывалось, что провоцирование идеологического антагонизма в обществе – одна из ключевых характеристик тоталитарного строя, а некоторые исследователи прямо называли политику властей в отношении советского наследия современным “обратным тоталитаризмом”: “попытки защитить идеологическую чистоту... переносят нас обратно к так ненавидимой догме тоталитаризма. Не является ли желание упростить реальность, стереть неудобные аспекты из памяти, истории и общества *modus vivendi* всех тоталитарных идеологий?” [10]. Интуитивно данное деятелями искусства определение “обратного тоталитаризма” довольно точно иллюстрирует методы выстраивания властями политики конструирования национальной идентичности на основе тотального отрицания советского опыта, даже в его далеких

⁶ Žaliojo tilto skulptūrose vilniečiai regi savo artimus žmones. *Miestai.net*, 19.07.2015. Available at: <https://www.miestai.net/forumas/forum/bendrosios-diskusijos/miestai-ir-architekt%C5%ABra/miest%C5%B3-architekt%C5%ABros-raida/16843-vln-%C5%BDaliojo-tilto-skulpt%C5%ABros-1952-2015/page2> (accessed 10.02.2025).

от идеологии формах. Как показали российские исследователи, даже в разделенных обществах культурные различия – в том числе и различия в культурной памяти – сами по себе не являются “драйверами конфликта”, а становятся таковыми лишь в результате их намеренной политизации [12, сс. 262-263]. Война с памятниками, как отмечают российские исследователи, при этом не ограничивается только целью реинтерпретации истории и переоценки прошлого. Споры о прошлом имеют прямое отношение к “проектированию будущего”, а создание новых метанарративов памяти должно потенциально вести к формированию инклюзивной национально-государственной идентичности [13, с. 73; 14]. Целенаправленное же проведение литовскими властями политики разделения общества, применение “тоталитарных”, то есть насильственных, методов в конструировании новой идентичности ведет лишь к дальнейшей поляризации общества и появлению новых разделительных линий [8, с. 30]. И в данном случае противостояние сторонников сноса и сохранения скульптур прошло не по этнической границе между литовским большинством и русскоязычным меньшинством, а сконцентрировалось вокруг политики властей по выстраиванию идентичности на основе жесткого противостояния, а не инклюзивного подхода [8, с. 32]. Как отмечала руководитель Национальной художественной галереи Л. Яблонскене, “вопрос скульптур на Зеленом мосту должен решаться путем приведения в порядок и реставрации произведения, а не путем использования тех же понятий, которые были в советские годы: перенести, разрушить, демонтировать”⁷.

Еще один спорный вопрос – как представляется, один из ключевых для темы “диссонантного наследия” – заключался в том, возможно ли изменить “идеологический нарратив” этих скульптур и включить их в городское пространство, придав им другой смысл. Единственной попыткой властей примирить два лагеря стало размещение специальной информационной таблички. В 2013 г. на скульптуре “На страже мира”, изображающей двух солдат – победителей фашизма, установили мемориальную доску, посвященную жертвам “советской оккупации”.

Но наиболее радикальные критики скульптур, хоть и поддержали установку таблицы, продолжали считать это недостаточным, предлагая расширить “тоталитарный дискурс” скульптурных композиций. По словам одного из представителей партии “Союз Отечества – Христианских демократов Литвы”, “если мы хотим обязательно сохранить этих болванов (распространенное в литовской политической среде название скульптор – **Авт.**) на мосту, тогда необходимо довести эту историю до конца... Вот есть такие счастливые студенты – там можно было бы написать, что эти счастливые советские студенты не могли свободно читать литературу”⁸. Сложно не согласиться с мнением литовских теоретиков культуры, что такую позицию легко довести до абсурда, поскольку “почти каждый публично видимый пережиток советской эпохи, вероятно, пришлось бы прикрывать бесконечными историческими трактатами о сложной реальности того времени” [15, с. 66].

ПОПЫТКИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Дискуссия, продолжавшаяся более пяти лет, не привела к компромиссу. В 2014 г., на фоне резкого ухудшения отношений с Россией, в Литве начинается серия протестов против сохранения скульптур Зеленого моста. В начале октября 2014 г. у моста прошел пикет с требованием исключить скульптуры из регистра культурных ценностей, а в середине того же месяца в Сейме состоялась конференция под названием “Есть ли у нас самоуважение? О скульптурах Зеленого моста и другом оккупационном наследии”, на которой депутат Сейма от популистской фракции “Путь мужества” А. Патацкас прямо назвал тех, кто стремится сохранить наследие советской эпохи в центре города, коллаборационистами [15, с. 66].

⁷ Davydova L. Скульптуры на Зеленом мосту – это прошлое, и неважно, как его воспринимать – критически или позитивно. *Экспресс-неделя*, 22.05.2010. Available at: <https://www.nedelia.lt/vilnius/16711-skulptury-na-zelenom-mostu-yeto-proshloe-i-nevazhno-kak-ego-vospriinat-kriticheski-ili-pozitivno.html> (accessed 10.02.2025).

⁸ Литовского консерватора успокоила мемориальная доска на скульптуре советских солдат. *Парламентская газета*, 16.09.2013. Available at: <https://www.pnp.ru/in-world/2013/09/16/litovskogo-konservatora-uspokoila-memorialnaya-doska-naskulpture-sovetskikh-soldat.html> (accessed 10.02.2025).

На протяжении 2014 г. существенные изменения претерпел и нарратив представителей власти об этих скульптурах – из символа “советского тоталитаризма” они превратились также и в символ современной российской политики. Так, представитель Министерства культуры Литвы Д. Варнайте в интервью литовским СМИ назвала скульптуры Зеленого моста “зелеными человечками”⁹, таким образом подтвердив тенденцию к дальнейшей секьюритизации советских памятников, которые начинают восприниматься не только как травмирующее напоминание об ушедшей эпохе. Теперь они “олицетворяют Россию”, современная историческая память и ценности которой, как отметил директор исследовательских программ Института демократии и сотрудничества Дж. Локленд на конференции “Балтийской платформы” в декабре 2024 г., стала символом всего, что противостоит современной либеральной европейской идеологии¹⁰. Таким образом, военно-политический контекст дополняется историческим и символическим базисом [16, с. 78]. Нарастающая конфронтация с Россией начинает восприниматься как конституирующий элемент новой национальной идентичности, а советские скульптуры – как олицетворение противника.

По мере обострения риторики, городские власти все чаще заявляют о намерении снести скульптуры, как только Министерство культуры страны исключит их из списка охраняемых государством объектов. Несмотря на то, что первоначальный ответ Министерства в 2010 г. был негативным, с указанием, что ведомство не может добавлять или убирать памятники из списка наследия в соответствии с “политической прихотью”, спустя несколько лет этот процесс был запущен. Осенью 2014 г. в Закон о культурном наследии были внесены поправки, исключавшие из списка культурного наследия памятники с советской символикой. Центр культурного наследия, ранее заявлявший о необходимости реставрации скульптур для сохранения архитектурной композиции и художественной целостности моста, свои замечания снял. Таким образом, юридические препятствия для снятия скульптур с моста были устранены, и 19–20 июля 2015 г. власти города провели их демонтаж. Скульптуры предполагалось перенести в частный парк-музей советского периода “Грутас”. Выставленные в этом “диснейленде коммунизма” [17, с. 128] советские монументы десаκραлизуются, высмеиваются, однако при этом превращаются и в объекты ностальгии [3].

Несмотря на исчезновение объекта споров, дискуссия вокруг наследия Зеленого моста не прекратилась, а продолжилась в контексте его переосмысления. Почти сразу же возник вопрос о том, чем заполнить символическое пространство – пустующие постаменты на мосту, на которых находились композиции. Здесь стоит отметить, что попытки художественного “переосмысления” наследия Зеленого моста предпринимались и до 2015 г. [10]. По мере развития конфликта было предпринято несколько попыток изменить связанный с ним нарратив с помощью информационных и художественных средств. Еще в середине 1990-х – начале 2000-х годов состоялся ряд художественных “провокаций”, как их называли в литовских СМИ, в отношении скульптурных композиций. В 1995 г. скульптурам были надеты на голову “стеклянные кубы”, которые должны были символизировать превращение советского человека в некоего “общечеловека” с универсальными ценностями, в 2004 г. накануне католического Рождества на головы скульптур были надеты красные зимние шапки.

В 2009 г., когда Вильнюс был объявлен европейской культурной столицей, на мосту появилась более масштабная инсталляция “Цепь”. Два скрепленных между собой металлических кольца, подвешенные к пролету моста, должны были, по замыслу авторов, поставить советские скульптурные композиции в “правильный” исторический контекст, напомнив о социальных паттернах советского времени и частично даже отсылая к наследию советского рока – песне рок-группы “Наутилус Помпилиус” “Скованные одной цепью”, впервые исполненной в 1987 г. Можно согласиться с мнением некоторых

⁹ Советник президента Литвы назвала советские скульптуры “зелеными человечками”. *Парламентская газета*, 17.02.2015. Available at: <https://www.pnp.ru/in-world/2015/02/17/sovetskie-skulptury-zelyonyimi-chelovechkami.html> (accessed 10.02.2025).

¹⁰ Снижение геополитической напряженности в Европе обсудили на сессии “Балтийской платформы” в СПбГУ. Санкт-Петербургский государственный университет. 18.12.2024. Available at: <https://spbu.ru/news-events/novosti/snizhenie-geopoliticheskoy-napryazhennosti-v-evrope-obsudili-na-sessii> (accessed 10.02.2025).

литовских исследователей культурного наследия, что данный пример переосмысления символического пространства Зеленого моста был, в условиях нараставшего идеологического антагонизма и конфронтации с Россией, наиболее компромиссным и приемлемым для обеих сторон этого мнемонического конфликта, позволявшим и сохранить скульптуры, и задать им обновленный исторический контекст.

После демонтажа скульптур также было создано несколько проектов. В 2019 г. на мосту была установлена композиция “Активатор доброты мегареальности” фотографа С. Паукштиса и скульптора Ш. Арбачяускаса. На месте скульптур были установлены четыре флюгера, символизовавшие храбрость, совесть, справедливость и решительность. По словам авторов проекта, он должен был в ироничной форме напоминать обществу об основных личных и социальных качествах. Как отмечали с сожалением художники, “наблюдая жизнь в Литве последние десятилетия, становится ясно, что эти качества стали очень подвержены изменениям и принимают разное значение с каждой сменой правительства” [7, с. 97]. Проект был встречен неоднозначно. Если художественная и инженерная часть работы были в основном оценены положительно, то смысл инсталляции многими был воспринят как критика и насмешка над политикой правительства, в том числе и политики в отношении “диссонантного наследия”.

Наконец, последним по времени проектом по переосмыслению Зеленого моста стала инсталляция широко известного в Литве архитектора и дизайнера А. Амбраса “Знаки Зеленого моста”. Она состояла из пустых металлических конструкций, ничем не заполненных, – “пустых квадратов”, установленных на месте скульптурных композиций. По словам самого Амбраса, инсталляция возвращает завершенность архитектуре моста и наглядно демонстрирует, что после демонтажа скульптур нет каких-либо новых объектов, которые могли бы заменить их. По его мнению, время для сноса памятников было после получения независимости, оставшиеся же памятники можно было бы рассматривать как “реликты истории, при нейтрализации их идеологического смысла”¹¹. Пустые рамки или “клетки”, которые остались после демонтажа скульптур, продолжили дискуссию вокруг советского наследия вопросом о том, что же осталось после его уничтожения кроме пустоты и вакуума¹².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискуссия вокруг скульптурных композиций Зеленого моста, возникшая в начале 2010-х годов продемонстрировала, как нейтральное или “молчаливое” советское наследие в условиях повышенного общественного внимания подвергается политизации, превращаясь в диссонантное. Оно начинает активно использоваться для акцентирования травматического опыта некоторых социальных групп, а затем в процессе секьюритизации проблема сохранения наследия напрямую увязывается с вопросами внешней политики и национальной безопасности. Власти из нескольких возможных стратегий обращения с советским мемориальным наследием чаще всего выбирают стратегию его уничтожения или демонтажа.

Вместе с тем дискуссия вокруг скульптур Зеленого моста наглядно показала, что как общество, так и многие представители гуманитарной и творческой элиты страны выступали за художественное переосмысление наследия, которое иногда было оскорбительным для сторонников сохранения наследия, но иногда и довольно удачным. Тем не менее все предпринимавшиеся попытки деконтекстуализации памятника оказались недостаточными для снятия его “диссонанса”. Одновременно этот процесс показал, что и уничтожение или демонтаж советского наследия не обязательно приводит к уничтожению транслировавшегося им нарратива или его “коммеморативного потенциала” [3]. Более того, оказывается, что предложенные властями новые идеологические или художественные объекты, возникающие на месте снесенных памятников, не обладают сравнимым по силе воздействия на общество нарративным потенциалом. Подобный насильственный

¹¹ Ant Žaliojo tilto iškilo nauja instaliacija. *Made in Vilnius*, 11.09.2019. Available at: <https://madeinvilnius.lt/naujienos/ant-zaliojo-tilto-nauja-instaliacija/> (accessed 10.02.2025).

¹² Ibid.

формат реализации политики памяти как ключевого направления политики идентичности, направленной на создание ее общих оснований, ведет не только к появлению новых разделительных линий в обществе, но и к социальной аномии [8, с. 30].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Серикова А.Ю. Трудное наследие в работах зарубежных исследователей: сущность и трактовки. *Вестник СПбГИК*, 2002, № 3(52), сс. 108-114. [Serikova A.Yu. Difficult Heritage in the Papers of Foreign Researchers: Essence and Interpretations. *Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture*, 2002, no. 3(52), pp. 108-114. (In Russ.)] DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-108-114
2. Tunbridge J.E., Ashworth G.J. *Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict*. Chichester, John Wiley & Sons Ltd, 1996. 305 p.
3. Мегем М.Е., Филев М.В., Давиденко А.А. Снести, перекодировать, интегрировать и маргинализировать: ключевые стратегии стран Балтии по отношению к советским памятникам. *Наука. Общество. Оборона*, 2022, т. 10, № 4(33), сс. 26-26. [Megem M.E., Filev M.V., Davidenko A.A. Demolish, Recode, Integrate and Marginalise: Key Strategies for the Baltic States in Relation to Soviet Monuments. *Science. Society. Defense*, 2022, vol. 10, no. 4 (33), pp. 26-26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-26-26>
4. Verdery K. *The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change*. New York, Columbia University Press, 1999. 185 p.
5. Baločkaitė R. Sovietinis paveldas vidurio rytu Europoje – antroji revizionizmo banga. *Kultūros barai*, 2016, no. 2, pp. 18-22. [Baločkaitė R. Soviet Heritage in Central Eastern Europe – the Second Wave of Revisionism. *Kultūros barai*, 2016, no. 2, pp. 18-22. (In Lit.)]
6. Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия. *Полития*, 2019, № 3, сс. 87-102. [Miller A.I. Growth of the Significance of Institutional Factor in Politics of Memory – Causes and Implications. *Politeia*, 2019, no. 3, pp. 87-102. (In Russ.)] DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102
7. Čepaitienė R. 'Leninopad's' Echoes: Changing Approaches to the Soviet Monuments in Lithuania (2014–2022). Lastouski A., Ramanava A., eds. *Communist Heritage in Belarus and EU Countries: the Problem of Interpretation and the Relevance of Conservation*. Vilnius, Konrad-Adenauer-Stiftung¹³, 2021, pp. 96-101. Available at: <https://talpykla.elaba.lt/elaba-fedora/objects/elaba:146874035/datastreams/MAIN/content> (accessed 10.02.2025).
8. Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность: Личность, общество, политика*. Москва, Весь мир, 2017. 992 с. [Semenov I.S., ed. *Identity: The Individual, Society and Politics*. An Encyclopaedia. Moscow, Ves mir, 2017. 992 p. (In Russ.)]
9. Бордюгов Г.А. "Войны памяти" на постсоветском пространстве. Москва, АИРО-XXI, 2011. 256 с. [Bordyugov G.A. *Wars of Memory' in the Post-Soviet Space*. Moscow, AIRO-XXI, 2011. 256 p. (In Russ.)]
10. Baločkaitė R. *The New Culture Wars in Lithuania: Trouble with Soviet Heritage*. Cultures of History Forum. 12.04.2015. DOI: 10.25626/0034
11. Штомпка П. Социальное изменение как травма. *Социологические исследования*, 2001, № 1, сс. 6-16. [Sztompka P. Social Change as Trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2001, № 1, pp. 6-16. (In Russ.)]
12. Звягельская И.Д., ред. *Ближний Восток: Политика и идентичность*. Москва, Аспект Пресс, 2020. 389 с. [Zvyagelskaya I.D., ed. *The Middle East. Politics and Identity*. Moscow, Aspekt Press, 2020. 389 p. (In Russ.)]
13. Прохоренко И.Л. "Войны памяти" в разделенных обществах: испанский случай. *Ибероамериканские тетради*, 2021, № 9 (3), сс. 67-78. [Prokhorenko I.L. The 'Memory Wars' in Divided Societies: The Case of Spain. *Cuadernos Iberoamericanos*, 2021, № 9(3), pp. 67-78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-3-67-78>
14. Малинова О.Ю., ред. *Символическая политика*. Москва, ИНИОН РАН, 2014. 382 с. [Malinova O.Yu., ed. *The Symbolic Politics*. Moscow, INION RAN, 2014. 382 p. (In Russ.)]
15. Trilupaitytė S. 'Nepatogūs' totalitarizmo ženklai XXI a. Vilniuje. *Patogus ir nepatogus paveldas*. Vilnius, 2016, pp. 62-72. [Trilupaitytė S. 'Uncomfortable' Signs of Totalitarianism in 21st Century Vilnius. *Convenient and Inconvenient Heritage*. Vilnius, 2016, pp. 62-72 (In Lit.)]. Available at: <https://www.lituanistika.lt/content/108464> (accessed 10.02.2025).
16. Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности. *Политическая наука*, 2020, № 2, сс. 66-86. [Sevastianova Ya.V., Efremenko D.V. Securitization of Memory and Dilemma of Mnemonic Security. *Political Science*, 2020, № 2, pp. 66-86. (In Russ.)] <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.03>
17. Махотина Е.И. *Преломления памяти. Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы*. Санкт-Петербург, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 256 с. [Makhotina E.I. *The Refraction of Memory. World War II in Memorial Culture of Soviet and Post-Soviet Lithuania*. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg European University Press, 2020. 256 p. (In Russ.)]

¹³ Деятельность организации "Фонд имени Конрада Аденауэра" признана Минюстом РФ нежелательной на территории Российской Федерации.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ “СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ” КАК ИНСТРУМЕНТА ДИСКУРСИВНОЙ СИЛЫ КНР ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ

© ПЯТАЧКОВА А.С., 2025

ПЯТАЧКОВА Анастасия Сергеевна, заместитель заведующего Азиатско-тихоокеанским сектором Центра комплексных европейских и международных исследований, старший преподаватель департамента международных отношений факультета мировой политики и мировой экономики.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, Малая Ордынка, 17 (apyatachkova@hse.ru), ORCID: 0000-0001-7319-2371

Пятачкова А.С. Особенности реализации концепции “сообщество единой судьбы” как инструмента дискурсивной силы КНР при Си Цзиньпине. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2025, № 1, сс. 37-45. DOI: 10.20542/afij-2025-1-37-45 EDN: ORFDUZ

DOI: 10.20542/afij-2025-1-37-45

EDN: ORFDUZ

УДК: 327(510)

Оригинальная статья

Поступила в редакцию 03.10.2024.

После доработки 15.01.2025.

Принята к публикации 10.02.2025.

Катализатором целенаправленных усилий КНР по развитию международной дискурсивной силы считаются XVIII съезд Коммунистической партии Китая в ноябре 2012 г. и приход к власти председателя Си Цзиньпина. С этого момента все заметнее стало стремление Китая влиять на формирование международной повестки и продвигать свои идеи во внешний мир. Речь идет не только об оригинальных китайских концепциях, основанных на национальной истории и традициях или практиках китаизации марксизма, но и о собственных трактовках ключевых понятий международного политического дискурса (например, проблем демократии и прав человека). Вместе с тем оценка конкретных параметров эффективности дискурсивной силы Китая сопряжена со сложностями, вызванными как недостатком открытых данных, так и высокой степенью политизации данного вопроса. В статье проводится количественный и качественный анализ дискурсивной силы КНР на примере одной из самых знаковых концепций рассматриваемой эпохи – “сообщества единой судьбы”. С содержательной точки зрения эта идея важна для понимания китайского видения процессов глобального управления и общих принципов реализации китайской внешней политики в рассматриваемый период (в том числе инициативы “Пояса и пути”). В более прикладном смысле для выявления характеристик дискурсивной силы КНР и детализации географии распространения концепции “сообщества единой судьбы” в работе проведен контент-анализ совместных международных деклараций КНР с ее иностранными партнерами в 2017–2023 гг. Результаты исследования подтверждают, что в течение указанного периода случаи обращения к названной концепции участились, а также выросло количество стран, готовых включить ее в совместные заявления. Вместе с тем процесс происходит неравномерно. Тезис о том, что с наибольшей готовностью китайские идеи воспринимают государства глобального Юга наглядно подтверждается и детализируется в исследовании при визуализации списка стран, изучаемую концепцию.

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Ключевые слова: внешняя политика КНР, внешнеполитические концепции КНР, “сообщество единой судьбы человечества”, глобальное управление, многосторонняя дипломатия КНР.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

THE CONCEPT OF ‘COMMUNITY OF COMMON DESTINY’ AS AN INSTRUMENT OF CHINESE DISCOURSE POWER UNDER XI JINPING

Original article

Received 03.10.2024. Revised 15.01.2024. Accepted 10.02.2025.

Anastasiia S. PIATACHKOVA (apyatachkova@hse.ru), ORCID: 0000-0001-7319-2371, National Research University ‘Higher School of Economics’, 17, Malaya Ordynka Str., Moscow 119017, Russian Federation.

The 18th National Congress of the Communist Party of China in November 2012 and the forthcoming President Xi Jinping’s politics stimulated China’s targeted efforts towards international discourse power development. From this moment, the desire of China to influence international agenda and promote Chinese ideas into the outside world has become remarkable. This trend relates not only to original concepts based on Chinese history and traditions or practices of ‘sinicization of Marxism’, but also covers Chinese own interpretations of the key international political discourse concepts such as ‘democracy’ and ‘human rights’. At the same time, evaluating the effect China’s discourse power has meets the difficulties caused by both a lack of open data and a fairly high degree of politicization of this issue. The article conducts a quantitative and qualitative analysis of the Chinese discourse power via one of the most iconic concepts of Xi Jinping’s era – the ‘community of common destiny’. This idea is important for understanding the Chinese vision of global governance. It also reflects the general principles as well as practical aspects of the Chinese foreign policy (including the Belt and Road Initiative). The article identifies Chinese discourse power characteristics and shows the geography of ‘community of a common destiny’ concept distribution. The content analysis of China’s joint international declarations with its foreign partners in 2017–2023 confirms that the concept under consideration has become more frequently implemented into the official documents. The number of countries that are ready to include this Chinese idea into joint statements has raised as well. However, the process develops unevenly. The study visualizes that Chinese concepts are mainly perceived by the countries of Global South.

Keywords: Chinese foreign policy, Chinese foreign policy concepts, ‘community of common destiny’, global governance, Chinese multilateral diplomacy.

About the author:

Anastasiia S. PIATACHKOVA, Deputy Head of the Asia-Pacific Sector, Senior Lecturer at the Centre for Comprehensive European and International Studies.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: the work was funded by the grant from the Faculty of World Economy and International Affairs at HSE University.

For citation: Piatachkova A.S. The Concept of ‘Community of Common Destiny’ as an Instrument of Chinese Discourse Power Under Xi Jinping. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2025, no. 1, pp. 37-45. DOI: 10.20542/afj-2025-1-37-45 EDN: ORFDUZ

ВВЕДЕНИЕ

Понятие “дискурсивная сила” пришло на смену распространенному в период председателя КНР Ху Цзиньтао (2003–2013 гг.) и начальные годы правления Си Цзиньпина (официально вступил в должность главы государства в 2013 г.) термину “культурная мягкая сила” и последовательно закреплялось в политической риторике, одновременно знаменуя отход от завета верховного лидера КНР и основоположника политики “реформ и открытости” Дэн Сяопина “держаться в тени” [1, с. 14]. Так, на XX Всекитайском съезде КПК в 2022 г. по аналогии с предыдущими периодами была поставлена задача развития дискурсивной силы КНР, которая отвечала бы “совокупной мощи государства на мировой арене” [1, с. 9].

Ярким подтверждением усиления субъектности КНР в международных отношениях и ее стремления к увеличению собственного влияния на мировую повестку стало выдвижение в 2021–2023 гг. трех глобальных инициатив, озвученных лично председателем Си Цзиньпином во время значимых международных мероприятий: Глобальной инициативы развития (на Генассамблее ООН в 2021 г.), Глобальной инициативы по безопасности (на Азиатском Форуме в Боао в 2022 г.) и Глобальной инициативы цивилизаций (на Диалоге высокого уровня между КПК и мировыми политическими партиями в 2023 г.) [2]. Также в 2023 г. Китай предложил Глобальную инициативу по управлению искусственным интеллектом¹. В этом контексте возникла международная публичная дискуссия о “мировом порядке, основанном на правилах, с китайской спецификой” [3; 4] (подобная публикация, в частности, вышла в *China Daily*²).

Активизация китайской внешней политики и увеличение роли Пекина в международных делах актуализируют вопрос об изучении дискурсивной силы КНР и ее эффективности. В данной статье проводится ее количественное измерение на примере одной из ключевых концепций эпохи Си Цзиньпина – “сообщества единой судьбы человечества”. В первой части статьи дана общая характеристика концепции (история ее возникновения и содержательное наполнение). Во второй части проводится контент-анализ совместных международных деклараций с участием КНР. Выбор именно этого вида документов обусловлен тем, что помимо количественной динамики они позволяют охарактеризовать геополитическое измерение дискурсивной силы страны: с помощью анализа международных деклараций можно четко определить государства, которые готовы включить китайские идеи в совместные заявления.

“СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА” (命运共同体): ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Возникновение понятия “сообщество единой судьбы” относят к 2007 г. – выражение относилось к отношениям с Тайванем в тот период времени [5, р. 6]. Важную роль в оформлении концепции сыграла Рабочая конференция о дипломатической работе с соседними государствами (周边外交工作座谈会) 2013 г., где поднимались темы “периферийной дипломатии КНР” и построения “сообщества единой судьбы” с соседними государствами³. В нынешнем понимании концепция, по сути, «является частью долгосрочной стратегии Китая по обеспечению “мирного периода стратегических возможностей” в первых двух-трех десятилетиях 21 века, чтобы развиваться дальше» [6, р. 196].

В развитии идеи “сообщества единой судьбы человечества” решающее значение сыграл XVIII съезд КПК⁴. Также среди первых упоминаний фигурирует выступление

¹ Global AI Governance Initiative. 24.10.23. Available at: http://gd.china-embassy.gov.cn/eng/zxhd_1/202310/t20231024_11167412.htm (accessed 12.09.2024).

² De Castro D. International Order with Chinese Characteristics. *China Daily*, 06.04.2022. Available at: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202204/06/WS624cf1d4a310fd2b29e553ca.html> (accessed 12.09.2024).

³ 习近平：让命运共同体意识在周边国家落地生根。 中华人民共和国中央人民政府. 25.10.2013. Available at: https://www.gov.cn/lhd/2013-10/25/content_2515764.htm (accessed 22.09.2024).

⁴ 述评：中国的继续强大有利实现“人类命运共同体”。新华网, 13.11.2012. Available at: http://www.xinhuanet.com//18cpcnc/2012-11/13/c_113680750.htm (accessed 15.09.2024).

Си Цзиньпина в МГИМО МИД России в марте 2013 г., где кроме “сообщества единой судьбы” была также обозначена концепция “международных отношений нового типа” [7, с. 6]. И хотя впервые идея “сообщества единой судьбы” появилась в эпоху Ху Цзиньтао, была озвучена именно этим лидером, в публичном поле она прочно ассоциируется с Си Цзиньпином, а в китайском публичном дискурсе придание этой концепции глобального статуса относят к упомянутому выше выступлению Си Цзиньпина в МГИМО [8]. На Центральной рабочей конференции по иностранным делам в 2014 г. уже было заявлено о “создании сообщества единой судьбы из прилегающих к Китаю территорий” (打造周边命运共同体)⁵. Также в 2014 г. Си Цзиньпин выдвинул “Новую концепцию азиатской безопасности” на Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии, прошедшему в Шанхае [9].

Постепенно понятие “сообщество единой судьбы” стало упоминаться в контексте “идеи Си Цзиньпина о дипломатии” и концепции “новой эпохи” в КНР⁶. Также идея “сообщества единой судьбы” активно использовалась во время значимых политических мероприятий как внутри страны (например, на XIX съезде КПК в 2017 г. [7, с. 5]), так и за рубежом: упомянутая идея прозвучала в выступлениях Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2017 г.⁷, его речи в ООН в Женеве в 2017 г.⁸, а также на Форуме “Пояса и Пути” [6, pp. 196-197]. Знаковым событием считается выступление Си Цзиньпина в ООН в 2017 г., где он обозначил пять сфер для развития “сообщества единой судьбы человечества”: политика, безопасность, экономика, культура и экология (существует мнение, что именно в них Китай усматривает возможности расширения своего влияния и изменения моделей глобального управления [8]).

На первых этапах в официальном и экспертном дискурсах, когда только формировалось определение “сообщества единой судьбы”, можно было встретить различные его интерпретации (вплоть до обсуждения возможностей военного сотрудничества между странами) [6, p. 198]. Тем не менее в современном понимании идея “сообщества единой судьбы человечества” тесно вплетена в основной курс развития КНР и созвучна принципам ее внешней политики (таким, как мир, развитие, сотрудничество, взаимная выгода и обоюдный выигрыш, призывы отказаться от конфронтации и менталитета холодной войны) [7, с. 4]. Концепция также развивается в русле общих глобальных трендов (построение многополярного мира, стремление к культурному многообразию и информатизации) и отвечает на вызовы взаимосвязанного мира (проблемы неравенства, киберпреступности, изменения климата и т.д.) [7, с. 4]. Ее логика соответствует и упоминавшимся ранее “трем глобальным инициативам” КНР⁹.

“Сообщество единой судьбы” рассматривается в связке с инициативой “Пояса и пути” и участием Китая в институтах глобального управления¹⁰. В частности, концепция включает в себя “сообщество общей безопасности, сообщество общего развития и сообщество общих права человека” (*a community of shared security, a community of shared development and a community of shared human rights*), лежащих в основе деятельности ООН [10, p. 132] – например, идею общего дома для человечества Си Цзиньпин развил в выступлении в ООН в 2021 г.¹¹

⁵ 习近平出席中央外事工作会议并发表重要讲话. 新华网, 29.11.2014. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (accessed 19.09.2024).

⁶ Chen S. Community of Common Destiny for Mankind. *China Media Project*, 25.08.2021. Available at: https://chinamediaproject.org/the_ccp_dictionary/community-of-common-destiny-for-mankind/ (accessed 19.09.2024).

⁷ Spotlight: One Year on, Xi's Global Vision Sets Tone for Davos Brainstorming. *Xinhua News Agency*, 24.01.2018. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/24/c_136921444.htm (accessed 12.09.2024).

⁸ Speech by President Xi Jinping at the United Nations Office at Geneva. 23.01.2017. Available at: http://iq.china-embassy.gov.cn/eng/zyqx/201701/t20170123_2309166.htm (accessed 12.09.2024).

⁹ *Following the Vision of a Community with a Shared Future for Mankind and Bringing More Certainty to World Peace and Development*. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 30.03.2023. Available at: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyjh/202405/t20240530_11341730.html (accessed 22.09.2024).

¹⁰ Wang Yiwei: Community with a Shared Future for Mankind' Contrasts Sharply with Western Thesis of 'Clash of Civilizations'. Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China. 08.08.2022. Available at: <http://rdcy.ruc.edu.cn/yw/LATEST/INSIGHTS/7e3cf721a0a6438e8e31030bd1aaf1b8.htm> (accessed 12.09.2024).

¹¹ 习近平：共同构建人类命运共同体. 新华网, 01.01.2021. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-01/01/c_1126936802.htm (accessed 12.09.2024).

Вряде исследований можно выделить попытки определить этапы развития концепции. Так, белорусские авторы И.А. Чувилев и И.И. Малевич пишут о том, что термин “сообщество единой судьбы” с 2013 до 2015 г. применялся только к отдельным странам и регионам: например, в контексте отношений КНР и АСЕАН, КНР и странами Африки [11, р. 45]. Также “сообщество единой судьбы” рассматривается в рамках развития глобального управления в отдельных регионах, например, на Ближнем Востоке [12, pp. 8-10]. В продолжение авторы отмечают, что дальнейшие разъяснения термина последовали на Азиатском экономическом форуме в Боао в 2015 г.; при этом до весны 2015 г. термин использовался только в отношении определенных сообществ, а уже после стал применяться ко всему человечеству [11, р. 47]. Впоследствии концепция распространилась и на другие сферы сотрудничества: в апреле 2019 г. Си Цзиньпин выдвинул идею “океанического сообщества единой судьбы” [13, р. 1]. Также публикации с упоминанием “сообщества единой судьбы” можно найти в контексте проведения таких международных мероприятий, как форум БРИКС в 2020 г.¹² и Зимние олимпийские игры в Пекине в 2022 г.¹³

Помимо этого, рассматриваемая концепция соотносится с основными внутренними направлениями развития Китая: в частности, можно найти упоминания о ней в контексте планов построения “общества сяокан”¹⁴ и искоренения бедности в КНР [14].

В экспертных кругах Китая также получили распространение интерпретации “сообщества единой судьбы человечества” с позиции традиционных ценностей КНР и марксизма. Например, “сообщество единой судьбы” анализируется в контексте традиционного понятия “гармонии” (大同)¹⁵ и Поднебесной (天下) [15]. В плане интерпретаций в русле марксизма можно привести работу Хэ Лая, где он сопоставляет понятие “класс” и “род” (类), и находит общность ценностных основ между идеями К. Маркса и “сообществом единой судьбы” [16, сс. 3-4, 6]. Исследователь придает значение коммуникации в контексте “сообщества единой судьбы”, характеризуя ее как “важное понятие в развитии марксистского исторического материализма” [16, сс. 3-4, 6].

В западных исследованиях зачастую можно встретить негативные оценки концепции, а также обвинения Китая в экспансионистских намерениях [17, с. 74]. КНР в официальной и экспертной риторике, напротив, делает акцент на том, что “сообщество единой судьбы человечества” противопоставляется подходу, предполагающему “столкновение цивилизаций”, и исходящему из допущения, что “если страна сильная, то она станет гегемоном” – вместо этого Китай фокусируется на объединении разных культур, этнических групп, социальных систем¹⁶. Таким образом, “сообщество единой судьбы” позиционируется как китайское видение “новой модели отношений между великими державами”, которая продвигает такие идеи, как обоюдный выигрыш, отказ от игры с “нулевой суммой”, преодоление менталитета холодной войны и т.д. [18]. Предполагается, что “сообщество единой судьбы” основано на равенстве и диалоге между цивилизациями [9, р. 28]. В этом контексте можно отметить противопоставление принципов “сообщества единой судьбы”, предполагающих отсутствие жестких рамок и союзнических обязательств, а также акцент на внеблоковый статус, подходу стран, продвигающих Индо-Тихоокеанскую стратегию [19].

Можно констатировать, что концепция “сообщества единой судьбы человечества” стала одним из важнейших элементов дискурсивной силы КНР эпохи Си Цзиньпина, широко используется во внешнеполитической риторике и служит одним из ключевых инструментов распространения китайских ценностей за рубежом. Далее рассмотрим особенности ее продвижения в совместных международных декларациях с участием КНР в 2017–2024 гг.

¹² 习近平谈“命运共同体”. 百度. 26.11.2020. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1684403638828463278&wfr=spider&for=pc> (accessed 12.09.2024).

¹³ 习近平谈构建人类命运共同体. 百度. 17.02.2022. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1724997238729300949&wfr=spider&for=pc> (accessed 12.09.2024).

¹⁴ Wang Yiwei: *Community with a Shared Future...*

¹⁵ 张立文. 中华传统文化与人类命运共同体. 光明日报, 06.11.2017. Available at: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/1106/c40531-29628739.html> (accessed 12.09.2024).

¹⁶ Wang Yiwei: *Community with a Shared Future...*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ “СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ” В СОВМЕСТНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕКЛАРАЦИЯХ С УЧАСТИЕМ КНР

Для проведения контент-анализа определена выборка из 475 совместных деклараций, подписанных Китаем в период с 2017 по 2024 г.¹⁷ При анализе документов выделяется два основных способа использования концепции в политической практике: “сообщество единой судьбы” и “сообщество единой судьбы человечества”. При этом оба варианта можно встретить и в тексте одного документа (например, в совместной декларации КНР и Палестины¹⁸, совместной декларации КНР и Республики Казахстан в 2023 г.¹⁹ и др).

В данном исследовании производился подсчет концепции “сообщество единой судьбы”, поскольку именно этот вариант (а не “сообщество единой судьбы человечества”) чаще всего используется в сочетании со странами и регионами: например, “сообщество единой судьбы между КНР и Африкой” (中非命运共同体²⁰), “сообщество единой судьбы Китая и Азии” (中亚命运共同体²¹).

Как видно из таблицы, в 2017–2021 гг. количество упоминаний держится примерно на одном уровне с небольшим замедлением в период COVID-19. Последнее, скорее всего, объясняется фокусировкой внимания на борьбе с пандемией, создавшей существенные ограничения для развития международного сотрудничества. Однако уже в 2022–2024 гг. наблюдается существенный рост случаев использования концепции: в 2022 г. она была упомянута в совместных декларациях с 17 государствами, а в 2024 г. – уже 42. Частично увеличение показателя в 2023 г. связано с проведением Форума “Пояса и пути”²², поскольку обе эти китайские концепции и их идеи в текстах часто взаимосвязаны.

¹⁷ Выборка составлялась с начала календарного года, но в целом в задачу исследования входил анализ периода со второго срока пребывания Си Цзиньпина у власти. В выборку вошли только опубликованные на сайте МИД КНР декларации. При подсчете учитывались количественные параметры, в данном случае не рассматривались особенности восприятия китайских идей в представленных государствах.

¹⁸ 中华人民共和国和巴勒斯坦国关于建立战略伙伴关系的联合声明 (全文). 中国外交部. 14.06.2023. Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202306/t20230614_11097775.shtml (accessed 12.09.2024).

¹⁹ 中华人民共和国和哈萨克斯坦共和国联合声明 (全文). 中国外交部. 17.05.2023. Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202305/t20230517_11079124.shtml (accessed 12.09.2024).

²⁰ 中华人民共和国和加蓬共和国关于建立全面战略合作伙伴关系的联合声明 (全文). 中国外交部. 19.04.2023. Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202304/t20230419_11061924.shtml (accessed 12.09.2024).

²¹ 中国—中亚峰会西安宣言 (全文). 中国外交部. 19.05.2023. Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202305/t20230519_11080194.shtml (accessed 12.09.2024).

²² 声明公报. 中国外交部. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/1179_674909/index.shtml (accessed 20.09.2024).

Таблица. Использование концепции “сообщество единой судьбы” в совместных международных декларациях с участием КНР
Table. Use of the Concept ‘Community of One Destiny’ in Joint International Declarations with People’s Republic of China

Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Количество упоминаний	18	30	23	20	30	58	136	161
Страны	Лаос Мальдивы Панама Россия Таджикистан	Боливия Камбоджа Кыргызстан Пакистан Панама Россия Тонга Франция* Эквадор	Вануату Казахстан Камбоджа Кыргызстан Пакистан Россия Суринам Таджикистан Эль-Сальвадор	Мьянма Пакистан	Кипр Монголия ОАЭ Россия Сан-Марино	Белоруссия Индонезия Индонезия Казахстан Камбоджа Куба Кыргызстан Лаос Монголия Пакистан Папуа-Новая Гвинея Россия Саудовская Аравия Таиланд Танзания Узбекистан Эквадор	Алжир Беларусь Бенин Бразилия Венесуэла Вьетнам Габон Гондурас Грузия ДР Конго Замбия Индонезия Индонезия Казахстан Камбоджа Кения Мальдивы Микронезия Науру Непал Нигерия Нигерия ОАЭ Пакистан Республика Конго Руанда Россия Россия Самoa Сан-Томе и Принсипи Сенегал Сербия Словакия Соломоновы острова Суринам Сьерра-Леоне Таджикистан Тимор-Лешти Тунис Узбекистан Фиджи ЦАР Шри-Ланка Экваториальная Гвинея ЮАР	

Источник: составлено автором на основе материалов официальных заявлений МИД КНР²³.

* Имеется в виду совместное заявление министра иностранных дел Франции, члена Госсовета, министра иностранных дел КНР и генерального секретаря ООН, см.: 法国外长、中国国务委员兼外长、联合国秘书长气候变化会议新闻公报（全文）。中国人民大学国际法研究所. 2019. 12. 20. Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/201812/20181203_9869034.shtml (accessed 20.09.2024). При этом в похожем заявлении, датированном 2019 г. “сообщество единой судьбы человечества” в тексте отсутствует, см.: 中国国务委员兼外长、法国外长、联合国秘书长气候变化会议新闻公报（全文）。2019. 06. 29. Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2019-06/29/content_5404454.htm (accessed 20.09.2024).

²³ 声明公报. 中国外交部...

GLOBAL AND REGIONAL CHALLENGES

Анализ показывает, что распространение китайских внешнеполитических концепций идет неравномерно – в основном включение предложенных КНР идей в документы осуществляют “страны мирового большинства”²⁴. Одним из лидеров этого процесса является Россия. Среди других государств можно выделить страны Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан), Африки (Алжир, Танзания), Восточной Азии (Монголия), Юго-Восточной Азии (Мьянма, Лаос, Камбоджа), Южной Азии (Пакистан), Ближнего Востока (Саудовская Аравия), Латинской Америки и Карибского бассейна (Гондурас, Эль-Сальвадор, Суринам) и даже небольшие государства Океании (Вануату, Тонга). Также можно заметить, что упоминания присутствуют и в декларациях многосторонних площадок (БРИКС, ШОС, АСЕАН).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка эффектов распространения концепции “сообщества единой судьбы” позволяет сделать вывод, что дискурсивная сила Китая развивается и увеличивается в количественном, геополитическом и тематическом отношении, подтверждая амбиции КНР на глобальное лидерство.

В плане общей тенденции можно отметить видимое расширение географии и количества вопросов, которые вошли в круг интересов страны с начала эпохи Си Цзиньпина. Анализ совместных деклараций также говорит о том, что дискурсивная сила КНР набирает обороты. Сам факт фиксации китайских идей в совместных заявлениях все большим количеством государств подтверждает, что продвигаемые ценности в целом находят отклик у партнеров Китая в странах мирового большинства: широко представлены Центральная и Юго-Восточная Азия, Латинская Америка, Африка. Международная поляризация, возникающая в процессе становления нового миропорядка и растущего соперничества Китая и США, оказывает существенное воздействие на распространение китайских внешнеполитических концепций. Главным образом, как уже упомянуто, китайские идеи продвигаются в странах глобального Юга, однако в государствах “коллективного Запада” они практически не получают поддержки. В силу этого дальнейшее развитие дискурсивной силы КНР сталкивается со структурными ограничениями. В этом контексте ставка Пекина на ценности глобального Юга и уникальную “китайскую специфику” в плане содержательного наполнения китайских внешнеполитических концепций выглядит вполне оправданной.

Таким образом, несмотря на геополитические сложности и неоднозначные оценки качественных параметров дискурсивной силы КНР, можно говорить о ее количественном росте, который постепенно конвертируется в распространение китайского влияния на международную повестку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. *От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологиемы внешней политики КНР*. Москва, Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2022. 24 с. [Denisov I.E., Zuenko I.Yu. *From Soft Power to Discursive Power: New Ideologemes in China's Foreign Policy*. Moscow, Institute of International Studies, MGIMO, 2022. 24 p. (In Russ.) Available at: https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/0fbcc0phzmd1vr7evuu1vujuws4lsdsf/china-foreign-policy-new-ideologemes.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 12.09.2024).
2. Ломанов А.В. Адаптация Китая к новой реальности. Михеев В.В., общ. ред. *Новая реальность Индо-Тихоокеанского пространства*. Москва, ИМЭМО РАН, 2023, сс.17-24. [Lomanov A.V. *China's Adaptation to the New Reality*. Mikheev V.V., ed. *New Reality in Indo-Pacific*. Moscow, IMEMO, 2023, pp. 17-24. (In Russ.)]
3. De Freitas M.V. *A New World Order with Chinese Characteristics*. Policy Center for the New South. 2019. Available at: <https://www.policycenter.ma/opinion/new-world-order-chinese-characteristics> (accessed 12.09.2024).

²⁴ В данной статье для определения “мирового большинства” используется трактовка из доклада “Мировое большинство и его интересы” Международного дискуссионного клуба “Валдай”: “Эти государства отказались от участия в экономических и других санкциях Запада против Москвы, сохранили, а некоторые даже расширили торговые и инвестиционные отношения с Россией. Группа неоднородна и включает в себя страны разного масштаба, расположенные на всех континентах (кроме Австралии), не состоящие в одних и тех же политических объединениях и нередко находящиеся между собой в конфликтных отношениях. Само по себе появление данной группы не связано исключительно с Россией – это продукт эволюции международной системы. Однако именно конфликт между Россией и Западом стал катализатором ее оформления” [20].

4. Walt S.M. China Wants a 'Rule-Based International Order', Too. *Foreign Policy*, 31.03.2021. Available at: <https://foreignpolicy.com/2021/03/31/china-wants-a-rules-based-international-order-too/> (accessed 12.09.2024).
5. Barmé G.R., Jaivin L., Goldkorn J., eds. *Shared Destiny*. ANU Press, 2015. 351 p. <http://doi.org/10.22459/CSY.11.2015>
6. Zhang Denghua. The Concept of 'Community of Common Destiny' in China's Diplomacy: Meaning, Motives and Implications. *Asia & the Pacific Policy Studies*, 2018, no. 2, vol. 5, pp. 196-207. <https://doi.org/10.1002/app5.231>
7. Ли Хуэй. Пусть идея человеческого сообщества с единой судьбой осветит весь мир! *Проблемы Дальнего Востока*, 2019, № 1, сс. 4-12. [Li Hui. Let the Idea of a Community of Common Destiny for Mankind Illuminate the Whole World! *Far Eastern Affairs*, 2019, no. 1, pp. 4-12. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013128120004580-9
8. Tobin L. Xi's Vision for Transforming Global Governance: A Strategic Challenge for Washington and Its Allies. *The Strategist*, 2018, vol. 2, iss. 1, pp. 154-166. Available at: <https://tnsr.org/2018/11/xis-vision-for-transforming-global-governance-a-strategic-challenge-for-washington-and-its-allies/> (accessed 23.09.2024).
9. Zhao Xiaochun. In Pursuit of a Community of Shared Future. China's Global Activism in Perspective. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 2018, no. 1(4), pp. 23-37. <https://doi.org/10.1142/S2377740018500082>
10. Zhang Guihong. A Community of Shared Future for the Mankind and Implications for Conflict Prevention. *New Paths and Policies Towards Conflict Prevention*. Routledge, 2021, pp. 129-138.
11. Chuvilov I.A., Malevich J.I. Community with a Shared Future for Mankind, and How This Concept Is Related to the Belt and Road Initiative. *Journal of the Belarusian State University. International Relations*, 2022, no. 1, pp. 43-50. <https://doi.org/10.33581/2521-6848-2022-1-43-50>
12. Ding Jun, Cheng Hongjin. China's Proposition to Build a Community of Shared Future for Mankind and the Middle East Governance. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 2017, iss. 4, vol. 11, pp. 1-14. <https://doi.org/10.1080/25765949.2017.12023314>
13. Zhang Weibin, Chang Yen-Chiang, Chang Lianfu. An Ocean Community with a Shared Future: Conference Report. *Marine Policy*, 2020, vol. 116, pp. 1-4. DOI: 10.1016/j.marpol.2020.103888
14. Бояркина А.В. Борьба с бедностью в Китае в контексте идеи "Сообщества единой судьбы человечества" с 2013–2020 годы. *Мировая политика*, 2021, № 3, сс. 63-82. [Boyarkina A.V. The Fight Against Poverty in China in the Context of the Idea of the 'Community of Shared Destiny for Humanity' in 2013–2020. *World Politics*, 2021, no. 3, pp. 63-82. (In Russ.)] DOI: 10.25136/2409-8671.2021.3.34893
15. 吴志成. 人类命运共同体理念的中华文化基础. *政治学研究*, 2023, № 1. [Wu Zhicheng. The Chinese Culture as a Foundation for the Concept of a Community with a Shared Future for Mankind. *Political Science Research*, 2023, no. 1. (in Chin.)]. Available at: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-04/24/content_85248876.shtml (accessed 22.09.2024).
16. 贺来. 马克思主义哲学的“类”概念与“人类命运共同体”. *马克思主义哲学*, 2016, 8期, сс. 3-9. [He Lai. The Concept of 'Class' in Marxist Philosophy and 'Community of Shared Future for Mankind'. *Marxist Philosophy*, 2016, no. 8, pp. 3-9. (In Chin.)] Available at: http://pfttheory.jlu.edu.cn/local/6/27/B3/FC59522B26E27BB2304EFD5A7E8_23703AFA_43C49.pdf (accessed 25.09.2024).
17. Семенов А.В., Цвык А.В. Концепция "общего будущего человечества" во внешнеполитической стратегии Китая. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 8, сс.72-84. [Semenov A.V., Tsvyk A.V. The 'Community of a Shared Future for Humankind' Concept in China's Foreign Policy Strategy. *World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 8, pp. 72-84. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81
18. Mardell J. The 'Community of Common Destiny' in Xi Jinping's New Era. *The Diplomat*, 25.10.2017. Available at: <https://thediplomat.com/2017/10/the-community-of-common-destiny-in-xi-jinpings-new-era/> (accessed 22.09.2024).
19. Кортунов А.В. Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы? Российский совет по международным делам. 28.05.2018. [Kortunov A.V. *Indo-Pacific or Community of Common Destiny?* Russian International Affairs Council. 28.05.2018. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoy-sudby/> (accessed 28.09.2024).
20. Бордачев Т.В. *Мировое большинство и его интересы*. Международный дискуссионный клуб "Валдай". 10.10.2024. [Bordachev T.V. *The World Majority and Its Interests*. International Discussion Club 'Valdai'. 10.10.2024. (In Russ.)] Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/mirovye-bolshinstvo-i-ego-interesy/> (accessed 18.12.2024).

РОЛЬ МАРКА РЮТТЕ ВО ФРАГМЕНТИРОВАННОЙ
ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НИДЕРЛАНДОВ

© ПОСАЖЕННИКОВА А.А., 2025

ПОСАЖЕННИКОВА Анастасия Антоновна, преподаватель кафедры языков стран Северной Европы и Балтии, младший научный сотрудник сектора политических проблем европейской интеграции отдела европейских политических исследований. МГИМО МИД России, РФ, 117454 Москва, пр. Вернадского, 76;
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (posnast@imemo.ru), ORCID: 0009-0000-1518-6299

Посаженикова А.А. Роль Марка Рютте во фрагментированной партийно-политической системе Нидерландов. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2025, № 1, сс. 46-60. DOI60: 10.20542/afij-2025-1-46-60 EDN: LBCRIX

DOI: 10.20542/afij-2025-1-46-60

EDN: LBCRIX

УДК: (492)+(329+324)

Оригинальная статья

Поступила в редакцию 19.08.2024.

После доработки 24.12.2024.

Принята к публикации 04.02.2025.

В статье анализируется восприятие современной партийно-политической системы Нидерландов избирателями и значение для нее фигуры Марка Рютте, занимавшего пост премьер-министра в 2010–2024 гг. Уход М. Рютте из страновой политики – рубежный момент, позволяющий ретроспективно оценить стимулы, побудившие граждан отдать голоса Народной партии за свободу и демократию под его руководством в ходе четырех парламентских выборов (2010, 2012, 2017 и 2021 гг.). Цель автора – выявить факторы, способствовавшие электоральным победам Рютте и его партии. В статье используются элементы историко-генетического метода, позволяющего рассматривать эволюцию партийно-политической системы Нидерландов как “сообщественной демократии” (термин А. Лейпхарта), а также различные подходы к электоральным исследованиям, главным образом – разработанная в социально-психологическом подходе модель “воронки причинности”. По мнению автора, во фрагментированной партийно-политической системе Нидерландов растет значимость оценки избирателями пунктов программ партий и личностей политиков. Особенно важен последний фактор: различия между программами партий становятся все менее заметными; также усиливается роль харизматичного типа лидерства (по М. Веберу). Опираясь на данные нидерландской и международной статистики, социологические опросы и аналитические работы нидерландских экспертов, автор приходит к выводу о том, что важнейшими детерминантами доверия М. Рютте как премьер-министру являлись экономическая ситуация в стране и оценка политика как “антикризисного менеджера”. Последняя также сыграла значимую роль в электоральных победах партии Рютте в 2017 и 2021 гг. В то же время на исход четырех рассмотренных выборов оказывали влияние и другие факторы, в частности, корректировка партийного курса.

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Ключевые слова: Марк Рютте, Нидерланды, партийная фрагментация, политическое лидерство, популизм, общественная демократия, электоральное поведение.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

MARK RUTTE'S ROLE IN THE FRAGMENTED POLITICAL SYSTEM OF THE NETHERLANDS

Original article

Received 19.08.2024. Revised 24.12.2024. Accepted 04.02.2025.

Anastasia A. POSAZHENNIKOVA (posnast@imemo.ru), ORCID 0009-0000-1518-6299, MGIMO University, 76, prospect Vernadskogo, Moscow 117454, Russian Federation;

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

In the article, Dutch voters' perception of the current party and political system of the country is analyzed, along with the role of Mark Rutte – the Dutch Prime Minister from 2010 until 2024 – in this system. Rutte leaving national politics serves as a turning point that allows a retrospective assessment of what paved the way to the success of Rutte's People's Party for Freedom and Democracy in four parliamentary elections (2010, 2012, 2017 and 2021). The author aims at identifying the favorable factors in Rutte's and his party's electoral victories. In the article, the genealogical historical method is used to outline the party system evolution in the Netherlands as a consociational democracy (according to A. Lijphart); various approaches to electoral research are also used, most importantly the 'funnel of causality' developed within the psychosocial approach. The author posits that, in the fragmented Dutch political system, voters' view on party programs and politicians' personalities are increasingly important. In particular, the personality of a politician is crucial, as differences between the programs are getting blurry; the charismatic type of authority (according to M. Weber) is also playing a growing role. Using Dutch and international statistical data, sociological surveys, and Dutch expert analytics, the author concludes that economic situation in the country and Rutte's perception as a 'crisis manager' have been the foremost determinants of trust in him as a prime minister. The latter factor has also played a significant role in the party victories in 2017 and 2021. The results of the four elections studied, however, were also influenced by other factors, such as adjustments made to the party's proposed policies.

Keywords: Mark Rutte, Netherlands, party fragmentation, political leadership, populism, consensus democracy, electoral behavior.

About the author:

Anastasia A. POSAZHENNIKOVA,

Lecturer, Department of North European and Baltic Languages;

Junior Researcher, Sector for Political Aspects of European Integration, Department for European Political Studies.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

For citation: Posazhennikova A.A. Mark Rutte's Role in the Fragmented Political System of the Netherlands. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2025, no. 1, pp. 46-60. DOI: 10.20542/afj-2025-1-46-60 EDN: LBCRIX

ВВЕДЕНИЕ

2 июня 2024 г. официально начало работу правительство Нидерландов, впервые с 2010 г. возглавляемое не Марком Рютте, который в октябре 2024 г. вступил в должность генерального секретаря НАТО. М. Рютте четырежды¹ занимал пост премьер-министра и стал рекордсменом по сроку полномочий за всю историю страны: ему удалось оставаться у власти 14 лет, несмотря на множество внутривнутриполитических скандалов, негативные для Нидерландов последствия глобального финансового кризиса 2008 г. и беспрецедентное обострение международной ситуации, в частности, кризис европейской безопасности.

В этой связи интересно проанализировать восприятие нидерландцами личных качеств М. Рютте и особенностей его управления страной. Такой анализ поможет ответить на вопрос о том, что позволило политику одержать четыре победы на парламентских выборах во главе Народной партии за свободу и демократию (НПСД).

Длительный срок нахождения М. Рютте у власти обращает на себя особое внимание в условиях обострения по всему миру общественных конфликтов, растущей индивидуализации обществ и партийно-политической фрагментации [1, с. 423]. В качестве одного из инструментов для преодоления этих проблем в исследовательской литературе предлагается исторически сложившийся в Нидерландах “сообщественный” (см. ниже) управленческий принцип, основанный на стабильном диалоге между группами населения и выработке приемлемого для всех решения [2, р. 404]. Вероятно, фигура М. Рютте воспринималась нидерландцами как необходимая для поддержания такого диалога, и благодаря этому он мог оставаться у власти. В связи с глобальным характером названных выше общественно-политических тенденций изучение особенностей лидерства и управления в Нидерландах может представлять интерес за пределами этой страны и дополнить труды, посвященные политическим лидерам других стран ЕС, которые ознаменовали собой целую эпоху (например, А. Меркель в Германии [3]).

На основе анализа статистических данных, материалов социологических опросов и аналитических работ автор стремится дать ответ на следующий вопрос: благодаря каким факторам М. Рютте и его партия оставались у власти на протяжении 14 лет?

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА НИДЕРЛАНДОВ: “СООБЩЕСТВЕННОСТЬ” И ФРАГМЕНТАЦИЯ

Исторические корни партийно-политической системы Нидерландов кроются в существовавшей с Первой мировой войны до конца 1960-х годов “системе опор” – общественно-политическом разделении по религиозно-мировоззренческому признаку на четыре крупные группы, которые в соответствии с их взглядами принято условно именовать протестантской, католической, социал-демократической и “либеральной” (в последней не выделялось четкого религиозно-идеологического компонента). Каждая группа имела собственный набор школ, СМИ, профсоюзов, и интересы каждой представляли соответствующие политические партии. Вопросы общенационального значения – включая внешнюю политику – решались представителями партий на основании консенсуса интересов всех групп [4].

Государства с подобной моделью поддержания внутривнутриполитической стабильности политолог А. Лейпхарт назвал “сообщественными демократиями” [5, с. 60], выделив в качестве их ключевых признаков власть коалиции всех политических сил, наличие у каждой из них права вето, пропорционального представительства в органах власти и автономного характера решения вопросов, не имеющих общестранового значения, то есть практически полного отсутствия повседневных контактов между рядовыми членами групп, чьи интересы представляли эти политические силы. Стабильность групповой

¹ В 2010–2012, 2012–2017, 2017–2021 и 2021–2022 гг.

самоидентификации обеспечивала поддержку “традиционным” политическим партиям². Таким образом, к нидерландской системе была применима классическая социологическая модель электорального поведения, связывающая последнее с принадлежностью избирателя к крупным общественным группам [6].

К концу 1960-х годов в связи с демографическими, экономическими и общественными изменениями в Нидерландах начался процесс «слома “системы опор”»: поддержка “традиционных” политических сил снизилась, появились новые фавориты [4]. Исследование электорального поведения в усложнившейся системе требует иных теоретических моделей, например, разработанной в рамках социально-психологического подхода модели “воронки причинности”³, располагающей стимулы голосования индивида за ту или иную партию в ряд от наиболее до наименее “стабильных”: от демографических и социально-экономических причин до персональных мнений избирателей о конкретных политических решениях и личностях политиков.

Исследователи из Университета Амстердама А. Хахвердян и Т. ван дер Мер выделяют в эволюции нидерландской партийно-политической системы с середины 1990-х годов до настоящего времени этап фрагментации: растет непредсказуемость электорального поведения, старые партии теряют позиции в пользу вновь образованных⁴. Особенно подробно в этой связи изучен феномен правых популистских партий (см., например, [8; 9; 10]). Изменение поведения граждан на выборах в 1990-х–2020-х годах по сравнению с предшествовавшими десятилетиями связывают с индивидуализацией, низким уровнем доверия граждан политическим институтам, неспособностью политических партий-старожилов предложить актуальные решения проблем во внешней и внутренней политике [11; 12; 13].

Хотя многопартийность – традиция Нидерландов, на современном этапе политическая фрагментация достигла бóльших масштабов: в настоящее время во Второй (нижней) палате Генеральных штатов, 150 депутатов которой напрямую избираются гражданами страны на пятилетний срок, представлены 15 фракций. При значительном числе альтернатив возможности рационального электорального выбора ограничены, усиливается роль субъективных оценок партий в целом, отдельных пунктов их программ и кандидатов. К такому выводу приходят и нидерландские ученые Г. Ирвин и Й. ван Холстейн [14], а также П. де Фриз и К. де Ландсхер [15], занимающиеся электоральными исследованиями.

Особенно эта тенденция заметна в отношении роли личности в политике. Наряду с традиционным для нидерландских политиков рационально-легальным типом лидерства сегодня в партийно-политической системе укрепляются элементы харизматического типа [8]. По М. Веберу рационально-легальный тип лидерства предполагает, что власть лидера легитимна, пока осуществляется в рамках, четко определенных и контролируемых демократическими законодательными институтами, в то время как харизматический тип основан на способности политика убедить электорат в осуществлении им особой “миссии” [16, с. 29].

Рост числа групп и углубление противоречий между ними затрудняют политическое взаимодействие. Последнее в этих условиях не может эффективно осуществляться лично лидерами партий, представляющих интересы групп, как это было в период “системы опор”: необходима фигура координатора взаимодействия. Осознавая сложность сложившейся системы, избиратели с большей вероятностью отдадут предпочтение фигуре, способной эффективнее прочих выполнить роль межгруппового “моста”.

² Антиреволюционная партия (*Anti-Revolutionaire Partij, ARP*) и Христианско-исторический союз (*Christelijk-Historische Unie, CHU*) для протестантской “опоры”, Католическая народная партия (*Katholieke Volkspartij, KVP*) – для католической, Партия труда (*Partij van de Arbeid, PvdA*) – для социалистов, Народная партия за свободу и демократию (*Volkspartij voor Vrijheid en Democratie, VVD*) – для либеральной. Сегодня условным “преемником” клерикальных партий периода “системы опор” считается партия Христианско-демократический призыв (*Christen-Democratisch Appèl, CDA*).

³ Первым примером применения данной модели считается исследование поведения избирателей в США, проведенное А. Кэмпбеллом в конце 1950-х годов [7].

⁴ Hakhverdian A., van der Meer T., De Hingh V. Verzuiling, ontzuiling en fragmentatie. *De Correspondent*, 22.02.2021. Available at: <https://decorrespondent.nl/12117/waarom-kiezers-wel-trouw-blijven-aan-hun-standpunten-maar-niet-aan-partijen/8ca38854-0cb5-07f3-2200-03730022f250> (accessed 11.08.2024).

Можно предположить, что решающим фактором побед НПСД на выборах стало впечатление, произведенное на нидерландцев лидером партии М. Рютте. Он выступил как политик, обладающий качествами, необходимыми для премьер-министра в сложившихся обстоятельствах – главным образом, умением наладить диалог различных политических сил.

НАЧАЛО ПУТИ РЮТТЕ: ГОТОВНОСТЬ К СОТРУДНИЧЕСТВУ ВНЕ ИДЕОЛОГИИ

Еще в начале карьерного пути на посту председателя молодежной организации НПСД (1988–1991 гг.) М. Рютте удалось завершить существовавшие в ней внутренние разногласия, обрести поддержку представителей всех направлений в подразделении. Содействием различных групп объясняют и победу Рютте на выборах политического руководителя самой партии в 2006 г.⁵

Однако на этом этапе он пользовался меньшей популярностью у избирателей: парламентские выборы 2006 г., несмотря на потерю НПСД шести мест в парламенте (табл.), превратились в “личный триумф” соперницы политика по внутрипартийной борьбе Риты Вердонк, которая впервые в истории, будучи вторым пунктом в партийном списке, получила больше голосов, чем первый номер М. Рютте [17].

Таблица. Результаты крупнейших партий на парламентских выборах 2006–2023 гг.*
*Table. Results of the Largest Parties in the Parliamentary Elections 2006–2023**

Партия**	Число полученных мест во Второй палате парламента (из 150)					
	2006	2010	2012	2017	2021	2023
ХДП	41 (-3)	21 (-20)	13 (-8)	19 (+6)	15 (-4)	5 (-10)
ПТ***	33 (-9)	30 (-3)	38 (+8)	9 (-29)	9 (0)	_***
СП	25 (+16)	15 (-10)	15 (0)	14 (-1)	9 (-5)	5 (-4)
НПСД	22 (-6)	31 (+9)	41 (+10)	33 (-8)	34 (+1)	24 (-10)
ПС	9 (+9)	24 (+15)****	15 (-9)	20 (+5)	17 (-3)	37 (+20)
ЗЛ***	7 (-1)	10 (+3)	-	14 (+10)	8 (-6)	_***
ХС	6 (+3)	5 (-1)	5 (0)	5 (0)	5 (0)	-
Д66	-	10 (+7)	12 (+2)	19 (+7)	24 (+5)	9 (-15)
ПЗЗ	-	-	-	5 (+3)	6 (+1)	-
ФД	-	-	-	-	8 (+6)	-
ПТ/ЗЛ***	-	-	-	-	-	25 (+8)***
НОД	-	-	-	-	-	20 (+20)
ФГД	-	-	-	-	-	7 (+6)

Источник: составлено автором по базе данных Избирательного совета Нидерландов⁶.

* Для удобства представлены только данные по политическим партиям, получившим пять и более мест во Второй палате. Полужирным шрифтом выделены результаты политических партий, вошедших в правительственную коалицию. Партии указаны в порядке убывания числа голосов в 2006 г., не получивших пять и более мест во Второй палате по итогам выборов 2006 г. – в порядке появления среди партий, получивших пять и более мест во Второй палате.

** Уже названные Христианско-демократический призыв – ХДП и Партия труда – ПТ (*Partij van de Arbeid, PvdA*); Социалистическая партия – СП (*Socialistische Partij, SP*); также упомянутая Народная партия за свободу и демократию – НПСД; Партия свободы – ПС (*Partij voor de Vrijheid, PVV*); “Зеленые левые” – ЗЛ (*GroenLinks, GL*); Христианский союз – ХС (*ChristenUnie, CU*); “Демократы-66” – Д66 (*Democraten 66, D66*); Партия защиты животных – ПЗЗ (*Partij voor de Dieren, PvdD*); “Форум за демократию” – ФД (*Forum voor Democratie, FvD*); “Новый общественный договор” – НОД (*Nieuw Sociaal Contract, NSC*); Фермерско-гражданское движение – ФГД (*BoerBurgerBeweging, BBB*).

*** На парламентских выборах 2023 г. Партия труда и “Зеленые левые” выступили с совместным списком кандидатов. Прирост мест во Второй палате по итогам голосования указан относительно суммарного числа мест двух партий по результатам выборов 2021 г.

**** В 2010 г. Партия свободы не вошла в правительство, однако поддерживала его инициативы во Второй палате, обеспечивая депутатское большинство.

⁵ Wayenberg S. Hoe werd Rutte premier van het land? *NPO Kennis*, 06.07.2024. Available at: <https://npokennis.nl/longread/7635/hoewerdrutte-premier-van-het-land> (accessed 11.08.2024).

⁶ *Databank Verkiezingsuitslagen*. Kiesraad. Available at: <https://www.verkiezingsuitslagen.nl/verkiezingen> (accessed 11.08.2024).

В 2006 г. НПСД не вошла в правительственную коалицию, сформированную клерикальными Христианско-демократическим призывом, Христианским союзом и левоцентристской Партией труда.

Помимо потери мест во Второй палате парламента, НПСД сталкивалась и с более серьезной проблемой – глубоким внутренним расколом: многие члены, несмотря на поражение Р. Вердонк на выборах партийного руководителя, поддерживали ее более “жесткий” курс (предполагавший в том числе дальнейшее ужесточение миграционного законодательства) и резко критиковали руководство во главе с М. Рютте. Сторонники Вердонк настаивали на том, что предотвратить дальнейшую потерю популярности НПСД можно только придерживаясь четкой идеологической ориентации, которая прежде откладывала отпечаток на позицию партии в любых практических решениях. Со времен “системы опор” это были либеральный подход в экономических вопросах и умеренно-консервативный – в социокультурных.

М. Рютте со своей стороны видел решение проблемы низких рейтингов партии в сосредоточении на проблематике, позволявшей партии и ему лично “заработать имя” среди избирателей. В поиске такой проблематики он значительно отступал от идеологической партийной ориентации. Политик стал высказываться за сотрудничество с левоцентристской Партией труда, инициировал разработку НПСД экологической программы “зеленых правых” (нид. *groenrechts*), подразумевавшую поддержку инициатив и законопроектов, направленных на борьбу с изменением климата, хотя ранее экологическая политика выпадала из сферы внимания партии.

Острота внутрипартийного противостояния подчеркивалась выходом из НПСД ряда известных политиков, несогласных с подходом М. Рютте. Тем не менее разворачивавшиеся на фоне финансового кризиса 2008 г. поиски такой проблематики, которая вернула бы НПСД былую поддержку, продолжались: их итогом стала постанова в центр внимания партии во Второй палате парламента вопросов экономики⁷.

Й. Кудам из Университета Цюриха проанализировал феномен отказа партии от приверженности идеологии в пользу попыток получить электоральную поддержку путем продвижения собственных вариантов решения отдельных практических проблем. Исследователь считает, что такой подход делает политическую программу партии фрагментарной, неоднозначной и отчасти противоречивой. Хотя эта стратегия может служить “примирению” различных внутрипартийных групп, эффективна она только в качестве временной [18]. Более продолжительное ее использование НПСД (см. ниже), вероятно, связано с сохраняющимся идеологическим кризисом: позиция партии по тому или иному вопросу не воспринимается избирателями как подрывающая фундаментальные убеждения ее членов, поскольку эти установки исключены из официального партийного дискурса. Так политической организации удастся охватить наиболее широкий круг интересующих избирателей вопросов, оставляя без внимания темы, не способствующие росту электоральной поддержки, и предлагая такие решения существующих проблем, которые будут наиболее благоприятно восприняты обществом, а не те, что продиктованы идеологическими принципами.

В 2008 г. разногласия с премьер-министром Я.-П. Балкененде (ХДП) по бюджетным вопросам привели к выдвижению М. Рютте, на тот момент – лидером фракции НПСД во Второй палате Генеральных Штатов, вотума недоверия правительству. Вотум был поддержан на обоих концах политического спектра. И хотя инициатива провалилась, она сделала Рютте выразителем популярного мнения и помогла получить необходимые политические очки для последующего успеха на выборах. Отказ от четкой позиции на оси “правый–левый”, ставшей одной из важных характеристик политика [19], устранил препятствия для объединения различных сил вокруг его фигуры [11].

⁷ Duin R.J. Biografie Mark Rutte toont premier die vooral kan verkopen. *Het Parool*, 13.09.2016. Available at: <https://www.parool.nl/ps/biografie-mark-rutte-toont-premier-die-vooral-kan-verkopen~b0790774/?referrer=https://www.google.com/> (accessed 11.08.2024).

ВЫБОРЫ 2010 Г. И ПЕРВЫЙ КАБИНЕТ РЮТТЕ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОСЛЕ КРИЗИСА

На состоявшихся в 2010 г., после отставки правительства Я. П. Балкененде, парламентских выборах НПСД впервые в истории стала крупнейшей политической силой страны, а М. Рютте – первым представителем партии на посту премьер-министра.

В условиях экономического кризиса социально-экономический запрос избирателей был скорее левым, социально ориентированным [19], в то время как НПСД в поисках выхода из сложной ситуации предлагала серьезные бюджетные сокращения, необходимые для соблюдения норм дефицита бюджета, принятых в Европейском союзе. Это обстоятельство дает повод предположить, что избиратели, отдавшие голос за НПСД, руководствовались не содержанием предвыборной программы партии, по крайней мере, экономическим (поскольку в документе прямо говорилось о необходимости снизить государственные расходы на 20 млрд евро к 2015 г.⁸). Победу НПСД отчасти обеспечило ослабление позиций партий-конкурентов, входивших в предыдущую правительственную коалицию (ХДП, ПТ и ХС – см. табл.). Косвенно о роли этого фактора свидетельствует и усилившаяся фрагментация: “старые” партии (функционировавшие в период “системы опор” ХДП, ПТ и НПСД) сократили свое суммарное представительство во Второй палате, “новые” (Партия свободы) – напротив, укрепились. Фактор личной популярности М. Рютте как лидера партии также не дает полного объяснения победы НПСД: его позиции были все еще слабы – опросы населения указывали на более высокую общественную поддержку других членов партии⁹. Таким образом, исход выборов 2010 г. нельзя однозначно приписать единой причине электорального выбора.

Первый кабинет во главе с М. Рютте представлял собой коалицию НПСД и ХДП, заключивших соглашение с Партией свободы Г. Вилдерса о поддержке правительственных инициатив в парламенте. Правительства в Нидерландах носят коалиционный характер, поскольку ни одна партия не получает абсолютного большинства (минимум 76 мест в 150-местной Второй палате Генеральных штатов), необходимого для обеспечения поддержки правительственного курса. Однако в 2010 г. переговоры о формировании кабинета (традиционно для страны длительные и многоступенчатые) осложнялись нежеланием ХДП вступать в коалицию с Партией свободы из-за радикальной антииммигрантской риторики последней. В результате возникла нестандартная конструкция с внеправительственной поддержкой.

В начальный период нахождения у власти М. Рютте закрепил свой подход к руководству НПСД: сохранение поддержки избирателей ценой отсутствия четкой идеологической ориентации и ограничение обсуждений политических решений в партии, принятие их “узким кругом”¹⁰. Первая его составляющая особенно примечательна, поскольку противоречит присутствующему в ряде работ тезису о преимущественном выборе тактики неоднозначного партийного курса менее крупными партиями, не принадлежащими к “классическим” идеологическим течениям и не входящим в правительство (см., например, [18]). Вероятно, в этой части НПСД взяло на вооружение подход к политической борьбе новых, менее крупных, оппозиционных партий с целью купирования роста их электоральной поддержки. В отношении второй характерной черты партийного руководства Рютте – принятия “келейных” решений – следует признать, что, несмотря на непрекращающуюся критику, такой подход действительно помог укрепить партийное единство. Интересно мнение нидерландских политологов С. Отйеса, Т. Лауверсе и А. Тиммерманса, считающих, что этот подход соответствовал “сообщественной” модели разрешения противоречий, поскольку она

⁸ Orde op zaken. Verkiezingsprogramma 2010–2014. VVD. 06.05.2010. Available at: <https://dnpprepo.ub.rug.nl/3/1/VVD-VerkProg-TK-2010-definitief.pdf> (accessed 05.12.2024).

⁹ Eurocommissaris Kroes populairst om nieuwe Nederlandse premier te worden. *De Morgen*, 21.05.2010. Available at: <https://www.demorgen.be/nieuws/eurocommissaris-kroes-populairst-om-nieuwe-nederlandse-premier-te-worden-b11c68ae/?referrer=https://www.google.com/> (accessed 0.12.2024).

¹⁰ Otjes S. *Mark Rutte, de vlees geworden Nederlandse bestuurscultuur*. Montesquieu Instituut. 2024. Available at: https://www.montesquieu-instituut.nl/id/vmeq3xdah8y/mark_rutte_de_vlees_geworden_nederlandse (accessed 11.08.2024).

предполагает “исключение” ряда вопросов из широкого обсуждения и поиск лидерами крупных общественных групп консенсусного решения [20].

Внимание первого кабинета М. Рютте было направлено на восстановление страны после экономического кризиса. Сокращение расходов государственного бюджета, в первую очередь за счет социальной сферы, привело к снижению покупательной способности населения, длившемуся до 2014 г., и отразилось на показателях доверия премьер-министру. Во внешней политике правительство последовательно выступало против выделения дополнительных средств на поддержку стран Южной Европы из бюджета ЕС, где Нидерланды являются нетто-донором [21].

ВЫБОРЫ 2012 Г. И ВТОРОЙ КАБИНЕТ РЮТТЕ: “МЯГКИЙ” ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ И УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Хрупкость межпартийных договоренностей привела к отставке правительства в апреле 2012 г., когда Партия свободы отказалась вотировать планы дальнейшего сокращения бюджетных расходов. На последовавших парламентских выборах НПСД получила лучший результат за всю историю партии (41 мандат), в том числе благодаря присвоению некоторых программных пунктов ПС в умеренной формулировке – например, стремления к сокращению бюрократического аппарата в стране и “мягкой” евроскептической позиции¹¹. Кроме того, к НПСД перешли голоса избирателей, имеющих правые взгляды, но недовольных решением Г. Вилдерса отозвать поддержку правительственной коалиции – на это указывает, в частности, исход выборов для самой Партии свободы (табл.). В ориентированной на поиск консенсуса нидерландской политической культуре этот шаг Вилдерса воспринимался избирателями как “безответственность” и негибкость.

Об этом косвенно свидетельствуют результаты социологических опросов. Отвечая на вопрос “каковы важнейшие причины выбора Вами в пользу (той или иной) партии?”, голосовавшие за НПСД чаще, чем респонденты в среднем по стране, указывали, что их предпочтения определялись убежденностью в способности партии сохранить стабильность в управлении страной¹² и положительной оценкой личности первого номера в списке (лидера партии)¹³. Таким образом, победу НПСД в 2012 г. вновь невозможно отнести к какому либо одному фактору.

Второй по величине фракцией в нижней палате парламента и партнером НПСД по коалиции стала левоцентристская Партия труда, поддержку которой обеспечило недовольство ухудшением финансового положения – следствие политики предыдущего правительства, по отношению к которому партия находилась в оппозиции¹⁴. Подобное сотрудничество объяснялось, с одной стороны, исторической традицией формирования широких коалиций крупнейших политических сил (относящейся к периоду “системы опор”, однако нашедшей выражение и в более недавнем прошлом, в “фиолетовых”¹⁵ правительственных кабинетах В. Кока 1994–1998 и 1998–2002 гг.). С другой стороны, в основных вопросах позиции партий не имели принципиальных различий: например, подход к решению проблемы бюджетного дефицита путем сокращения расходов бюджета, в первую очередь социальных, был характерен для всех ключевых политических сил в стране, включая левоцентристские [19]. Бюджетные реформы стали лейтмотивом работы и второго правительства М. Рютте [22]: уже в ходе его формирования сначала было достигнуто соглашение о бюджете, а затем – о создании коалиции.

¹¹ van den Braak B. Hoezo terugkeer van het politieke midden? *Parlement.com*, 14.09.2012. Available at: https://www.parlement.com/id/v2ugwre6yqg/hoezo_terugkeer_van_het_politieke_midden (accessed 11.08.2024).

¹² Эту причину электорального выбора указали 21% опрошенных, голосовавших за НПСД, против 10% всех опрошенных [19].

¹³ 25% опрошенных, голосовавших за НПСД, против 19% всех опрошенных [19].

¹⁴ van den Braak B. Op. cit.

¹⁵ Название происходит от смешения красного цвета, ассоциированного с социал-демократами (Партией труда), с синим, обозначающим либералов (НПСД).

Продолжение политики экономии (государственные расходы за период 2012–2017 гг. снизились на 4 п.п.) и дальнейшее ухудшение экономического положения граждан (в 2013 г. покупательная способность сократилась на 1.1%) привели к тому, что в сентябре 2013 г. поддержка М. Рютте как премьер-министра достигла минимума – 16%¹⁶. Наиболее серьезной критике правительство подверглось за невыполнение программных обещаний (снижения налогов, блокировки передачи средств ЕС Греции). Тем не менее усилия правительства вывели страну из финансового кризиса и способствовали достижению необходимых установленных Евросоюзом показателей дефицита бюджета и государственного долга¹⁷.

В меньшей степени, чем состояние экономики, на снижение поддержки М. Рютте повлияли внутривластные трудности, например, скандал с неправомерным сбором информации о гражданах Нидерландов государственными службами безопасности¹⁸.

Кризисы экзогенного характера скорее предоставили премьер-министру возможность проявить лидерство. Обострение ситуации на Украине в 2013–2014 гг. связано в восприятии нидерландцев с крушением над территорией Донецкой области 17 июля 2014 г. рейса *MH 17*¹⁹, где погибли 196 нидерландских граждан. В ходе расследования причин катастрофы М. Рютте, по данным проводившихся в Нидерландах соцопросов, показал себя вовлеченным в ситуацию эффективным “антикризисным менеджером” [19]. Он лично встречался с родственниками погибших, благодарными премьер-министру за то, что тот добился отправки в Нидерланды останков жертв катастрофы, и по сей день проводит регулярные встречи с ними. По его инициативе Нидерланды взяли на себя руководство объединенной следственной группой (*Joint Investigation Team, JIT*), включившей представителей правоохранительных органов Нидерландов, Австралии, Малайзии, Бельгии и Украины, для проведения независимого уголовного расследования. Группа приняла решение, что судебное разбирательство по итогам расследования должно состояться в Окружном суде Гааги.

В результате на период расследования авиакатастрофы пришелся пик общественной поддержки М. Рютте как премьер-министра – 74%. Однако уже через год этот показатель снизился до менее чем 30% на фоне миграционного кризиса в Евросоюзе. В 2015 г. в Нидерланды прибыли 56.9 тыс. беженцев и членов их семей²⁰ (преимущественно из Сирии), что превышало возможности системы их приема. Наплыв беженцев спровоцировал серьезное социальное недовольство, вызванное нарушением приезжими общественного порядка и ростом нагрузки на государственный бюджет [23].

Несмотря на эмоциональное восприятие украинского конфликта нидерландской

¹⁶ Cornelisse D. De pieken en dalen van het vertrouwen in Mark Rutte als premier: zo keek het Opiniepanel 13 jaar lang naar hem. *EenVandaag*, 10.07.2023. Available at: <https://eenvandaag.avrotros.nl/panels/opiniepanel/alle-uitslagen/item/de-pieken-en-dalen-van-het-vertrouwen-in-mark-rutte-als-premier-zo-keek-het-opiniepanel-13-jaar-lang-naar-hem/> (accessed 11.08.2024).

¹⁷ По данным национальной статистики, дефицит бюджета сократился до необходимых 3% уже в 2013 г., а государственный долг опустился ниже 60% ВВП в 2017 г. См.: *Overheidsfinanciën; kerncijfers 1995–2023*. Centraal Bureau voor de Statistiek. StatLine. 19.06.2024. Available at: <https://opendata.cbs.nl/#/CBS/nl/dataset/84114NED/table?dl=22370> (accessed 05.12.2024).

¹⁸ Kreeg AIVD ook geld van NSA? *BNNVARA*, 02.08.2013. Available at: <https://www.bnnvara.nl/joop/artikelen/kreeg-aivd-ook-geld-van-nsa> (accessed 05.12.2024).

¹⁹ “Боинг-777-200” авиакомпании “Малайзия Эйрлайнс”, выполнявший рейс *MH 17* из Амстердама в Куала-Лумпур, потерпел крушение над территорией Донецкой области, где на тот момент уже начался вооруженный конфликт между властями Донецкой Народной Республики (ДНР) и Украины. По имеющимся данным, самолет был сбит, и его крушение напрямую увязывают с военными действиями в ДНР. Украинское руководство обвинило в катастрофе донецкие власти, а впоследствии – Россию. При этом ни представители ДНР, ни РФ не были допущены к расследованию объединенной следственной группы. В итоге разбирательства к пожизненному заключению были приговорены трое из четырех обвиняемых (двое граждан России и один – Украины). РФ подчеркивает свою непричастность к катастрофе, считая судебный процесс и разбирательства по данному вопросу в Совете Международной организации гражданской авиации (ИКАО) и Европейском суде по правам человека политически ангажированными. См.: *Заявление Посольства России в Нидерландах по случаю годовщины катастрофы рейса MH17*. 17.07.2024. Available at: https://netherlands.mid.ru/ru/press-centre/news/zayavlenie_posolstva_rossii_v_niderlandakh_po_sluchayu_godovshchiny_katastrofy_reysa_mh17/ (accessed 05.12.2024).

²⁰ Для сравнения, в 2014 г. этот показатель находился на уровне 29.3 тыс. человек. См.: *In 2015 twee keer zo veel asielzoekers en nareizigers als in 2014*. Centraal Bureau voor de Statistiek. 27.01.2016. Available at: <https://www.cbs.nl/nl-nl/nieuws/2016/04/in-2015-twee-keer-zo-veel-asielzoekers-en-nareizigers-als-in-2014> (accessed 05.12.2024).

общественностью, в ходе консультативного референдума 2016 г. 61% граждан страны отказались поддержать Соглашение об ассоциации ЕС с Украиной, опасаясь “пустой траты” бюджетных средств интеграционного объединения, часть которых должны были бы предоставить Нидерланды, на поддержку украинской экономики [23]. Такой результат отразил “мягкие” евроскептические настроения избирателей, которые к моменту выборов 2017 г. обусловили популистские предпочтения.

ВЫБОРЫ 2017 Г. И ТРЕТИЙ КАБИНЕТ РЮТТЕ: ПРЕМЬЕР-МИНИСТР КАК “АНТИКРИЗИСНЫЙ МЕНЕДЖЕР” ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ

Стремясь привлечь электорат, НПСД в 2017 г. применила популистские методы: выступила за ужесточение законодательства в отношении мигрантов и беженцев и против программ помощи Южной Европе на уровне ЕС [24]. Тем не менее неспособность второго правительства М. Рютте найти выход из кризисной ситуации, сложившейся в системе приема беженцев в Нидерландах, привела к резкому снижению представительства правящих партий во Второй палате. НПСД удалось сохранить лидерство, но Партия труда понесла крупнейшее в истории страны поражение, потеряв 29 из 38 мест (табл.). На результатах голосования сказалась отмечаемая в исследованиях [25] способность М. Рютте избегать собственных имиджевых потерь, перенося политическую ответственность за принятие ошибочных решений на коллег и ссылаясь на свою “неосведомленность” или “забывчивость”²¹.

Исход выборов 2017 г. подчеркивает сочетание в партийно-политической системе современных тенденций (фрагментации, отказа от поддержки “традиционных” партий в пользу “новых”, например, “Зеленых левых”) и элементов стабильности – в частности, большинство опрошенных в 2017 г. Избирательным советом Нидерландов указали, что в целом довольны политикой правительства [26]. М. Рютте доказал способность успешно управлять страной, находясь как бы над ситуацией кризиса: более половины (57%) проголосовавших за НПСД, указали в качестве причины веру в то, что эта партия обеспечит стабильность управления страной²². К 2017 г. перечисленные выше тенденции в политической системе еще не могли поколебать позиции НПСД.

Фрагментация политических сил во Второй палате осложнила процесс формирования правительства, ставший самым длительным в истории страны (225 дней) и завершившийся созданием коалиции четырех партий, значительно отличающихся в культурно-ценностном измерении: умеренно-консервативной НПСД, клерикальных ХДП и ХС, а также либеральной прогрессивной партии Д66²³.

Наиболее серьезным вызовом третьему правительству М. Рютте стала пандемия COVID-19, во многих странах подорвавшая доверие правительствам²⁴. Хотя и в Нидерландах введение локдаунов и комендантского часа вызвали общественное недовольство, выливавшееся в митинги и погромы²⁵, эффективная стратегия вакцинации обеспечила в отдельные месяцы 2020 г. поддержку политическим институтам на уровне почти 60%²⁶.

²¹ В частности, за способность сохранять свой пост и продолжать пользоваться поддержкой граждан даже после громких скандалов М. Рютте получил медийное прозвище “тефлоновый Марк”. См., например: Henley J. Mark Rutte: The Everyman Dutch PM Whose ‘Teflon’ Powers Finally Waned. *The Guardian*, 10.07.2023. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2023/jul/10/mark-rutte-everyman-dutch-pm-whose-teflon-powers-finally-waned-netherlands> (accessed 11.08.2024).

²² В среднем этот фактор был значим для 23% опрошенных [19].

²³ D66 akkoord met gesprek over formatie ChristenUnie. *RTL*, 23.05.2017. Available at: <https://www.rtl.nl/nieuws/nederland/artikel/74556/d66-akkoord-met-gesprek-over-formatie-christenunie> (accessed 05.12.2024).

²⁴ *Standard Eurobarometer 94 – Winter 2020–2021*. European Commission. 2021. Available at: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2355> (accessed 11.08.2024).

²⁵ Van Genechten S. ‘Ergste rellen in 40 jaar’ in Nederland: wie zijn de relschoppers, wat drijft hen en hoe moet het nu verder? *VRT*, 26.01.2021. Available at: <https://www.vrt.be/vrtnws/nl/2021/01/26/rellen-in-nederland/> (accessed 11.08.2024).

²⁶ *Minste vertrouwen in Tweede Kamer in 10 jaar tijd*. Centraal Bureau voor de Statistiek. 09.05.2023. Available at: <https://www.cbs.nl/nl-nl/nieuws/2023/19/minste-vertrouwen-in-tweede-kamer-in-10-jaar-tijd> (accessed 05.12.2024).

Регулярные публичные выступления премьер-министра позволили ему вновь (как в ситуации вокруг *MH-17*) выступить “антикризисным менеджером” и достичь пика общественной поддержки (75%)²⁷. Именно на действия главы правительства в период пандемии, как правило, ссылаются респонденты социологических опросов, оценивающие М. Рютте как опытного политического деятеля [19]. Эта роль позволила ему стать лучшим премьер-министром за всю послевоенную историю страны, по мнению трех четвертей опрошенных *Ipsos* нидерландцев. Они назвали в качестве сильных сторон его опыт, спокойный, лишенный резкости подход к принятию решений и способность обеспечить стабильное сотрудничество четырех правительственных партий, несмотря на поляризацию взглядов в среде политиков и в обществе [26].

К марту 2020 г., когда стало известно о первых случаях заражения *COVID-19* в Нидерландах, общественное недовольство, ранее вспыхнувшее на фоне нескольких крупных внутривнутриполитических скандалов, несколько снизилось. Эти скандалы были связаны с добычей газа в провинции Гронинген, чрезмерные объемы которой приводили к землетрясениям и обрушению жилых домов²⁸, а также ситуацией с так называемыми детскими пособиями (налоговыми вычетами на услуги детского сада), когда тысячи семей были неправомерно обвинены в подаче ложных налоговых данных и вынуждены выплатить огромные штрафы²⁹. Несмотря на новые попытки “перекладывания ответственности” на других должностных лиц³⁰, из-за последнего кризиса правительство все же было вынуждено уйти в отставку.

ВЫБОРЫ 2021 Г. И ЧЕТВЕРТЫЙ КАБИНЕТ РЮТТЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СКАНДАЛЫ И МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС

По-видимому, успешная политика правительства в период пандемии стала решающим фактором электорального выбора [27], обеспечившим небольшой рост представительства во Второй палате правящих партий. В целом нидерландцы поддержали избранный политический курс [28]. Вместе с тем продолжились характерные тенденции фрагментации (число фракций во Второй палате Генеральных Штатов выросло с 13 до 17) и ослабления ключевых политических сил: крупнейшая партия получила 34 места (22.7%). Однако и в 2021 г. данные тенденции оказались недостаточно сильны, чтобы поставить под угрозу позиции НПСД: партия представлялась стабилизирующей политической силой в период кризисов, чему способствовала роль лично М. Рютте как объединяющего фактора, приписываемая ему респондентами социологических опросов [19].

Процесс формирования правительства поставил новый рекорд по длительности (299 дней) по причине нежелания партий (консервативного протестантского Христианского союза и прогрессивных “Демократов-66”³¹) сотрудничать с идеологически далеко отстоящими партнерами, а также неурегулированных скандалов предыдущего правительства, к которым добавились новые – в частности, вокруг утекших в СМИ планов устранить от участия в правительстве члена Второй палаты от партии ХДП Питера Олтзихта, раскрывшего ситуацию с “детскими пособиями”³². Итогом переговоров стало формирование правительства в составе прежних правящих партий (НПСД, ХДП, ХС и Д66), что вызывало вопросы о политической ответственности руководства страной за

²⁷ Cornelisse D. Op. cit.

²⁸ Chavannes M. Groningen leert: regeren is meestal reageren. *De Correspondent*, 03.02.2018. Available at: <https://decorrespondent.nl/7895/groningen-leert-regeren-is-meestal-reageren/d686023f-aeeb-0cf2-0297-9c6940e64ab8> (accessed 05.12.2024).

²⁹ Подробнее см.: *Ongekend onrecht*. Tweede Kamer der Staten-Generaal. 17.12.2020. Available at: https://www.tweedekamer.nl/sites/default/files/atoms/files/20201217_eindverslag_parlementaire_ondervragingscommissie_kinderopvangtoeslag.pdf (accessed 11.08.2024).

³⁰ На раннем этапе скандала вину на себя взяли статс-секретари министерства финансов М. Снел, А. ван Хюффелен и Х. Вайлбриф, в связи с чем они ушли в отставку.

³¹ Winterman P. Kaag ziet CU niet zitten, andere D66'ers sluiten partij niet uit. *Het Parool*, 17.06.2021. Available at: <https://www.parool.nl/nederland/kaag-ziet-cu-niet-zitten-andere-d66-ers-sluiten-partij-niet-uit~beaa280c/> (accessed 11.08.2024).

³² Hoorzitting kabinetsformatie: tegenstrijdige herinneringen over ‘kwestie Omtzigt’. *Parlement.com*, 04.07.2023. Available at: https://www.parlement.com/id/vm4hd6nvhoh6/nieuws/hoorzitting_kabinetsformatie (accessed 05.12.2024).

многочисленные “ошибки”, приведшие к скандалам³³, а общественная поддержка М. Рютте и его правительства в сентябре 2022 г. сократилась до 18%³⁴.

Как и в 2013 г., крайне низкие показатели доверия премьер-министру отражали экономическую ситуацию в стране³⁵, сложившуюся под влиянием резкого роста цен на электроэнергию, а затем и на потребительские товары из-за отказа Нидерландов от импорта энергоресурсов из России. Однако поскольку общественные дискуссии по внешнеполитическим вопросам нетипичны для Королевства [2, р. 79], позиция правительства в отношении России не вызвала недовольства населения.

Наибольшую значимость обрела миграционная политика, в особенности – проблема беженцев. Действующая система их приема справлялась со своими задачами в связи с ростом численности желающих получить статус беженца и таким образом остаться в стране³⁶. В центре регистрации ищущих убежище в г. Тер Апель вспыхнули беспорядки³⁷. Высокая секьюритизация миграционного вопроса в общественном сознании [29] на фоне неспособности политиков достичь соглашения о реформировании системы приема мигрантов и беженцев обеспечила снижение доверия граждан к властям. На момент отставки кабинета 7 июля 2023 г. из-за провала переговоров между четырьмя составляющими его партиями по вопросам предоставления убежища, доверие политикам находилось на уровне 21%³⁸.

Через несколько дней М. Рютте заявил о своем желании “уйти из политики”, имея в виду участие в государственном управлении. Его примеру последовали и лидеры других партий, в том числе Сигрид Кааг (Д66) и Вопке Хукстра (ХДП). Общественная поддержка Рютте как премьер-министра на тот момент составляла 30%, и большинство нидерландцев (76%) положительно оценили его решение³⁹. Хотя нидерландские эксперты в качестве главного итога “эпохи Рютте” указывают на ряд внутривнутриполитических скандалов⁴⁰, более половины подданных Королевства (57%) довольны его деятельностью на посту главы кабинета⁴¹. Международная репутация М. Рютте как способного к компромиссам политика обеспечила ему назначение на пост генерального секретаря НАТО⁴².

ВЫБОРЫ 2023 Г. И НАСЛЕДИЕ РЮТТЕ: СЛОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КАБИНЕТА

В ходе выборов в Нидерландах 2023 г. наметившиеся тенденции фрагментации и поддержки новых партий проявились ярче [30]. Уход сразу нескольких лидеров и кризис доверия политическим институтам (33%) обеспечили потерю правящими партиями почти

³³ von der Dunk T. Het kabinet-Rutte IV is een blamage. *de Volkskrant*, 09.01.2022. Available at: <https://www.volkskrant.nl/columns-opinie/het-kabinet-rutte-iv-is-een-blamage~b0b674d8/> (accessed 11.08.2024).

³⁴ Cornelisse D. Op. cit.

³⁵ В 2022 г. инфляция составила 10% против 2.1% в 2021 г., а покупательная способность снизилась на 1.2%. См.: *Materiële welvaart in Nederland 2024*. Centraal Bureau voor de Statistiek. Available at: <https://longreads.cbs.nl/materiele-welvaart-in-nederland-2024/koopkrachtontwikkeling/> (accessed 05.12.2024).

³⁶ По данным национальной статистики, в 2022 г. в Нидерландах запрос о предоставлении статуса беженца подали 35 тыс. человек, это на 44% выше, чем в 2021 г. См.: *Asielverzoeken met ruim 40 procent toegenomen in 2022*. Centraal Bureau voor de Statistiek. 30.01.2023. Available at: <https://www.cbs.nl/nl-nl/nieuws/2023/05/asielverzoeken-met-ruim-40-procent-toegenomen-in-2022> (accessed 05.12.2024).

³⁷ Borst M., van Sluis B. Opvang in Ter Apel vertraagd, onrust over crimineleasielzoekers neemt toe: ‘Op derand van eigenrichting’. *De Telegraaf*, 19.06.2023. Available at: <https://www.telegraaf.nl/nieuws/1073462339/opvang-in-ter-apel-vertraagd-onrust-over-criminele-asielzoekers-neemt-toe-op-de-rand-van-eigenrichting> (accessed 11.08.2024).

³⁸ Vertrouwen in kabinet. *EenVandaag*. Available at: <https://eenvandaag.avrotros.nl/peilingtrends/politiek/vertrouwen-in-kabinet/> (accessed 05.12.2024).

³⁹ Driekwart vindt het goed dat Rutte uit politiek stapt. *RTL*, 10.07.2023. Available at: <https://www.rtlnieuws.nl/panel/artikel/5395441/driekwart-vindt-het-goed-dat-rutte-uit-politiek-stapt> (accessed 11.08.2024).

⁴⁰ Aarts D., Janssen T., Waasdorp S. *This is What Our Experts Say About the Departure of Mark Rutte*. Universiteit Leiden. 10.07.2023. Available at: <https://www.universiteitleiden.nl/en/news/2023/07/this-is-what-our-experts-say-about-the-departure-of-mark-rutte> (accessed 11.08.2024).

⁴¹ Driekwart vindt het... Op. cit.

⁴² Gray A. NATO Picks Netherlands’ Mark Rutte as Next Boss. *Reuters*, 26.06.2024. Available at: <https://www.reuters.com/world/nato-allies-select-netherlands-rutte-next-secretary-general-2024-06-26/> (accessed 05.12.2024).

половины мест во Второй палате парламента (табл.). При том, что в программном отношении не произошло значительных изменений по сравнению с 2021 г. [30], результаты выборов 2023 г. говорят о том, что ранее влияние новых тенденций сдерживалось иными факторами, в том числе участием в них определенных известных политиков, “притягивавших” голоса избирателей. Косвенно подтверждает значимость фактора личности в голосовании и победа Партии свободы, для которой особо важна фигура Г. Вилдерса [8; 31].

К отмечавшейся сложности согласования партийных позиций в ходе формирования кабинета в 2023 г. добавилась и проблема сотрудничества отдельных лидеров. Например, некоторые политические силы отказывались поддержать правительство, во главе которого встал бы Г. Вилдерс как первое лицо политической партии, получившей наибольшее количество голосов. Особую роль премьер-министра в Нидерландах (не обладающего полномочиями главы государства в президентских республиках) подчеркивает ее традиционное символическое значение: в качестве “символа страны”, особенно в отдельных вопросах, например, внешней политики, глав правительства Нидерландов сравнивают с президентами других государств [32].

Решение проблемы межпартийных разногласий было найдено в заключении рамочного коалиционного соглашения и назначении премьер-министром беспартийного “технократа” – генерального секретаря (директора) Министерства юстиции и безопасности Дика Схофа. В научной литературе предлагаются различные мотивировки выбора политических лидеров в пользу включения “технократов” в состав исполнительных органов, а также поддержки населением такого решения. Например, политологи М. Чиру и Ж. Эньеди [33] доказывают, что одной из целей такого выбора может быть попытка снизить уровень недоверия избирателей политическим институтам. Среди причин поддержки сформированного подобным образом правительства авторы указывают, среди прочего, на надежды населения на установление более “стабильного” управления страной, свободного от межпартийных конфликтов. По-видимому, в современной ситуации в политической системе Нидерландов указанный “нестандартный” подход к формированию правительства в 2023–2024 гг. продиктован стремлением за счет идеологически “нейтральной” фигуры премьер-министра обеспечить взаимодействие между принципиально отличающимися политическими силами – так же, как ранее это взаимодействие обеспечивал М. Рютте благодаря проведению политического курса, четко не определенного по оси “правый–левый”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ современной партийно-политической системы Нидерландов показал, что она находится на этапе трансформации: укрепляются тенденции фрагментации, снижается поддержка “традиционных” партий. И все же руководство М. Рютте правительством продлилось почти 14 лет; рассматривая в отдельности доверие населения премьер-министру на протяжении этого периода, можно заключить, что оно главным образом зависело от экономической ситуации в стране. На отношение нидерландцев к премьеру также влияли случаи, когда М. Рютте удавалось выступить в роли “антикризисного менеджера”, например, ситуации вокруг катастрофы рейса *MH-17* и в период пандемии. Тем не менее в ходе парламентских выборов за избранный период набор значимых факторов не сводился к управленческим качествам М. Рютте, а имел разнообразный характер, их комбинация и значение различались.

Важнейшими достижениями М. Рютте наравне со стабильным руководством в периоды серьезных кризисов нидерландцы считают взаимодействие с различными политическими силами и отказ от четкой идеологической привязки политики НПСД. Но маловероятно, что предпочтение избирателями фигуры Рютте и, соответственно, голос в пользу его партии на выборах были полностью обусловлены связующей ролью политика во фрагментированной системе, так как эта фрагментация количественно и качественно трансформировалась. Кроме того, нельзя не учитывать другие факторы, в том числе корректировку политики НПСД вслед за запросом электората.

Хотя итоги парламентских выборов 2023 г. отражают новые тенденции в партийно-политической системе Нидерландов, к которым относится и укрепление роли личности партийных лидеров в глазах избирателей, склонность граждан этой страны отдавать голос за харизматических лидеров, предлагающих существенные перемены курса (например, Г. Вилдерса), не находит выражения в смене политики государства. Политическая система, уходящая корнями в “общественную демократию” и долгое время имевшая в основании связующую роль М. Рютте, строится на взаимодействии и поиске точки зрения, не связанной с преобладанием какой-либо одной политической силы, что иногда достигается неочевидными способами, например, согласованием кандидатуры премьер-министра-“технократа”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Семенов И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь мир, 2023. 512 с. [Semenenko I.S., ed. *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*. Moscow, Ves' Mir, 2023. 512 p. (In Russ.)]
2. Andeweg R.B., Irwin G.A., Louwse T. *Government and Politics of the Netherlands*. London, Red Globe Press, 2020. 503 p.
3. Тимошенко Е.П. Уроки лидерства А. Меркель: секрет политического долголетия (2013–2021 гг.). *Современная Европа*, 2022, № 2, сс. 5-19. [Timoshenko E.P. A. Merkel's Leadership Lessons: The Secret of Political Longevity (2013–2021). *Contemporary Europe*, 2022, no. 2, pp. 5-19. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S0201708322020012
4. Осолков П.В., Сергеев Е.А. Нидерландская партийная система: между системой опор и европейской интеграцией. *Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2017, № 10(6), сс. 155-168. [Oskolkov P.V., Sergeev E.A. Party System of the Netherlands: Between Pillarization and European Integration. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2017, no. 10(6), pp. 155-168. (In Russ.)] DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-155-168
5. Лейпхарт А. *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование*. Москва, Аспект Пресс, 1997. 287 с. [Lijphart A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. Moscow, Aspekt Press, 1997. 287 p. (In Russ.)]
6. Мелешкина Е.Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения. *Политическая наука*, 2001, № 2, сс. 187-212. [Meleshkina E.Yu. The Research of Electoral Behaviour: Theoretic Models and Issues of Their Usage. *Politicheskaya nauka*, 2001, no. 2, pp. 187-212. (In Russ.)]
7. Campbell A., et al. *The American Voter*. New York, John Wiley & Sons Inc., 1960. 573 p.
8. Осолков П.В., Шишулина Л.Е. Политическое лидерство в Нидерландах: от статхаудеров до правых популистов. *Актуальные проблемы Европы*, 2019, № 2, сс. 141-156. [Oskolkov P.V., Shishulina L.Ye. Political Leadership in the Netherlands: From Stadtholders to Right-Wing Populists. *Current Problems of Europe*, 2019, no. 2, pp. 141-156. (In Russ.)] DOI: 10.31249/ape/2019.02.06
9. Lucardie A. The Netherlands: Populism Versus Pillarization. Albertazzi D., McDonnel D., eds. *Twenty-First Century Populism: The Spectre of Western European Democracy*. London, Palgrave MacMillan, 2008, pp. 151-165.
10. Pellikaan H., de Lange S.L., van der Meer T. Fortuyn's Legacy: Party System Change in the Netherlands. *Comparative European Politics*, 2007, no. 5, pp. 282-302. DOI: 10.1057/palgrave.cep.6110097
11. Hemerijck A., Karremans J., van der Meer M. Responsive Corporatism Without Political Credit: Social Concertation, Constructive Opposition and the Long Tenure of the Rutte II Cabinet in the Netherlands (2012–2017). *Acta Politica*, 2023, no. 58, pp. 161-180. DOI: 10.1057/s41269-022-00239-6
12. Rooduijn M., van der Brug W., de Lange S.L. Expressing or Fuelling Discontent? The Relationship Between Populist Voting and Political Discontent. *Electoral Studies*, 2016, no. 43, pp. 32-40. DOI: 10.1016/j.electstud.2016.04.006
13. Lowery D., et al. Policy Agendas and Births and Deaths of Political Parties. *Party Politics*, 2013, no. 19(3), pp. 381-407. DOI: 10.1177/1354068811407576
14. Irwin G.A., van Holsteyn J.J.M. Scientific Progress, Educated Guesses or Speculation? On Some Old Predictions with Respect to Electoral Behaviour in the Netherlands. *Acta Politica*, 2008, no. 43(2-3), pp. 180-202. DOI: 10.1057/ap.2008.7
15. De Vries P., De Landtsheer C. The Centrality of Political Personality to Political Suitability, a Matter of Charisma? *aDResearch ESIC International Journal of Communication Research*, 2011, no. 4(4), pp. 64-79. DOI: 10.7263/adresic-004-02
16. Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Социология. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 283 с. [Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. *Sociology*. Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2016. 283 p. (In Russ.)]
17. Lucardie A., Bredwold M., Voerman G., van der Walle N. Kroniek 2006: overzicht van de partijpolitieke gebeurtenissen van het jaar 2006. Voerman G., ed. *Jaarboek Documentatiecentrum Nederlandse Politieke Partijen 2006*. Groningen, 2008, pp. 15-104. [Lucardie A., Bredwold M., Voerman G., van der Walle N. *Chronicles 2006: Overview of the Party and Political Developments in the Year 2006*. Voerman G., ed. *Centre for Dutch Political Parties Documentation 2006 Yearbook*. Groningen, 2008, pp. 15-104. (In Dutch.)]
18. Koedam J. Avoidance, Ambiguity, Alternation: Position Blurring Strategies in Multidimensional Party Competition. *European Union Politics*, 2021, no. 22(4), pp. 655-675. DOI: 10.1177/14651165211027472
19. Kanne P., Driessen M. *Tien jaar premier Mark Rutte*. Amsterdam, I&O Research, 2020. 38 p. [Kanne P., Driessen M. *Ten Years of Prime Minister Mark Rutte*. Amsterdam, I&O Research, 2020. 38 p. (In Dutch.)] Available at: <https://www.ipsos-publiek.nl/wp-content/uploads/2020/10/IO-Research-rapport-10-jaar-Rutte-voor-Trouw-DEF-1.pdf> (accessed 11.08.2024).

20. Otjes S., Louwerse T., Timmermans A. The Netherlands: The Reinvention of Consensus Democracy. De Giorgi E., Ilonszki G., eds. *Opposition Parties in European Legislatures: Conflict or Consensus?* London, Routledge, 2018, pp. 53-72. DOI: 10.4324/9781315561011-4
21. Сергеев Е.А., Киселева И.В. Трансформация подхода малых открытых экономик к расширениям Европейского Союза. *Международные процессы*, 2023, т. 21, № 4(75), сс. 133-155. [Sergeev E.A., Kiseleva I.V. EU Eastern Enlargement: A View from a Small Open Economy's Perspective. *International Trends*, 2023, no. 21(4), pp. 133-155. (In Russ.)] DOI: 10.17994/IT.2023.21.4.75.6
22. Van Holsteyn J.J.M. The Dutch Parliamentary Elections of September 2012. *Electoral Studies*, 2014, no. 34, pp. 321-326. DOI: 10.1016/j.electstud.2013.09.001
23. Wijkhuijs V., van Duin M. *Vluchtelingencrisis 2015: Lessen uit de crisisnoodopvang*. Arnhem, Instituut Fysieke Veiligheid, 2017. 73 p. [Wijkhuijs V., van Duin M. *Refugee Crisis 2015: Lessons from the Crisis Accommodation*. Arnhem, Instituut Fysieke Veiligheid, 2017. 73 p. (In Dutch.)] Available at: <https://nijpv.nl/wp-content/uploads/2022/05/20170315-IFV-Vluchtelingencrisis-2015-lessen-uit-de-crisisnoodopvang.pdf> (accessed 11.08.2024).
24. Jacobs K., et al. *Het Oekraïne-referendum Nationaal Referendum Onderzoek 2016*. Universiteit van Twente, 2016. 72 p. [Jacobs K., et al. *The Referendum on Ukraine. National Referendum Research 2016*. University of Twente, 2016. 72 p. (In Dutch.)] Available at: https://ris.utwente.nl/ws/portalfiles/portal/17686749/het_oekra_ne_referendum_nationaal_referendumonderzoek_2016.pdf (accessed 11.08.2024).
25. van der Meer T., van der Kolk H., Rekker R., eds. *Aanhoudend wisselvallig. Nationaal Kiezersonderzoek 2017*. Stichting Kiezers Onderzoek Nederland (SKON), 2018. 106 p. [van der Meer T., van der Kolk H., Rekker R., eds. *Continuously Changing. National Voting Research 2017*. Stichting Kiezers Onderzoek Nederland (SKON), 2018. 106 p. (In Dutch.)] Available at: <https://www.dpes.nl/wp-content/uploads/2021/11/Aanhoudend-Wisselvallig-NKO-2017-FIN.pdf> (accessed 11.08.2024).
26. Kanne P. Mark Rutte gezien als beste premier sinds WOII. Ipsos, 13.03.2020. [Kanne P. Mark Rutte Seen as Best Prime Minister Since WWII. Ipsos, 13.03.2020. (In Dutch.)] Available at: <https://www.ipsos-publiek.nl/actueel/mark-rutte-gezien-als-beste-premier-sinds-woii/> (accessed 11.08.2024).
27. Sipma T., Lubbers M., van der Meer T., et al. eds. *Versplinterde vertegenwoordiging. Nationaal Kiezersonderzoek 2021*. Stichting Kiezers Onderzoek Nederland (SKON). 158 p. [Sipma T., Lubbers M., van der Meer T., et al. eds. *Split Representation. National Voting Research 2021*. Stichting Kiezers Onderzoek Nederland (SKON). 158 p. (In Dutch.)] Available at: <https://www.dpes.nl/wp-content/uploads/2021/11/NKO-2021-Versplinterde-vertegenwoordiging.pdf> (accessed 11.08.2024).
28. Гуселетов Б.П. Итоги парламентских выборов в Нидерландах и их влияние на российско-нидерландские отношения. *Наука. Культура. Общество*, 2021, т. 27, № 2, сс. 22-29. [Guseletov B.P. Results of the Parliamentary Elections in Netherland and Their Impact on Russian-Netherlands Relations. *Science. Culture. Society*, 2021, vol. 27, no. 2, pp. 22-29. (In Russ.)] DOI: 10.19181/nko.2021.27.2.2
29. Сидорова Г.М. Европейский миграционный кризис в странах Бенилюкса. *Современная Европа*, 2024, № 3, сс. 44-55. [Sidorova G.M. The European Migration Crisis in the Benelux Countries. *Contemporary Europe*, 2024, no. 3, pp. 44-55. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S0201708324030045
30. Voogd R., Jacobs K., Lubbers M., Spierings N., eds. *De verkiezingen van 2023. Van Onderstroom naar Doorbraak: Onvrede en Migratie*. Stichting Kiezers Onderzoek Nederland (SKON), 2024. 187 p. [Voogd R., Jacobs K., Lubbers M., Spierings N., eds. *2023 Elections. From Understream to Breakthrough: Dissatisfaction and Migration*. Stichting Kiezers Onderzoek Nederland (SKON), 2024. 187 p. (In Dutch.)] Available at: <https://www.dpes.nl/wp-content/uploads/2024/07/NKO2023-Rapportage-De-verkiezingen-van-2023-1.pdf> (accessed 11.08.2024).
31. Franssen G., Rock J. The Dutch Star on the Flag of Europe: the Personalisation of National Identity in Geert Wilders' Celebrity Politics. *Celebrity Studies*, 2020, no. 11(3), pp. 287-304. DOI: 10.1080/19392397.2020.1800673
32. Beijen M., Otjes S., Kanne P. Rally `Round the Prime Minister: A Study into the Effects of a Diplomatic Conflict on Public Opinion Under Coalition Government. *Acta Politica*, 2022, no. 57, pp. 298-319. DOI: 10.1057/s41269-020-00190-4
33. Chiru M., Enyedi Z. Who Wants Technocrats? A Comparative Study of Citizen Attitudes in Nine Young and Consolidated Democracies. *The British Journal of Politics and International Relations*, 2022, no. 24(1), pp. 95-112. DOI: 10.1177/13691481211018311

EXPLORING THE FUTURE OF BANGLADESH IN THE CONTEXT OF SOUTH ASIAN DYNAMICS: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

© HASAN M.A., 2025

HASAN Md Abul, Bangladesh (habul@hse.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7008-4228>,
National Research University 'Higher School of Economics', Doctoral School of International
Relations and Regional Studies, 17, Malaya Ordynka Str., Moscow 119017, Russian
Federation;
Center for Policy and Social Research (CPSR), Fatih, Istanbul 34080, Republic of Türkiye.

Hasan M.A. Exploring the Future of Bangladesh in the Context of South Asian
Dynamics: Opportunities and Challenges. *Analysis and Forecasting. IMEMO
Journal*, 2025, № 1, cc. 61-72. DOI: 10.20542/afij-2025-4-61-72 EDN: UMLQPX

DOI: 10.20542/afij-2025-1-61-72

EDN: UMLQPX

УДК: 327+(549.3)

Original article

Received 26.07.2024. Revised 10.03.2025. Accepted 10.03.2025.

Bangladesh, being a country in South Asia and becoming a key player in the Bay of Bengal region, holds strategic significance at both regional and global levels. The article aims to delve into how Bangladesh has been salient to major powers, and therefore its future is largely shaped by the intricate regional geopolitical dynamics. This study looks at how domestic, regional and extra-regional political, economic and security factors affect the country's opportunities and create certain challenges. It does so by analyzing scholarly literature, news articles and reports on South Asian affairs, especially those that focus on Bangladesh, and conducting in-depth expert interviews. The study found that Bangladesh has enormous avenues to get engaged not only with neighbouring countries, organizations and forums, but also with the regional and extra-regional ones, while the existing and forthcoming hurdles cannot be undermined. The study posits that while Bangladesh's strategic location and its hedging foreign relations strategies with major powers have opened doors to prosperity, especially in terms of economic development and security cooperation, its weakness to deeply engage with other neighbouring smaller nations and resolve disputes through dialogues and negotiations using diplomatic channels, as well as its inability to create strong leverage among major powers, could lead to a geopolitical trap in the near future. Ultimately, this situation may compel Bangladesh to align with a major power or a bloc, maintain a position of neutrality or opt for strategic autonomy in its foreign relations, depending on the evolving domestic, regional and global political, economic and security dynamics.

Keywords: Bangladesh, South Asia, geopolitics, domestic politics, regional politics, extra-regional politics, hedging in foreign relations.

About the author:

Md Abul HASAN,

PhD student at the Doctoral School of International Relations and Regional Studies,

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

National Research University 'Higher School of Economics', Moscow, Russian Federation;
Research Assistant, Center for Policy and Social Research (CPSR), Republic of Türkiye.

Competing interests: no potential financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

INTRODUCTION

Bangladesh's birth at the height of the Cold War, along with the changing regional political dynamics and growing geopolitical competition in the South Asia region, has transformed the country into a prominent center for major powers [1; 2]. Admitting its strategic salience and geographical location, dominant powers have been working for years to strengthen their active engagement with Bangladesh, resulting in increasing influence in domestic and foreign affairs in recent years [3]. Additionally, as a littoral country of the Bay of Bengal – a major trade route of great powers – Bangladesh has emerged as a notable regional hub for political, economic and military activities among key players [4].

Geographically, Bangladesh is landlocked on three sides by India, necessitating the maintenance of a robust relationship with this regional giant [5]. Conversely, China views Bangladesh as a crucial hub for trade and commerce, positioning it as a significant corridor for its Belt and Road Initiative (BRI) [6; 7]. Consequently, competition between China and India in Bangladesh has intensified in recent years [8]. Amidst this Sino-Indian rivalry, the United States – Bangladesh's largest trade partner – has begun to pay greater attention to the country than ever before due to its broader interests in the Indo-Pacific region. While Russia's historical presence in Bangladesh has been minimal [9], recent collaborations between Dhaka and Moscow mark the beginning of a new chapter in their development [10].

Bangladesh's growing significance to major powers necessitates a focus on maintaining regional peace, stability, security, integration and cooperation, as well as contributing to global peace and stability [11; 12]. Although Bangladesh pursues a hedging strategy in foreign relations, it finds itself in a complex situation due to the critical geopolitical landscape of South Asia, which presents both opportunities and challenges. If the overall situation – both regional and extra-regional – deteriorates, should Bangladesh continue its current hedging approach, align itself with a specific bloc, or maintain a neutral stance? This question poses significant implications for Bangladesh's future course of action.

The existing literature has not extensively addressed this issue, with many Bangladeshi experts arguing that it is too early to engage in such discussions. However, this study asserts the importance of developing long-term plans and strategies to anticipate potential risks or threats facing Bangladesh. It aims to contribute to the existing body of literature exploring these issues, thereby enriching the discourse in this field. The objective of this study is to examine Bangladesh's future within the context of complex South Asian regional dynamics while considering the potential challenges and significant opportunities that may arise.

Employing qualitative research methods with a particular focus on literature concerning smaller states in South Asia and conducting in-depth interviews, this study analyses how Bangladesh navigates its foreign policy strategies amid major power competition in the region's geopolitical dynamics. Through qualitative analysis techniques, it explores the intricate South Asian political landscape and international relations, along with their effects on Bangladesh.

The general outline of this article is delineated as follows: first, it provides a succinct overview of the historical background of Bangladesh, which is geographically located in South Asia. Next, it delves into an investigation of the geopolitical landscape within the South Asia region and elucidates how Bangladesh endeavours to navigate major power competition. Third, it discusses the opportunities that lie before the country and could be taken in the foreseeable future if South Asian nations persist in their efforts to enhance collaboration among themselves.

Fourth, it scrutinises both the current challenges facing Bangladesh and potential forthcoming obstacles that may arise in the near future. Finally, it concludes with a comprehensive illustration of key findings derived from this study, along with their possible implications.

GEOPOLITICAL DYNAMICS IN SOUTH ASIA AND BANGLADESH

A brief background on Bangladesh in South Asia

Bangladesh is one of eight nation-states in South Asia that emerged during the Cold War era, becoming a unique battleground for political manoeuvring [2]. Since then, Dhaka's foreign policy approaches have evolved from diplomacy of recognition to economic diplomacy and, more recently, to a hedging strategy in its international relations. Despite its small size, Bangladesh's geographical position renders it strategically significant not only to regional powers like India and China but also to extra-regional powers such as the USA and Russia [13]. Furthermore, the country's growing economic prosperity has garnered considerable attention from foreign investors, transforming its image from the 'Bottomless Basket' to the 'South Asian Miracle' [14; 15]. However, political turmoil, corruption and foreign influence often hinder the smooth progress of the country.

Since gaining independence, Bangladesh has experienced both military and democratic regimes, yet it has never achieved lasting political stability. The 'zero-sum' political game and 'winner-takes-all' mentality have deeply penetrated Bangladeshi politics. Consequently, political polarisation has become a significant concern, creating opportunities for foreign actors to meddle in domestic affairs, as noted by Dr. Nazrul Islam, a Professor of Political Studies at Shahjalal University of Science and Technology in Bangladesh.

The fragile political environment in Bangladesh significantly influences its internal and external policies and behaviours. Major political parties often prioritise regime interests over national interests in their foreign relations and policies, which provides hegemonic powers with an opportunity to engage in Bangladeshi domestic, regional and global affairs by supporting their preferred political parties and elites [10]. Thus, Bangladesh's foreign relations and policies are largely contingent upon which political parties are in power.

The ever-changing geopolitical and economic competition in the region intensifies challenges for smaller states in South Asia, compelling many of them to maintain balance in their collaboration with major powers [16]. Bangladesh's foreign policy aims primarily to maintain regional peace, stability, security, integration and cooperation while promoting global peace and stability. Although Bangladesh adheres to the basic principles of 'friendship towards all and malice towards none' and a policy of non-alignment [3], it has never been entirely neutral in its foreign relations or decision-making processes [10]. Rather, its foreign relations with other nations – especially major powers – largely depend on the ruling regime, according to Dr. Nazmul Islam, an Associate Professor of Political Science and a Head of Turkey, Asia and Indo-Pacific Studies at Ankara Yildirim Beyazit University in Turkey.

Regional and extra-regional politics in South Asia and Bangladesh

The very intricate South Asian regional dynamics has greatly influenced Bangladesh foreign policy decision-making process. To understand the regional geopolitical landscape and its impact on Bangladesh, it is essential to address some background history of South Asian politics and great powers' influence in the region. The enduring impact of British colonisation continues to shape post-independence societies in South Asia, thereby heavily influencing both regional and international politics and relations [17].

In South Asian attributes, the legacy of British colonisation lays the foundation for the region's complexities [18]. The partition of India and Pakistan based on religious identity, Pakistan's geography (West and East), leaving Kashmir undisputed, and then Bangladesh's creation and possession of nuclear power by New Delhi and Islamabad have perpetuated a sense of perpetual enmity [19]. Indian leaders and elites have historically envisioned (and continue to do so) regional and global dominance following British withdrawal, fuelling the

complex power dynamics between India and Pakistan and shaping a fragile South Asia. Following independence, New Delhi attempted to assert its influence in the neighbourhood [20]. New Delhi's policy approach in this regard derived from two key factors. First, from the beginning of independence (even before that), Indian political leaders believed that India was destined to be a great power. The country's first prime minister, Jawaharlal Nehru, held such a view. Second, Indian political elites perceived that India was the successor state of British India and the country would undertake the predecessor's international treaty and other obligations. The rise of the Bharatiya Janata Party (BJP) to power in India in 2014 heralded a new Indian regional approach.

The South Asian giant has abundant reasons to aspire to become a regional and global power. When compared, India's population is over six times larger and its land area is four times greater than that of Pakistan. India's GDP is approximately seven times that of Pakistan, with a significantly higher current economic growth rate. Moreover, India's military expenditure surpasses Pakistan's by more than six times, and its military manpower is twice as large.

India's overall material power surpasses that of all other South Asian states combined, placing them at a disadvantage while engaging with India [21]. Consequently, India's foreign policy approach towards its neighbouring countries is a key driver of shaping regional international relations [22]. The responses and policy approaches of other states towards India, notably Pakistan's challenge to Indian power, have contributed to an enduring rivalry in South Asia. This enduring rivalry has profoundly influenced the region's international relations and economic integration, with weaker states often being caught in the crossfire [23].

Regarding Indo-Pakistan rivalry, it is important to assess how Bangladesh responds to their conflicts. India-Bangladesh-Pakistan relations have some implications for South Asia's regional international relations because of their very complex linkage. Bangladesh-Pakistan relations have seen ups and down over the decades depending on which political party was in power in Bangladesh. The military regimes in Bangladesh from 1975 to 1990 had built better relations with Pakistan, which meant a deterioration in the relationship with India. Other times, when an Awami League government was in power in Bangladesh, Bangladesh-Pakistan relations plummeted, but when the Bangladesh Nationalist Party (in coalition with Jamaat-e-Islami) was installed in power, the opposite occurred. Since 2009, an AL government has been in power, which means a worsening of relations with Pakistan. It was manifested in 2016 when Bangladesh sided with India to boycott the 19th South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC) summit in Islamabad. In this context, Bangladesh-Pakistan relations are significant for SAARC, South Asian international relations and regionalism.

Out of South Asian attributes, the enduring influence of Cold War powers – the USA and Russia – has been a prominent feature in South Asian politics for years [24]. The both bipolar powers – the USA and the Soviet Union – tried to establish spheres of influence in the region where India gradually began to lean towards Soviet Russia and Pakistan to the USA which was also observed during the liberation war of Bangladesh (former East Pakistan) – the USSR was in favour of Bangladesh's creation as an independent state while the United States took the opposite direction [17]. According to them [17], Russia's political and economic weakness kept it out of the balance-of-power game in South Asia, and the U.S.' role in the subcontinent stayed the same: it wasn't very deep or ongoing (pp. 95–96). Despite a decrease in Russia's significance in South Asian geopolitical dynamics after the Cold War, it began to regain importance under President Vladimir Putin's leadership, especially following the Ukrainian crisis [25], albeit at a slower pace. Conversely, some experts suggest that China is increasingly aligning itself with the U.S.-led international [26] and regional order [27]. Thus, China's expanded presence in South Asia, especially in the Bay of Bengal region under Xi Jinping's leadership, exemplified by its Belt and Road Initiative, has fundamentally transformed the dynamics of regional and international politics in South Asia [28]. The obvious result is that India, while facing challenges within the SAARC framework, actively seeks counter Chinese influence in the littoral Bay of Bengal countries through the Bay of Bengal Initiative for Multi-Sectoral Technical and Economic Cooperation (BIMSTEC), aligning with its Look East Policy and Neighbourhood First Policy [29].

Neorealists argue that in international politics, dominant powers do not easily tolerate emerging competitors. The United States views China as a significant threat, acknowledging that Beijing's actions have been eroding their influence and interests in the Indo-Pacific region [30]. As a result, China's rapid growth, with its GDP increasing nearly fivefold from \$2.3 trillion (here and forward – U.S. dollar) in 2005 to \$17.7 trillion in 2022, has fuelled neorealists' predictions of a potential hegemonic conflict between a 'rising' China and the 'ruling' United States [31]. Similarly, Indian policymakers perceive Beijing as their primary rival in comparison to Pakistan, China views Washington as a more significant adversary than New Delhi in the region [23]. These dynamics lead Indian elites and scholars to voice concerns about China's creeping presence in the region. As a result, India's international relations strategies towards Pakistan, China, the USA and Russia in South Asian regional affairs, as well as its engagement with weaker states, are critical in shaping regional dynamics.

Throughout history, the issues of stability and security in South Asia have often revolved around a complex interplay of internal and external factors [17]. Taking a broader perspective, the dynamics of security in South Asia encompass various levels, including the domestic, regional, interregional and global spheres. Factors such as national identity, cultural and religious diversity, turbulent and violent political landscapes, a tendency among political elites to prioritise personal gain over economic development, and a focus on regime maintenance rather than national interests have contributed to making South Asia a region marked by complexity when compared to its neighbouring regions like Southeast Asia.

In essence, Bangladesh's emergence during the Cold War era, amidst India and Pakistan's rivalry, the threat of nuclear war, and subsequent shifts in regional power dynamics, along with the involvement of external powers in South Asian social, political, economic and security matters, have led the country to adopt a policy of non-alignment and strategic hedging in its foreign relations. However, this study found that hegemonic powers are attempting to coerce Dhaka into choosing a single side, resulting in an unstable equilibrium and uneasy coexistence, and the process has already begun.

OPPORTUNITIES FOR BANGLADESH

Robust relationships with great powers

As a peace-loving country, Bangladesh continues to enjoy substantial opportunities for cultivating robust relationships with all superpowers and aspires to establish itself as a key player in the region while maintaining balanced relations with them [32]. With its economy booming and global power shifting eastward, Dhaka's role on the regional and global stage is becoming increasingly prominent day by day [14]. In the aftermath of the Cold War, it has become evident that any country that stands against the Western powers, particularly the United States, is bound to face unprecedented consequences. However, Bangladesh's neighbour, Myanmar, has managed to effectively deal with Western threats by fostering strong relations with regional (e.g., India, China) and extra-regional anti-Western powers (e.g., Russia). Naypyidaw has been able to create leverage and wield considerable bargaining power, especially in balancing its relations with two local rivals, India and China [33].

In contrast to Myanmar, Bangladesh enjoys a plethora of advantages because it has maintained positive relationships with all major powers both regionally and globally. While the United States is Bangladesh's largest trade and strategic partner, Russia is an important exporter of various military weapons and equipment to Dhaka [34]. Moreover, Bangladesh's relations with Muslim countries are very strong. Since its independence, the country has been a key supplier of surplus manpower to many oil-rich countries in the Middle East, such as Saudi Arabia, Qatar, Kuwait, Oman, Bahrain and the United Arab Emirates, as well as to Southeast Asia, including Malaysia. The country has also been an influential member of the Organisation of Islamic Cooperation (OIC), where Dhaka plays significant roles in the decision-making process for the betterment of the Muslim world. Hence, it is clear that Bangladesh has successfully forged robust and constructive ties with dominant powers across the globe while also conveying the imperative of a balanced relationship that caters to the interests of all stakeholders.

Natural link between South and Southeast Asia

The geographical positioning of a country or region holds significant sway over both regional and international politics and economy, and has long been recognised as a pivotal determinant of foreign policy [35]. Due to its geographical location, Bangladesh serves as a gateway between South and Southeast Asia [36]. Therefore, any regional coordination between ASEAN (Association of the Southeast Asian Nations) and SAARC (the South Asian Association of Regional Cooperation) must include Bangladesh [37]. As such, it holds immense potential to facilitate the harmonious coexistence and mutual prosperity of these neighbouring regions, according to Professor Nasir Uddin. However, to fully capitalize on this opportunity, Bangladesh must first prioritise safeguarding its borders, revising its internal and external policies, and forging collaborative partnerships with India and Myanmar. With its well-equipped ports and burgeoning maritime trade, Bangladesh is well-positioned to act as a bridge connecting South and Southeast Asia. Yet, to fulfil this vision, Bangladesh's policymakers must work closely with their counterparts in SAARC and ASEAN member states to ensure regional stability and security while fostering trade and commerce.

Trade opportunities with South Asian countries

South Asia made history by forming SAARC through Bangladesh's initiative in 1985 [20]. The organisation's primary goal was to foster mutual cooperation on issues of common interest, achieve collective self-reliance and promote regional unity [38]. However, little has changed over the years regarding regional integration and economic cooperation [39]; rather, most member countries still remain suspicious of each other's activities, which greatly impacts intra-regional trade¹. At \$23 billion, intra-regional trade in South Asia is well below the estimated potential of \$67 billion, accounting for a mere 5 percent of the region's total trade². Despite this, Bangladesh remains hopeful that SAARC can still play a crucial role in advancing bilateral relationships among the member states.

While SAARC shows slow progress [40], some countries have taken the initiative to form alternative multilateral associations, such as BIMSTEC, with their regional allies to promote cooperation and integration among the countries surrounding the Bay of Bengal, where Bangladesh is an influential member [41]. Additionally, Bangladesh, Bhutan, India and Nepal (BBIN) have endeavoured to enhance road connectivity and facilitate electricity trade in recent years.

A tremendous trade opportunity lies in the closer economic integration and cooperation between SAARC and BIMSTEC members. Following the paths of ASEAN and the EU, South Asian countries, according to Ali Riaz, can achieve economic prosperity in the region and reduce dependency on external sources. To achieve the goals of SAARC, BIMSTEC and BBIN, leaders, diplomats and policymakers – particularly from smaller states – must work together to advance these associations for the betterment of the region.

CHALLENGES FOR BANGLADESH***In between hegemonic powers***

Bangladesh's strategic location, rapidly developing economy, vast domestic market and natural resources have garnered significant attention from major powers [42]. However, the competition among both great and emerging powers for influence in the country has often led to unfavourable situations, hindering its ability to pursue independent domestic and foreign policies [43].

Since its inception, Bangladesh has maintained a complex relationship with India. Indian leaders consistently expect Dhaka to adhere to their guidelines regarding foreign relations and to avoid establishing strong bilateral ties with any country or power that New Delhi perceives as a threat. Any security cooperation between Bangladesh and China is viewed as

¹ Balachandran P.K. BIMSTEC Shows the Way to Regional Cooperation. *The New India Express*, 27.06.2015. Available at: <https://www.newindianexpress.com/world/2015/Jun/27/bimstec-shows-the-way-to-regional-cooperation-775471.html> (accessed 26.01.2025).

² *Why One South Asia? Trade*. The World Bank. Available at: <https://www.worldbank.org/en/programs/south-asia-regional-integration/trade> (accessed 20.02.2025).

a security threat by India. Indian leaders, policymakers and even academics frequently voice their concerns when Dhaka seeks to deepen its relationship with Beijing. Similarly, the United States attempts to limit Bangladesh's engagement with China, as evidenced by the frequent visits of high-ranking U.S. officials to the country over the past three years.

The growing apprehension of both the United States and India regarding China's increasing presence in Bangladesh and the broader region poses a significant challenge for the country [44]. These two powers closely monitor China's activities in Bangladesh, viewing them as threats to their security, influence and power. Whenever an agreement is reached between Bangladesh and China, Indian policymakers and media express concern, prompting Delhi to counteract through various means [8]. Singh P.S. [45] expresses worry about the shifting stance of China and its traditional allies, such as Pakistan, towards India's smaller neighbours, who were previously considered India's steadfast friends. He also asserts that Beijing's provision of 'conventional weapons' and other 'sensitive technologies' to Dhaka is not a positive development for New Delhi.

Despite India's concerns, Bangladesh's relations with China have reached their highest level in the last one and a half decades. Bangladesh and China share an annual bilateral trade turnover of \$23 billion³. According to Professor Ali Riaz, 'China's significant trade and investment in Bangladesh, which surpasses that of both India and the United States, has alarmed these two major powers. They perceive Bangladesh's growing engagement with Beijing as a threat to their trade and security interests in South Asia and the Bay of Bengal region. Furthermore, Bangladesh's involvement in China's Belt and Road Initiative includes receiving \$26 billion for BRI projects and \$14 billion for joint venture projects, totalling a \$40 billion package⁴. As of the end of 2023, China's investment stock in Bangladesh had increased to nearly \$1.4 billion, and there were nearly 700 Chinese-funded companies in Bangladesh, creating more than 550,000 jobs [46]. However, Bangladesh's trade gap with China raises concerns about falling into a debt trap in the near future. According to the United Nations COMTRADE database on international trade, China's exports to Bangladesh amounted to \$22.95 billion during 2023, while its imports from Bangladesh were only \$1.03 billion during the same year⁵.

Bangladesh's relations with the Russian Federation began during its liberation war, with the Soviet Union providing active support for its independence. Bangladesh and the Soviet Union established diplomatic ties on January 25, 1972. Although both countries enjoy friendly relations, their bilateral ties have never reached the same level as those with countries like India, China and the USA.

The signing of the partnership agreement for the Rooppur Nuclear Power Project marks a new era in the alliance between Dhaka and Moscow. Russia and Bangladesh now have a \$5 billion arms sale agreement. According to the SIPRI Arms Transfer Database (2023), Russia has been a major source of defence imports into Bangladesh, second only to China⁶. The two countries have cooperated in military and defence sectors; in 1999, they signed an agreement on military-technical cooperation, paving the way for a closer partnership in this area [47]. Bangladesh has been purchasing military equipment from Russia for many years, and Russia has been a reliable supplier of military hardware. The Russian-made MiG-29 fighter jets, T-72 tanks and other weapons systems are significant components of Bangladesh's defence arsenal. In 2013, Bangladesh and Russia signed a defence cooperation agreement that further strengthened their defence ties, which also include military training of personnel and joint exercises [48].

³ Qi W. China, Bangladesh Elevate Ties, Broaden Cooperation. *Global Times*, 10.07.2024. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202407/1315808.shtml> (accessed 28.10.2024).

⁴ Belt and Road Initiative: Perspective from Bangladesh. *The Daily Star*, 07.08.2019. Available at: <https://www.thedailystar.net/round-tables/news/belt-and-road-initiative-perspective-bangladesh-1782928> (accessed 28.10.2024).

⁵ *China Exports to Bangladesh*. Trading Economics. Available at: <https://tradingeconomics.com/china/exports/bangladesh#> (accessed 28.10.2024).

⁶ *SIPRI Arms Transfer Database*. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Available at: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed 28.10.2024).

Some Western countries express concern about the potential use of Russian military equipment by Bangladesh in human rights violations. The situation worsened after the onset of the Russia-Ukraine armed conflict, as many nations, including Bangladesh, faced pressure from Western powers to sever all types of relations with Russia. For example, Bangladesh was unable to purchase Russian oil and had to refuse entry to Russian shipments of materials for the nuclear power plant in Rooppur due to Western pressure and threats. Consequently, a temporary unfavourable situation arose following Moscow's summon of the Bangladesh ambassador in Russia. The six months of the current interim government's activities indicate that Dhaka is interested in maintaining positive relationships with the Cold War power.

Bilateral trade with South Asian nations

Bangladesh's bilateral trade with SAARC member states is at the lowest level, while there are huge opportunities to boost economic cooperation between South Asian nations, similar to that of ASEAN member states. The intra-regional trade among SAARC members accounts for about 5 percent of the total trade in the region, while intra-regional trade accounts for nearly 50 percent of the total trade in the East Asia and Pacific region and 22 percent of the total trade in the Sub-Saharan African region⁷. Mistrust and the lack of collaboration between states, along with limited free trade opportunities and trade liberalisation, makes South Asia one of the least economically integrated regions [38].

Bangladesh's initiatives towards founding SAARC, which aimed to boost economic cooperation among member states, have yet to be achieved [49]. No single South Asian nation has strong bilateral trade relations with others, except India. While Bangladesh has a substantial bilateral trade relationship with India, its trade deficit with New Delhi has reached the highest level in recent years. According to Bangladesh Export Promotion Bureau,⁸ total export earnings of Bangladesh from the goods and service sector during fiscal year 2023-2024 amounted to \$51114.15 million and the import payment for the same year was \$72616.70 million with a trade deficit of \$21502.55 million. The Bureau further reveals that among the top 20 exporting countries, only India, as a South Asian nation, imports the highest value of goods from Bangladesh, while Bangladesh's exports to Asian countries amounted to \$5250.81 million, with ASEAN member countries accounting for \$758.08 million and SAARC nations contributing \$1756.72 million.

Among South Asian nations, India alone has received about 90% of Bangladesh's exports. While smaller states have been trying to boost trade among SAARC member countries, the reluctance of India and the long-standing animosity between India and Pakistan have hindered their efforts. Thus, without strong Indian participation and leadership in various initiatives and forums, achieving economic cooperation and success in South Asia will be considered a failed attempt [44]. Therefore, Bangladesh's success in enhancing bilateral trade with South Asian nations is heavily reliant on the activities of India and Pakistan within SAARC.

Rohingya issue and great powers' role

The Rohingya crisis in Myanmar has been a major challenge for Bangladesh both internally and externally. This issue has severely deteriorated the relationships between the two neighbouring countries [50; 51]. Additionally, the roles of regional and extra-regional powers in solving the Rohingya issues are unprecedented for Bangladesh [52], while there is a clear verdict from the International Criminal Court (ICC) to take the Rohingyas back as citizens of Myanmar. However, there has been almost no progress in this regard; rather, the situation has become even more complicated due to the civil war in Myanmar. According to Nasir Uddin, a professor in the Anthropology Department at Chittagong University and an expert on international migration and refugees, 'The contradictory behavior of the major powers and the anti-Muslim attitude among Myanmar's army and its religious leaders towards the Rohingya Muslims have complicated efforts to get them back'.

Domestically, the presence of more than a million Rohingyas in Bangladesh poses not only economic, social and demographic challenges but also a major security concern [53]. Recently, a

⁷ Balachandran P.K. Op. cit.

⁸ Export Promotion Bureau, Bangladesh. Available at: http://epb.portal.gov.bd/sites/default/files/files/epb.portal.gov.bd/miscellaneous_info/8405d990_9311_41c8_88df_19b340500b6c/2025-01-23-10-23-578dd7519e362c17af98614919255e7f.pdf (accessed 05.03.2025).

significant number of Rohingya people have been involved in various crimes, including killings, abductions, drug and human trafficking [54]. Moreover, there has been a growing mentality among some of them to take revenge and subsequently join resistance groups. As a result, Bangladesh now finds itself in a more critical situation than ever before. Dhaka sees no significant diplomatic solution to the crisis, mainly due to the failure of the international community to pressure Myanmar into repatriating the refugees. Rather, it has become evident that these major powers prioritise their own interests over resolving the Rohingya crisis.

A geopolitical competition between Sino-Indian and China–USA–Russia interests in the Bay of Bengal region, which makes the Rohingya crisis even more complicated [55]. The emerging powers, India and China, have significant interests in Myanmar, especially in Rakhine State, which prevent them from actively participating in resolving Rohingya issues [56]. China's support for Myanmar is critical because of its energy security, geostrategic considerations and economic development in the southeastern region, according to Professor Nasir Uddin. Myanmar's strategic location in the Bay of Bengal makes it an essential economic connecting hub and a potential military launching pad for China [57]. On the other hand, India prefers to remain silent on addressing the Rohingya issue due to its energy interests in Myanmar, access to the Bay of Bengal and Southeast Asia, political and ethnic upheavals in India's Northeast, and security concerns about Beijing's growing influence in the region.

The Cold War power Russia still has not played any significant role in resolving the crisis while Moscow maintains strong bilateral relationships with both Bangladesh and Myanmar. While Russia is a significant exporter of military equipment to both countries, Bangladesh's expectations from Moscow have been much higher than what the great power has provided since the crisis emerged. To date, the only positive success for Bangladesh has been receiving support from Western powers, especially the United States, though they have their own ideological interests in the region. Ultimately, it has become apparent that Bangladesh has only been receiving assurances of support and help from major powers, but their efforts have yielded minimal results so far.

Hedging in foreign relations with major powers

Since gaining its independence, Bangladesh's foreign policy principle has been to maintain a non-alignment strategy. At the same time, as regional and extra-regional powers have gradually vied for influence in Bangladesh, Dhaka has endeavoured to maintain a delicate balance with most of them to safeguard its sovereignty and national interests, particularly economic ones [58]. Experts such as Professor Nasir Uddin, Riaz Ali and Shahidul Alam widely regard Dhaka's astute decision to warmly embrace key powers – which attracted substantial investments for infrastructural development projects throughout the country – as a prudent move from Bangladesh. However, the sustainability of such a balanced approach remains in question. A number of politicians and academicians, including Colonel Oli Ahmed, Ali Riaz, Saidul Islam and Nazrul Islam, contend that Sheikh Hasina's government has significantly tilted Bangladesh towards India.

The recent mass protests against Hasina's government and her subsequent resignation and departure from the country have caused a dramatic change in Bangladesh's foreign relations [59]. It has become evident that the interim government must lean more toward Western powers – especially the USA – and ideologies as it focuses on democracy, human rights and freedom of speech. However, this does not mean that Dhaka will sever relations with other powers such as China, India and Russia. The policymakers of Bangladesh still intend to maintain good relationships with all major powers due to its bilateral relations with them.

As global power gradually shifts toward the East, BRICS is expanding and countering Western powers, while many regional associations like ASEAN are also growing. This raises the question of what would happen if the world reverted to a bipolar sphere, with the U.S. leading one bloc and BRICS leading the other. In such a scenario, should Bangladesh align itself with one of the blocs or continue balancing relations with all blocs?

In a broad sense, aligning itself with a power bloc might be difficult for Dhaka for a multitude of reasons. This predicament arises from the fact that Bangladesh's economy heavily

relies on foreign trade, investments, loans and aid. Notably, Western countries, particularly the USA, have been Bangladesh's largest trade partners. The United States and the EU collectively serve as the primary destinations for the majority of Bangladesh's garment products, resulting in the country's second most significant source of foreign earnings. Conversely, China has made substantial investments in Bangladesh, fostering bilateral relations that have reached an apex. Similarly, Russia plays a pivotal role as a major exporter of military weapons and equipment while also serving as a key development partner across various projects, including the nuclear power plant initiative. Given its reliance on major powers and bilateral trade with them, Bangladesh still needs time to align with a power bloc.

CONCLUSION

Bangladesh's emergence as an independent state in the heart of South and Southeast Asia has altered the regional political, economic and security dynamics. The ever-changing power competition in the Indo-Pacific region has made the country a focal point for major powers. Moreover, its rapid economic development, access to the Bay of Bengal with two significant ports have attracted key players to boost their relationships with Bangladesh. While its strategic location and significance opened doors of opportunities, political instability, massive corruption and polarisation have created smooth paths of hegemonic powers to interfere in its domestic and international affairs.

Over time, Bangladesh has maintained good relationships with its neighbours, particularly with nations in South Asia. However, several factors – such as Indo-Pakistan rivalries, trade barriers, gaps and deficits, border disputes and killings, along with the Rohingya crisis – have impeded the smooth collaboration between states. Additionally, the British legacy of around 200 years of dominance, enduring influence of Cold War powers, especially the United States and Asia's two rising powers, China and India, have placed Bangladesh in a delicate position. While pursuing hedging in foreign relationships with major powers has been playing pivotal roles in Bangladesh's economy, questions remain about the sustainability of this balanced relations approach in the long run. Therefore, it is impossible to rule out the possibility of compelling Dhaka to take a side in the near future.

In order to maintain a positive course and successfully negotiate the complex terrain of geopolitics and geoeconomics in the Indo-Pacific region, particularly in the Bay of Bengal region, Bangladesh must ultimately carefully evaluate its current strategies and policies and work toward its long-term foreign policy approaches.

REFERENCES

1. Hussain I. *South Asia in Global Power Rivalry: Inside-Out Appraisals from Bangladesh*. London, Palgrave Macmillan, 2019. 333 p.
2. Rahman M.S. Bangladesh and Its Neighbors. Riaz A., Rahman M.S., eds. *Routledge Handbook of Contemporary Bangladesh*. London and New York, Routledge, 2016, pp. 378-388.
3. Yasmin L. Development of International Relations at the Periphery: The Case of Bangladesh. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 247-255. DOI: 10.22363/2313.0660.2019.19.2.247.255
4. Hossain D., Islam M.S. Understanding Bangladesh's Relations with India and China: Dilemmas and Responses. *Journal of the Indian Ocean Region*, 2021, vol. 17, no. 1, pp. 42-59. DOI: 10.1080/19480881.2021.1878582
5. Chaudhury A.B.R. Re-Connecting Neighbours: India-Bangladesh Relations @ 50. *Indian Foreign Affairs Journal*, 2020, vol. 15, no. 3, pp. 219-227. Available at: [https://associationdiplomats.org/Publications/ifaj/Vol15/15.3/IFAJ-15\(3\)-06-ABRayChaudhury.pdf](https://associationdiplomats.org/Publications/ifaj/Vol15/15.3/IFAJ-15(3)-06-ABRayChaudhury.pdf) (accessed 19.02.2025).
6. Anwar A. South Asia and China's Belt and Road Initiative: Security Implications and Ways Forward. Vuving A.L., ed. *Hindsight, Insight, and Foresight: Thinking About Security in the Indo-Pacific*. Honolulu, Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies, 2020, pp. 161-178.
7. Saimun R. The Prospect of Belt and Road Initiative in the Context of Bangladesh. *China Report*, 2020, vol. 56, no. 4, pp. 464-483. DOI: 10.1177/0009445520930396
8. Chakma B. The BRI and Sino-Indian Geo-Economic Competition in Bangladesh: Coping Strategy of a Small State. *Strategic Analysis*, 2019, vol. 43, no. 3, pp. 227-239. DOI: 10.1080/09700161.2019.1599567
9. Riaz A. Bangladesh's International Relations with South Asia and Beyond. Ganguly S., O'Donnell F., eds. *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia*. London, New York, Routledge, 2022, pp. 23-40. DOI: 10.4324/9781003246626.23

10. Hasan M.A. Bangladesh's Hedging Foreign Relations: The Dilemmas of a Weak State. *Asia and Africa Today*, 2024, vol. 4, pp. 39-46. DOI: 10.31857/S0321507500306068
11. Yasmin L. Foreign Policy of Bangladesh: From Chrysalis of a State to an Emerging Middle Power. *Journal of International Relations*, 2022, vol. 15, no. 1-2, pp. 23-53. DOI: 10.56312/DUJIR15e1n2e2
12. Ahmad M. Bangladesh and the China-India Conflict. *The Diplomat*, 2020. Available at: <https://thediplomat.com/2020/07/bangladesh-and-the-china-india-conflict/> (accessed 05.05.2024).
13. Ogden C. India's Relations with Her Neighbours. Ganguly S., O'Donnell F., eds. *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia*. London, New York, Routledge, 2022, pp. 100-120. DOI: 10.4324/9781003246626.25
14. Rahman Z. Bangladesh's Geopolitical Position Provides for Unique Opportunities. *The Daily Star*, 2021. Available at: <https://www.thedailystar.net/views/opinion/news/bangladeshs-geopolitical-position-provides-unique-opportunities-2221461> (accessed 22.03.2023).
15. Hossain N. The Geopolitics of Bare Life in 1970s Bangladesh. *Third World Quarterly*, 2021, vol. 42, no. 11, pp. 2706-2723. DOI: 10.1080/01436597.2021.1954902
16. Yasmin L. Bangladesh and the Great Powers. Riaz A., Rahman M.S., eds. *Handbook on Contemporary Bangladesh*. London, New York, Routledge, 2016, pp. 50-70.
17. Buzan B., Weaver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 300 P.
18. Hewitt V.M. *The International Politics of South Asia*. Manchester, New York, Manchester University Press, 1992. 250 p.
19. Shankar M. The Evolution of the India-Pakistan Rivalry. Ganguly S., O'Donnell F., eds. *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia*. London, New York, Routledge, 2022, pp. 104-115. DOI: 10.4324/9781003246626-11
20. Chakma B. *South Asian Regionalism: The Limits of Cooperation*. Bristol, Bristol University Press, 2020. 250 p. <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1453kr3>
21. Kelegama S. Changing Face: The Trials and Fortunes of Regional Cooperation Under SAARC. Kumar R., Goyal O., eds. *Thirty Years of SAARC: Society, Culture and Development*. India, 2016, pp. 60-80.
22. Palsule V. Challenges to Regional Economic Integration in South Asia. *Dogo Rangsang Research Journal*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 59-65.
23. Ganguly S., Pardesi M.S., Thompson W.R. *The Sino-Indian Rivalry: Implications for Global Order*. Cambridge, Cambridge University Press, 2023. 250 p.
24. Nadkarni V. Russia and South Asia. Ganguly S., O'Donnell F., eds. *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia*. London, New York, Routledge, 2022, pp. 341-353. DOI: 10.4324/9781003246626-29
25. Semenov A.A. Russia's 'Pivot to the East' and Its Impact on the Asia-Pacific Region and South Asia. Ranjan R., Changgang G., eds. *China and South Asia: Changing Regional Dynamics, Development and Power Play*. Abingdon, New York, Routledge, 2022, pp. 255-267.
26. Zhao S. Rhetoric and Reality of China's Global Leadership in the Context of COVID-19: Implications for the US-Led World Order and Liberal Globalization. Zhao S., ed. *China's Big Power Ambition under Xi Jinping*. London, Routledge, 2021, pp. 3-18.
27. Rahman H., Islam M.S., Gunjaria N. State and Politics in the Transitional Era of Globalization: Twisting and Turning Toward Authoritarian and Hybrid Regimes. *Politics & Policy*, 2024, no. 52(3), pp. 1-16. DOI: 10.1111/polp.12603
28. Raju A.S., Srinivasan R., ed. *The Routledge Handbook of South Asia: Region, Security and Connectivity*. Abingdon, New York, Routledge, 2024. 300 p.
29. Shishir M.F.J., Sakib N.H. How Interests and Ideas of a Dominant Actor Make a Big Difference: Analyzing India's Role in SAARC and BIMSTEC. *Chinese Political Science Review*, 2023, vol. 8, pp. 618-640. DOI: 10.1007/s41111-022-00230-8
30. Smith J. Trends in US Policy Toward South Asia. Ganguly S., O'Donnell F., eds. *Routledge Handbook of the International Relations of South Asia*. London, New York, Routledge, 2022, pp. 80-100. <https://doi.org/10.4324/9781003246626>
31. Parpiani K. Anticipating the China Challenge: China's Rise and the United States' Security Policy Vis-À-Vis India. Ranjan R., Changgang G., eds. *China and South Asia: Changing Regional Dynamics, Development and Power Play*. Abingdon, New York, Routledge, 2022, pp. 227-242.
32. Faruque T. Sino-Indian Geostrategic Competition: Bangladesh Perspective. *ELK Asia Pacific Journal of Social Science*, 2018, vol. 5, no.1, pp. 1-10. Available at: https://www.academia.edu/37685347/SINO_INDIAN_GEOSTRATEGIC_COMPETITION_BANGLADESH_PERSPECTIVE (accessed 05.05.2024).
33. Datta S.K. China-Bangladesh-India Triangular Cooperation: Options for Bangladesh. *Journal of Indian Research*, 2021, vol. 9, no. 1-2, pp. 1-14. Available at: https://www.researchgate.net/publication/354422995_CHINA-BANGLADESH-INDIA_TRIANGULAR_COOPERATION_OPTIONS_FOR_BANGLADESH (accessed 05.05.2024).
34. Ahmed M.N.U., Kabir M.R., Jyoti T.A. Promising Relationship Between Bangladesh and Russia. *Saudi Journal of Humanities and Social Sciences*, 2022, vol. 7, no. 3, pp. 94-103. DOI: 10.36348/sjhss.2022.v07i03.004
35. Jha N.K. Domestic Bases of Foreign Policy: Bangladesh's Policy Towards India. *International Relations Theory and South Asia*. New Delhi, Oxford University Press, 2011, pp. 260-297. Available at: https://www.academia.edu/4142348/Domestic_Bases_of_Foreign_Policy_Bangladeshs_Policy_Towards_India (accessed 05.05.2024).
36. Houda M.N. Domestic Inputs in Bangladesh Foreign Policy: An Overview. *IDEAS International Journal of Literature Arts Science and Culture*, 2020, vol. 5, pp. 152-167. Available at: https://www.academia.edu/43076370/Domestic_Inputs_in_Bangladesh_Foreign_Policy_An_Overview (accessed 19.02.2025).
37. Saimun R., Talukder M.A.R. The Rohingya Crisis in the Context of Sino-Indian Geopolitical Competition in Myanmar. *Journal of Bangladesh and Global Affairs*, 2022, vol. 1, no. 3, pp. 45-60. DOI: 10.55875/jbga.bd.dec22.005
38. Saleem A. Prospects and Hurdles Towards Energizing SAARC. Delinic T., Pandey N.N., eds. *Towards a More Cooperative South Asia*. Kathmandu, Center for South Asian Studies and Konrad Adenauer Stiftung, 2012, pp. 64-74. Available at: https://www.academia.edu/31624047/Towards_a_More_Cooperative_South_Asia (accessed 05.05.2024).
39. Sahasrabudde U. Comparing the SAARC and the ASEAN. Raju A.S., Srinivasan R., eds. *The Routledge Handbook of South Asia: Region, Security and Connectivity*. Abingdon and New York, Routledge, 2024, pp. 326-338. DOI: 10.4324/9781003279662-26

40. Nayak S. A Sub-Regional Resuscitation in South Asia: Enlivening the BIMSTEC. Raju A.S., Srinivasan R., eds. *The Routledge Handbook of South Asia: Region, Security and Connectivity*. Abingdon, New York, Routledge, 2024, pp. 311-325. DOI: 10.4324/9781003279662-25
41. Hossain S.M. Impacts of BIMSTEC Free Trade Area: A CGE Analysis. *Journal of Economics and Sustainable Development*, 2013, vol. 4, no. 13, pp. 16-28. Available at: https://www.researchgate.net/publication/365368168_Impacts_of_BIMSTEC_Free_Trade_Area_A_CGE_Analysis (accessed 05.05.2024).
42. Karim S., Uddin M.J. Foreign Policy of Bangladesh: Emerging Challenges. *BISS Journal*, 2016, vol. 37, no. 4, pp. 339-362. Available at: https://www.academia.edu/107679794/Foreign_Policy_of_Bangladesh_Emerging_Challenges (accessed 05.05.2024).
43. Ansari M.T., Baghermia N. The Nature of India and China's Rivalries in South Asia. *Journal of Subcontinent Researches*, 2021, vol. 13, no. 41, pp. 9-26. DOI: 10.22111/JSR.2020.30757.1975
44. Delinic T., Pandey N.N., eds. *Towards a More Cooperative South Asia*, 2012. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/165362/Book%20South%20Asia.pdf> (accessed 05.05.2024).
45. Singh P.S. China in South Asia and India's Apprehensions. Delinic T., Pandey N.N., eds. *Towards a More Cooperative South Asia*, 2012, pp. 49-63.
46. Islam S. Has Bangladesh Lost Its Footing in the China-India Balancing Act? *The Diplomat*, 2024. Available at: <https://thediplomat.com/2024/07/has-bangladesh-lost-its-footing-in-the-china-india-balancing-act/> (accessed 28.10.2024).
47. Zakharov A. From Neglect to Revival: Making Sense of Russia's Outreach to Bangladesh. *Observer Research Foundation Iss. Brief no. 689*, January 2024. Available at: <https://policycommons.net/artifacts/11322855/from-neglect-to-revival/12211298/> (accessed 28.10.2024).
48. Bhattacharjee D.R. *Growing Russia-Bangladesh Ties and Their Implications for South Asia*. New Delhi, Society for Policy Studies, 2015. 9 p. Available at: <http://spsindia.in/wp-content/uploads/2016/02/SPS-Insight-1-2015.pdf> (accessed 28.10.2024).
49. Paul A. Regional Cooperation in South Asia: Exploring the Three Pillars of Regionalism and Their Relevance. *The Journal of Indian and Asian Studies*, 2020, vol. 1, no. 2, pp. 1-22. DOI: 10.1142/S2717541320500084
50. Ahmed I. Bangladesh Foreign Policy: Constraints, Compulsions and Choices. *BISS Journal*, 2007, vol. 32, no. 3, pp. 207-218. <https://biiss.org/publication-view/1348573091084636160>
51. Khanam S.S., Ali M.M. Foreign Policies Towards Rohingya Refugees: A Comparative Study of Bangladesh and Myanmar. *Asian Journal of Social Sciences and Legal Studies*, 2022, vol. 4, no. 5, pp. 178-188. DOI: 10.34104/ajssls.022.01780188
52. Trapa S. Protracted Rohingya Crisis in Bangladesh: Are National and Regional Security at Stake? *Asian Research Journal of Arts & Social Sciences*, 2023, vol. 20, no. 2, pp. 46-60. DOI: 10.9734/arjass/2023/v20i2446
53. Fair C.C. Rohingya: Victims of a Great Game East. *The Washington Quarterly*, 2018, vol. 41, no. 3, pp. 63-85. DOI: 10.1080/0163660X.2018.1519356
54. Halim A. Protracted Rohingya Crisis in Bangladesh: Exploring National and International Security Implications. *Journal of South Asian Studies*, 2023, vol. 11, no. 3, pp. 217-229. DOI: 10.33687/jsas.011.03.4609
55. Mallick A.H. Rohingya Refugee Repatriation from Bangladesh: A Far Cry from Reality. *Journal of Asian Security and International Affairs*, 2020, vol. 7, no. 2, pp. 202-226. DOI: 10.1177/2347797020938983
56. Nuruzzaman M. Bangladesh and the Rohingya Crisis: The Need for a Long-Term Strategy. *The Washington Quarterly*, 2023, vol. 46, no. 3, pp. 65-79. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2023.2260595>
57. Shahriar S., Luong H.T. Bangladesh's Rohingya Refugee Crisis: Perspectives from the Belt and Road Initiative. *Asian Profile*, 2023, vol. 51, no. 1, pp. 15-31. Available at: https://www.researchgate.net/publication/375837086_Bangladesh's_Rohingya_Refugee_Crisis_Perspectives_from_the_Belt_and_Road_Initiative (accessed 05.05.2024).
58. Hasan M.A. The Dilemmas of Bangladesh as a Weak State in South Asia. *Public Administration and Policy: An Asia-Pacific Journal*, 2024, vol. 27, no. 3, pp. 316-329. <https://doi.org/10.1108/PAP-01-2024-0010>
59. Hasan M.A. Exploring the Intricate Future of Bangladesh in the Context of Regional Geopolitical Dynamics. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2024, vol. 17, no. 3, pp. 110-127. <https://doi.org/10.31249/kgt/2024.03.06>

